

Корабль
Уродов

ТАРГУЛЯ И КОМПАНИИ

16+

Ксения Таргулян

Корабль уродов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11298479

SelfPub; 2022

Аннотация

Дайте мне власть над всеми клешнями, крыльями и щупальцами мира – и я, наверно, потеряю человеческую сущность. Впрочем, обладал ли я ею когда-нибудь? Ведь мы родились с этой властью, и разве не наше законное право – повелевать жестокими уродцами? Но, кажется, эта сила утекает сквозь пальцы... В ответ на мысли я вижу лишь десятки бесчувственных белесых глаз перед собой. И страх забирается под кожу от их взгляда. А этот ваш мир – с фабричными холодильниками, с сетями проводов по небу и толпами пассажиров под землей – он уже, похоже, подготовил приветственную клетку для таких, как я.

Ксения Таргулян

Корабль уродов

Корабль уродов
Ксения Таргулян

2011–2014

Корабль уродов, где твой штурвал и снасть?

Я так боюсь упасть в морскую воду.

Корабль уродов, что ты готовишь мне?

Гибель в морской волне или свободу?

– Аквариум, «Корабль уродов»

Пролог | 0

Крышка заперта, и тринадцать лет зверек сидит в лодушке. Он ничего не знает о наружном Мире, но чувствует, что тот существует; об этом ему говорят не глаза, не уши, не нос, не кожа, об этом говорит чувство, зародившееся просто потому, что зверек так долго томился взаперти

– Рей Брэдбери, «Попрыгунчик в шкатулке»

Было около одиннадцати вечера, и замок тонул в шуршащем дожде.

Вернее тонуло то, что условно называлось «Замок». На деле это сооружение скорее походило на гигантский коралл или корягу, поросшую моллюсками и лишайником. Неловко выгнутая башня из пузырящегося камня – она будто застыла в момент кипения, а может, она всё еще кипит, но очень медленно. У ее подножья лежали коренастые цеха, напоминающие капли парафина, растекшиеся вокруг свечи.

Эта конструкция, как и все строения кораблистов, имела свое собственное имя на полузабытом языке, и было у него два варианта перевода: «Кривой гвоздь» и «Филигранное острие». Первый вариант был значительно популярней. Наверно, потому что он короче.

Внутри цехов не прекращалась работа. Шипело мясо на сковородах, стегались элементы платьев, замешивалось липкое сырье для бумаги... Тысячи маленьких рук, ног, щупалец, клешней, ложноножек и клювов не смело оторваться от своих обязанностей.

Время от времени какой-нибудь желто-сизый восьмилапый «человек» с шипами вдоль позвоночника срывался с места и, еле удерживая на плоской голове тяжелое блюдо, несся по узким коридорам в башню. Там его встречали «слуги», наиболее симпатичные из кораблистов. Например, хамелеонистый ящер с тремя огромными лиловыми глазами, опирающийся на задние лапы и хвост и наряженный в атласный

малиновый камзол. Слуга относил поднос на стол хозяйке, и хозяйка должна была попробовать.

Вренна, та самая хозяйка, небрежно кивала и продолжала сосредоточенно вести свои компьютерные войска в наступление.

Проголодавшись, она подходила к огромному обеденному столу и откусывала понемногу от каждого кусочка филе, каждого жаренного ребрышка и каждого пропеченного сердечка. Тем самым она утоляла голод и выполняла свой священный долг.

Затем она выпивала витамины, восполнявшие в ее организме недостаток растительной пищи, и садилась за книгу или за арфу.

Иногда она открывала изогнутое окно и высовывалась в него, подставляя себя дождю. Холодные капли шлепались о самую макушку и тяжелыми ручейками стекали по серым от недостатка солнца волосам, сбегали вниз по позвоночнику, заливали глаза.

Бывало – где-то раз в неделю – и так: некто глупый и самонадеянный забредал в темный лес, окружавший Замок, и не успевал опомниться, как десяток присосок, когтей и подвижных усов облепляли его со всех сторон. Иногда незваного гостя сразу доставляли на кухню. Иногда – начинали с башни. Его конечности, рот и глаза слеплялись с помощью клейкой слюны специальных кораблистов, и он, полумертвый от страха, дрожал на холодном полу.

Убить его было еще одной ритуальной обязанностью Вренны. Причем желательно старинным заржавелым ножом. Но чаще всего ей до того не хотелось пачкать одежду и руки, что она пристреливала жертву из пистолета (привычный толчок отдачи – черная дырка в черепе), а то и вовсе приказывала кораблистам самостоятельно разобраться с несчастным.

Как-то так, довольно однообразно и ненавязчиво, уже семнадцать с лишним лет текла жизнь мисс Вренны Вентель.

II

Виктор Дубов без сознания лежал на мраморном полу узкого темного коридора. По стене и потолку над ним сновали черно-сизые букашки и пауки. Их тоненькие цепкие лапки отрывали от каменной поверхности невидимые частицы пыли, и те, кружась, опускались на Виктора Дубова.

Он был бы определенно рад не приходить в себя и не узнавать, где он, но откормленный желудок Дубова решил иначе: он грозно заурчал, требуя еды, и его хозяин с неохотой заворочался, постепенно просыпаясь. Наконец проморгавшись, Дубов с ужасом огляделся по сторонам. После нескольких попыток перепроснуться в родной кровати рядом с толстухой-женой, он всё-таки вспомнил, на чём окончилось его вчера. И снова пожалел, что очнулся.

Виктор Дубов родился и прожил всю свою короткую и яркую жизнь (всего пятьдесят три года, за которые он не успел

даже съехать от родителей) в поселке городского типа Забытая Вышь, в паре десятков километров от которого высился Замок Вентеделей. И сколько он себя помнил, он всегда был уверен, что уж кто-кто, а такой уравновешенный и разумный житель Забытой Выши, как он, Виктор Дубов, точно никогда не попадет в руки этим кровожадным тварям! И вот те на... Как же так, ведь он был почти трезв и отчетливо помнил, что не выходил за пределы города?

К Вентеделям попадали глупые мальчишки, зазря лезущие на рожон, или слишком любопытные туристы, желавшие своими глазами увидеть такую диковинку, как кораблиста. В крайнем случае, неосторожные охотники, вздумавшие попытать счастья в лесу к западу от поселка. В общем, кто угодно, но только не он, не Виктор Дубов! Это какая-то чудовищная ошибка! Как мог он, с детства приученный даже не смотреть на этот лес, оказаться пленником Замка?!

Неподалеку слышались чавкающие шаги чьих-то мокрых и липких стоп. Распластанный на мраморе Дубов чуть не вскрикнул от испуга и схватился за отекавшее жиром сердце. В просвете, открывающемся в конце коридора, показался уродливо изломанный силуэт, и главная мышца Виктора Дубова пропустила один удар, а потом заколотилась, как мотор.

Это был кораблист. Лысый, с пятью или шестью кривыми тонкими конечностями, болотно-голубой поблескивающей кожей и длинными, свисающими почти до пола ушами. Он замер напротив Дубова, сверля его пустым взглядом па-

ры молочных глаз разного размера, затем внезапно выпрямил все свои семь лап (в каждой по четыре или пять суставов) и, по очереди забросив их на потолок, скрылся из виду.

Дубов размяк и растекся медленно дышащей лепешкой.

Кораблисты, эти уродливые миньоны Вентеделей, были главной бабушкиной страшилкой, самыми жуткими монстрами мира и одновременно всего лишь безропотными слугами кучки везучих людей.

Вентедели... Хотел бы он оказаться на их месте! Жить в роскошном замке и повелевать армией уродцев!.. Да, эта идея пришла Виктору Дубову по душе.

Но – нет. Он не Вентедель, он всего лишь Дубов. И сейчас он по другую сторону баррикад, сейчас он – жертва этих самых Вентеделей-кочарлистов. А как с такими вот жертвами тут обходятся – известно...

Отражаясь от каменных стен, по замку пронеслись далекие гулкие голоса.

Вздрогнув, Дубов вжался в угол, тщетно прислушиваясь к тающим звукам. Вскоре он разобрал, что это два женских тембра: один звонче, другой глуше и бархатистей. А затем, не прошло и двадцати секунд, до него начали доноситься и слова:

– ...Я ведь так и знала, что не удосужиться он заехать за тобой! Этот твой Джек...

Высокий голос воскликнул что-то возмущенно, прерывистый от быстрого шага.

– Потому что всё рушится, – прозвучало в ответ. – Идем быстрее.

Дубов внезапно осознал, что женщины, должно быть, совсем рядом с коридором, в котором валяется он. Тихонько поднявшись на ноги, он подкрался к выходу и огляделся.

Впереди была тяжелая нависающая арка со старинными узорами, а за ней открывался огромный мрачный зал с высоким резным потолком, поддерживаемым массивными колоннами. В центре зала находился известный по народному фольклору Каменный Лотос, а неподалеку от него в нерешительности остановились говорившие особы.

– То есть ты предлагаешь мне всё бросить и просто так ехать?

– Да!

– Но, мам!..

– Вренна, ты же не хочешь, чтобы и твои кораблисты взбунтовались!

– Что?!

Не вникая в суть беседы, Дубов с неуместным интересом разглядывал представительниц прекрасного пола.

Одна из них – та, что с низким голосом – была роскошной дамой, будто из кино: высокая, округлая, изящная, с крупными черными кудрями, блестящими в тусклом свете. Ей можно было дать порядка тридцати двух–трех, и держалась она весьма аристократично.

Другая девушка стояла к Дубову спиной, и он мало что

мог о ней понять. Она была на полголовы ниже собеседницы, одета в джинсы и тунику. Ее длинные темно-серые волосы несуразно топорщились в разные стороны. Если бы не взрослый голос, Дубов дал бы ей не больше двенадцати.

– Ну скажи хотя бы, куда мы едем, – раздраженно попросило это безвозрастное создание.

– Всё объясню по дороге.

Старшая леди настойчиво потянула дочь вперед, и, зашагав, та повернулась к Дубову боком, так что он смог рассмотреть ее лучше.

И здесь уже было, на что положить глаз. Да, она оставалась такой же худосочной, но те миниатюрные признаки женственности, которыми она обладала, притягивали внимание.

Дубов с удивлением ощутил некое шевеление между ног, обусловленное, впрочем, больше страхом, чем возбуждением. Но не успел он как следует задуматься об этом, как по залу прошмыгнула пара чешуйчатых кораблистов и, не дав ему опомниться, ухватила его липкими фиолетовыми языками за руки. Он хрипло заорал, ударяясь спиной о мрамор, и стал изо всех сил пытаться вырваться на свободу.

Женщина и девушка бросили на него безразличные взгляды и продолжили путь.

«Имя, имя!..» – судорожно вспоминал Дубин, с ужасом чувствуя, как холодная слюна стекает по его локтям.

– Мисс Вренна! Мисс Вренна! – завопил он, дергаясь всем телом и якобы мешая кораблистам тащить его.

Девушка с недоумением обернулась на него и проводила взглядом до следующей арки.

– Помогь!..

Оторвавшись от руки, один из языков с размаху ударил его по губам, заставив захлебнуться густой безвкусной жижей. Затем, не позволив опомниться, он обвил его голову и начал медленно сжимать.

Человеческое тело в объятьях кораблистов слабо задержалось, утробно скуля сквозь липкий сиреневый кокон. Но стоило чему-то внутри этого кокона тихонько хрустнуть, как и стоны, и судороги разом прекратились, тело обмякло, и только внизу, под коконом, начала образовываться блестящая красная лужица.

III

Что, черт возьми, я делаю в толстой голубой машине, которая мчит меня прочь от родного Гвоздя?

В зеркале бокового вида отражалось мое белое лицо с выпученными глазами. За стеклами, ударяя по ним, проносились бесконечные мокрые ветки.

– Мама, что происходит? – прошипела я, обернувшись в сторону водительского сиденья.

Моя родительница, Алитерра Вентедель, Алита, не отрывала пылающего взгляда от дороги, точнее, от неверной тропы. Ее крупные черные кудри подпрыгивали на плечах при каждой кочке, на которую мы наезжали.

Я медленно выходила из себя. Нет, ну как так можно:

практически не заезжать ко мне десять лет и внезапно заявиться со словами: «Вренна, срочно поехали! Не собирай вещи, у нас нет времени! Скорее в машину!»

Не удержавшись, я выругалась себе под нос и почти закричала:

– Ну? Объясни мне наконец, в чем дело?! Куда ты меня везешь?!

– Домой, – выдохнула мама, будто сама не веря своим словам. – Ко мне домой.

– В твой Замок?

– Нет. Забудь про Замки.

– Что?!

Да я кроме Замков ничего в этом мире не знаю!

Алита вздохнула, немного расслабившись и ведя спокойнее. Похоже, мы приближались к границе ареала кораблестов.

– Послушай... – неуверенно начала она. – Ты, наверное, слышала про бал-маскарад, который давал Мморок около года назад, в октябре прошлого года?

Мморок – это мой отец. А может, всего лишь официальный муж моей матери. Кто знает.

– Ну, что-то такое слышала, – я пожала плечами. – При чём это здесь? Меня туда всё равно не звали.

– Ты слышала, это точно. Какой-то герой там выступил с автоматом.

– А, это когда все напились и перестреляли корабли-

стов? – я в недоумении усмехнулась. Что ж, это и правда была громкая история.

– Да, там было убито больше трехсот, – кивнула мама. – А это – грандиозное нарушение, – ее глаза странно сверкнули, и по лицу поползла улыбка.

Я молчала.

– Сначала, – продолжала мать, – никто не придал этому особого значения, тем более что определить виновника не удалось: все были в масках и пьяные... Но уже вскоре, буквально через несколько дней, некоторые Вентедели стали жаловаться, что им приходится повышать на кораблистов голос, чтобы те подчинялись. В городках поблизости от Замков стали пропадать люди – куда больше, чем обычно. А в начале зимы случилось неслыханное: кораблисты напали на Эрвадду Вентедель, твою двоюродную тетку – они приняли ее за обычного «гостя» и разорвали! Понимаешь, к чему я веду?

Я пока что не только не понимала, но и не слишком верила:

– Постой-ка, хочешь сказать, кораблисты убили кого-то из Вентеделей? Но такого просто не может быть. И почему тогда Джек мне ничего не рассказал? – впрочем, насчет Джека мне всё было понятно.

Мама с отвращением поморщилась:

– Этот твой Джек... Мало ли что у него на уме.

– Он твой брат вообще-то!

– Ай! – она отмахнулась кудряшками: руки-то заняты.

Я хмуро ждала продолжения рассказа. Спорить было явно бесполезно, да и к тому же от рваной езды меня уже изрядно подташнивало, и лишний раз открывать рот не хотелось.

– Так вот... – негромко заговорила мама. – Около месяца назад одни Вентедели-молодожены едва унесли ноги от взбесившихся кораблистов. Плюс ко всему, учащаются случаи похищения людей из городов или деревень. Возможно, это лишь вершина айсберга, и я многого не знаю. Но ясно одно: мы теряем свою власть над кораблистами. В один прекрасный день ты можешь проснуться не в теплой постельке, а на кухонном столе, Вренна!.. – ее голос едва заметно дрогнул.

– Я не замечаю ничего такого, – холодно бросила я. – Я свою власть не теряю.

– А я теряю! – воскликнула мама. – Просто до тебя очередь еще не дошла.

– Может, я просто не была на том маскараде? – насмешливо предположила я.

– Наказание распределяется неравномерно... – начала было мама, но я раздраженно буркнула:

– Да знаю я! Хватит. Хватит нести этот бред, мам. Такого просто не может быть.

– Да почему?! – она так увлеклась разговором, что мы едва не вмазались в дерево.

Я невольно поежилась. Последний раз я ездила на авто-

мобиле совсем ребенком, когда меня везли в этот Замок, и с тех пор совершенно отвыкла от этих ощущений. Впереди виднелось шоссе, и когда мама вывернула не него, машина начала быстро набирать скорость.

– Потому что, мам, – устало ответила я. В пищеводе неприятно переваливалась некая субстанция. – Потому что Вентедели нарушают Договор много сотен лет, и нужно быть просто жуткими везунчиками, чтобы крушение Равновесия пришлось именно на наши жизни.

– Но это же!..

– Невозможно. Просто – невозможно.

– Вероятность есть, не скажи!

Я закатила глаза.

Когда-то в детстве, в свои десять-одиннадцать лет, я часто задавалась вопросом, можно ли изменить законы? Можно ли сбежать? Можно ли переделать всё так, чтобы жить, как тебе хочется? Можно ли сломать систему?.. «Нет, – говорил мне каждый раз снисходительный мужской голос. – Нет, мы бессильны», – пожимал плечами Джек и затягивался марихуаной.

Не лучший учитель, но он был единственным, с кем я могла общаться, единственным человеком, которого я видела в течение долгих лет. Я могу ненавидеть и проклинать его сколько угодно, но не признать, что он был нужен мне – не могу. Трудно представить, что было бы, живи я всё это время *только* с кораблистами.

– Мам... – тихо позвала я. – Хватит сходить с ума. Нам с тобой обеим достанется за эту ночную прогулку. Отвези меня домой и сама отправляйся к себе.

– Нет, – также тихо, но твердо отказалась она.

Еще немного, и я начну паниковать: мне нельзя выходить за пределы ареала. Это понизит баланс, это нарушение Договора... К тому же Джек обязан будет наказать меня, если узнает.

Я почувствовала, как внутри растекается страх. Мне нужно было вернуть домой. Мне никак нельзя уезжать отсюда!..

– Ма-ам... Мам, пожалуйста... – голос жалобно дрожал. – Мам, отвези меня обратно. Ну что же ты делаешь?.. ну...

– Прекрати! Ты не понимаешь. Ты там погибнешь.

– Ну перестань, что за шутки? Там мой дом, я должна быть там... Зачем ты всё это делаешь?..

Мама испустила долгий пульсирующий вздох и крепче перехватила руль.

– Замолчи. Не отвлекай меня от дороги.

–

Около двух ночи мы приехали в каменный город, оранжевый от фонарных огней. Ключи от гостиничного номера были уже у мамы, то есть она планировала здесь остановиться. Мы поднялись на третий этаж, нашли нужную дверь...

Внутри страдал бессонницей опрятного вида мужчина лет сорока пяти. Его лоб был рассечен морщинами, а глазницы серели, будто покрашенные. Но при виде нас мужчина ожи-

вился, и его лицо приобрело более ясное выражение.

– Алита!..

Она поцеловала его, обнимая и глядя по руке – я даже подумала: не сбежать ли? Дверь открыта, люди заняты... Но куда бежать, я всё равно не знала.

Наконец они оторвались друг от друга, и мама закрыла дверь.

– Позвольте познакомиться, – начала она, всё еще облизывая губы, – моя дочь, Вренна Вентедель. – Мужчина кивнул, вежливо и слегка напряженно улыбаясь. – Алексей Ринский, мой муж.

Я вскинула брови.

– Муж? Я думала твой муж – Мморок Вентедель.

Алита и Алексей одновременно поморщились.

– Ну ты же понимаешь... – мама чуть виновато улыбнулась.

– Отлично... – я не могла прогнать с лица холодной усмешки. Разумеется, понимаю, но показывать-то его мне зачем?

Мама глядела на меня, и взгляд ее всё больше тяжелел.

– Вренна... Ну поверь же мне. Мы действительно теперь... свободны, – ее глаза расширились при этом необъятном слове. – Разве ты никогда не мечтала об этом?

Я сощурилась. Какого черта? Да, я мечтала, я страстно хотела свободы, но это было давно, и тебе неоткуда знать об этом! Ты не видела меня много лет!..

Я передернула плечами.

– Может быть. Но мечты они на то и мечты, чтобы не сбываться.

– Откуда столько пессимизма? – подал голос Алексей, и я на секунду изумленно взглянула на него: он что, смельчак?

– Мам, ну хорошо, – заговорила я примирительно. – Ты... любишь этого «мужа», да?

Она невольно расплылась в улыбке.

– Любишь, и хочешь, чтобы законы вам не мешали. Понятно. А теперь взгляни на это со стороны: это же просто помешательство. Ты... выдумала это внезапное освобождение, ты!..

– Вренна! Я что сумасшедшая, по-твоему?!

– Ну... да! Иначе это никак не объяснить!

Алита просто горела возмущением, да и Алексей мрачно хмурился.

– Ну, послушай, – продолжила я. – Представь хотя бы на минуту, что это иллюзия. И подумай... хотя бы о том, какой опасности ты подвергаешь вот этого «мужа»!

Черты на мамином лице сжались.

– Уже то, что ты показываешь его мне!.. – я собралась с мыслями и закончила: – Откуда ты знаешь, что я вас не сдам?

Алита почти дрожала, зато Алексей ответил с благородным хладнокровием:

– Вы бы не стали упоминать это, если бы собирались раскрыть кому-то наш секрет.

Я покосилась на него. Хм, что, а это мысль.

– Алексей, – настойчиво обратилась я к нему. – Вот вы – производите впечатление разумного человека. Вот скажите, велика ли вероятность, что бы Договор, незыблемый в течение многих сотен лет, был разорван именно сейчас?

Он молчал, очевидно, и сам сомневаясь.

– Как разумный человек, пожалуйста, помогите мне объяснить вот этой глупой влюбленной женщине, что это – полное безумие.

– Вам стоит быть вежливее с матерью.

– Что?!

Да они оба издеваются.

– Ладно, ладно... – я медленно выдохнула. – Мама. Я забуду этот инцидент. Ты можешь жить со своим принцем, где хочешь и как хочешь. Только, пожалуйста – отвези меня домой. Ты только представь, как я буду вам мешать! Зачем вам...

– Не беспокойся, – улыбнулась мама. – У нас уже есть две такие помехи.

Я обмерла на секунду, а придя в себя, чуть не схватилась за голову:

– Ну зачем ты мне всё это говоришь? С каких пор мы подружки? Как ты могла так увязнуть в человеческом мире – ты рискуешь всё потерять!

– Игра стоит свеч.

– Дура!

– Да как ты разговариваешь с собственной матерью?! – не выдержал Алексей.

– Матерью? Да нет, похоже, это какая-то незнакомая женщина, обезумевшая от счастья. Моя мать на двадцать лет старше. Была! Десять лет назад.

Мама слегка покраснела от такой грубой лести и невольно заулыбалась, а я отвернулась, вспоминая, как не узнала ее в первую секунду. Увидев в коридоре – я сначала решила, что она обычный человек, жертва, которой чудом удалось скрыться от кораблистов...

– В общем, так, – произнес Алексей тоном, не терпящим несогласия. – Я верю Алите, и поэтому всё будет, как она говорит. Вы, Вренна, отправляетесь с нами в Сплинт... и лучше бы вам поскорее освоиться с порядками нормального мира.

IV

Кривой Гвоздь уродливо взрезал собой закатное небо, и оно тревожно краснело и колыхалось над головой. Джек вылез из внедорожника, небрежно захлопнул дверцу и легкой трусцой двинулся к кованым воротам, отливающим алым. Негромко постучал, и почти тут же створки с ржавым скрипом начали раздвигаться. За ними стоял коренастый, отдаленно напоминающий гнома кораблист с тремя рядами заточенных зубов и парой щупалец, свернувшихся на груди.

Мельком оглядев его, Джек поспешил внутрь Замка, но затем обернулся и взглянул на миньона внимательней.

– Позови хозяйку, – приказал он, но кораблист не сдвинулся с места.

Джек подавил леденистую искорку, замелькавшую в груди.

– Позови Вренну Вентэдель, – спокойно повторил он, но не получил в ответ никакой реакции.

«Ладно... – подумал Джек. – Ладно...»

Он быстро зашагал по направлению к центральной лестнице, периодически отлавливая на пути встречных кораблистов и безуспешно пытаясь добиться от них подчинения. Преодолев три этажа, он несколько раз свернул по коридорам и распахнул дубовую дверь.

Кровавый свет из окна, рыжие блики на неубранной постели и раскрытой книге... и никого.

Джек невольно сжал скулы.

«Ладно...»

Он пустился дальше по коридору, врываясь в каждую и каждую комнату, но все были пусты.

«Всё, конечно, в порядке. Я сейчас ее найду», – но он сам себе не верил, и сердце противно ныло за ребрами.

Он поочередно обследовал все этажи и все закоулки, но Вренны здесь не было. Он начал было второй круг, но заряд внезапно кончился, и он застыл, прижавшись спиной к холодной и твердой колонне. Расширенные глаза уставились на несколько секунд вникуда, кулаки сжались до боли. В его животе поселилась шаровая молния и жалила его, ударяясь

о внутренние стенки тела.

Джек поймал взглядом бледно-желтого ползучего кораблиста в другом конце зала, стремительно направился к нему и, схватив за шею, швырнул в стену. Тварь жалобно пискнула и скрылась из виду.

«Опоздал. Вот так, просто – опоздал!.. – Джек заметил возле лестницы разнородную стайку, приблизился и, не целясь, выпустил по ним несколько оглушительных выстрелов. – Ну так что теперь! Извините, мадмуазель Вренна, сами запросились! Сами не уехали!»

Он грозно взлетел по ступеням, пронесся мимо распахнутых дверей и ворвался в ту, первую. Задернул шторы. Швырнул на пол какую-то тетрадку. И без сил опустился на кровать.

«Нет, ну ясно. Что тут теперь разбрасываться вещами? Я, как всегда, просчитался...»

Он откинулся на подушки и тупо уставился в потолок.

Воображение рисовало перед взором простой и предсказуемый эпизод. Утро. Она, как всегда, ленится вставать и дремлет тут, в этой мягкой уютной постели, свернувшись клубком и мерно дыша. Золотистая полоска света от окна крадчиво подползает к ней, но пока не будит... Она чуть заметно улыбается какому-то милому сну. Дверь открывается со стоном, и в комнату влетает клочок холодного ветра. Она с неохотой открывает глаза и спокойно смотрит, как один за другим входят кораблисты. «Что это значит?» – удивленно

спрашивает она себя, и ответ не заставляет себя ждать. Один из кораблистов бесцеремонно хватает ее за тонкую шею и стаскивает на пол. И вот тут ее жемчужные глаза наливаются ужасом... А дальше – не проходит и пяти минут, как ее при-волакивают в кухонную операционную на подвальном этаже, распластывают на сверкающем алюминиевом столе и препара-рируют заживо.

Джек резко сел на кровати и схватился за голову. «Черто-во воображение! Почему нельзя считать, что ее просто уби-ли во сне?!»

На несколько минут он выпал из реальности, погрузив-шись сознанием в небытие. Затем, придя в себя, слабо под-нялся на ноги и начал медленно подбирать какие-то предме-ты, осматривать и бережно класть на место.

Что дальше? Вечный вопрос... И вечный ответ – темнота. Но каждый раз приходится продолжать. Вот и сейчас. Что впереди непонятно, но единственный способ жить – идти дальше вперед.

Краем глаза Джек уловил кораблиста, проскакавшего по коридору...

Пора было убираться отсюда.

Не глядя, он захватил с собой несколько книг или тетра-дей, тяжелый серебряный браслет и еще пару безделушек, пылившихся на тумбочке, и поспешил к выходу. Широкие пролеты лестницы были наполовину заполнены кораблиста-ми – они стояли на ступенях без дела и только провожали

Джека бездушными цепкими взглядами. С трудом изгоняя из себя панику, он быстро шагал вниз, но за каждым новым поворотом его ждала еще более плотная толпа, и все неотрывно наблюдали за его передвижениями.

Прорвавшись сквозь очередную заставу, Джек сорвался на бег.

Оставалось преодолеть один зал, и на другом его конце уже виднелись заветные ворота. Если удастся выбраться, наружу они за ним не ползут... по крайней мере, он на это надеялся.

Он бросился что было сил сквозь зал, но наперерез ему проскользнули кораблисты и застыли у самых дверей. Джек прошелся по ним испепеляющим взглядом.

– Пропустите! – рявкнул он.

Без эмоций.

– Пропустите, я сказал! Дайте мне пройти!

Он ловко выцепил оружие из кобуры и направил на них. Ха, если бы они боялись смерти!

Он наклонился к одному из них, к самому его плоскому бордовому лицу, и процедил сквозь зубы:

– Сделай шаг в сторону.

Кораблист помялся немного на месте и подчинился. Не дожидаясь, пока он передумает, Джек протолкнулся в образовавшийся проход, вырвался к дверям, распахнул их и спрыгнул с крыльца в ночь.

За шиворот хлынул промозглый ветер, и Джек едва устоял

на ногах – такая дрожь внезапно захватила всё его тело. Но расслабляться было еще рано. Чувство защищенности вне Замка – в сущности, не более чем иллюзия.

Он забрался в машину, завел ее и, взметая ошметки грязной земли, газанул прочь. Ни о какой тропе или тем более дороге в этом лесу речи не шло, и ехать приходилось, ориентируясь только по направлению, но это направление Джек знал как свои пять пальцев. Возможно, если бы не частые дожди, здесь бы даже виднелись следы от его (и только его) шин... Но, видимо, больше им здесь не появляться.

Вскоре он выбрался на трассу и по ней доехал до поселка. Здесь заправился, купил несколько соблазнительно поблескивающих бутылок и рванул прочь по федеральной магистрали.

Ночной кошмар | 1

I

– Бедная девочка, она совсем не выходит из комнаты...

Голос звучал взволнованно, почти надрывно. Было давно за полночь, и Алита то переходила на шепот, боясь разбудить детей, то срывалась и начинала говорить громко и на высокой ноте.

Алексей молчал, опустив взгляд. С каждым днем, что они заставляли эту девушку, Вренну, делить с ними квартиру, он всё больше сомневался в разумности такой идеи. Она вну-

шала ему подсознательный страх, эта Вренна. Она ничего не делала, почти ничего не говорила – просто сидела на кровати в отведенной ей комнате, словно аутист, но тем не менее – она пугала его.

– Ну, поговори с ней, – неуверенно предложил он.

– А ты думаешь, я не пыталась? – вздохнула она, по-своему сверкнув глазами. – Может, ты попробуешь?

– Я?!

– Но ты же приучил меня к этому миру, – улыбнулась она.

Он предпринял несколько бездарных попыток вывернуться из узлов ее красноречия, но в итоге смирился и пообещал «поработать над этим».

Весь следующий день он то и дело цеплялся мыслями за нерешенную задачу, а вечером отправился в магазин электроники и купил довольно дорогой смартфон. Алита не оценила идею, так что вручать подарок пришлось тоже ему самому.

Узкоплечее малохольное существо на кровати подняло взгляд и вцепилось им в Алексея, стоило ему приоткрыть дверь. Он протянул ей телефон и сухо прокомментировал:

– Вот. Чтоб не так скучно было.

Девушка приняла подарок аристократичными пальцами и тихо усмехнулась.

– Покажите, как пользоваться.

С того дня сидение Вренны на кровати приобрело более осмысленный характер: она читала, играла, смотрела филь-

мы и делала первые шаги по просторам интернета. Но Алице такой результат по-прежнему не устраивал, и она не переставала жаловаться, что Вренна ее к себе не подпускает. «А ты хорошо ладишь с детьми», – проникновенно улыбаясь, говорила она.

И вечером, в начале марта, он решился снова зайти в домашний филиал психбольницы.

– Хм... Как вам телефон? – кое-как заговорил он, с трудом обращаясь на «вы» к девочке-подростку.

– Хорошо, – Вренна пожала плечами – лицо в сумрачной комнате освещено только мерцанием экрана. – Спасибо.

Алексей зашел, прикрыл дверь. Включил свет. Несколько раз открывал и закрывал рот, но так и не находил, что сказать. Вренна наконец удостоила его внимания, оторвав взгляд от телефона. Несколько секунд рассматривала непрошенного гостя.

– Вы правда верите моей матери? – серьезно спросила она, по-другому усаживаясь на кровати. – То есть... неужели в такое в самом деле можно поверить?

– А зачем ей вас обманывать?

– Ну... может, я лъщу себе, – она отложила телефон, – но мне показалось, она просто хочет стать мне «мамой» – вернуть упущенное время, так сказать. Вот и выдумала эту сказку, чтобы забрать меня из Гвоздя.

Алексей вздрогнул, как от холода – она словно читала его мысли.

– Алита и правда очень беспокоится о ваших взаимоотношениях, но...

Он замялся – и слишком надолго.

– А вас она обманывает, чтобы вы меньше волновались о ее прошлом. И не боялись расправы.

– Не надо, я верю ей...

– То, что она говорит, невозможно, – холодно продолжала Вренна. – Даже если правда или ложь не изменит вашу жизнь – некрасиво с ее стороны вам лгать, а?

– Мир изменчив – мы не знаем, что возможно, а что нет, – не очень уверенно откликнулся Алексей.

– Послушайте... всем будет лучше, если вы отвезете меня домой, в Замок, – она выразительно заглянула ему в глаза.

– Нет, – мотнул головой Алексей, думая об Алите. – Всем будет лучше, если вы хотя бы попытаетесь ужиться в этом мире.

– Я не приспособлена к местной жизни.

– Вы совсем молоды – вы приспособитесь, вы можете стать, какой захотите.

Она повела головой.

– Какой захочу? Есть вещи, которых не изменить. Я убийца, – она выставила руки перед собой ладонями вверх и уставилась на них, собираясь продолжить.

– Если вы говорите об этом... *так* говорите... значит, – он всплеснул руками и сорвался: – Слушай, ну твоя мать такая же! Тоже Вентедель, тоже убийца. И нормально живет в

этом мире. Твое прошлое ничего не значит. Это был не твой выбор, не твое решение, и, значит, не твоя вина! И то, что ты переживаешь об этом, делает тебя лучше миллионов людей, которым с малолетства вдалбливали в головы понятия морали – и всё без толку!

Глаза Вренны медленно расширились, она фыркнула и от-вернулась.

Он потер пальцами лоб. Эта тирада опустошила его, он чувствовал себя нелепо, но нужно было продолжать.

– И... Ну подумайте... с какой стати вы обязаны подчиняться каким-то древним безумным порядкам? Вы...

Вренна тихо засмеялась. Тихо, вкрадчиво и жутко.

– Еще неизвестно, чьи порядки безумней. Ну а что до меня... вы не знаете, на что я способна, – она долго смотрела мимо него, но уточнять не стала. – Переживаю? – подытожила она. – Я переживаю лишь о том, что не вписываюсь в ваш мир. А мать не пускает меня вернуться в мой.

Миссия была близка к провалу.

– Что ж... – он скрестил руки на груди. – Не хочу вас разочаровывать, но прямо сейчас вы прекрасно вписываетесь в образ среднестатистического, обыкновенного подростка: ни с кем не общаетесь и целыми днями сидите в телефоне.

Вренна едва заметно сжалась, опустила глаза и замерла, страстно желая остаться в одиночестве.

– Может быть, вы...

Вренна задрожала.

– Ну пожалуйста, уйдите, хватит! Не лезьте мне в душу, вы меня не знаете! – она закрыла лицо рукой. – Отпустите меня! Я хочу домой, я просто хочу, чтобы всё было как раньше!

– Прости, я не хотел тебя задеть...

– Задеть? – она опустила ладонь. – Да кого вы во мне видите? Вы не понимаете... Убирайтесь!

II

Глаза постепенно привыкали к темноте, и вот уже стали заметны контуры гардероба и пары пуфиков, казавшихся в полумраке спящими зверьми. Гладкий, как лед, ламинат приятно охлаждал босые ступни, и они бесшумно шагали по нему вглубь коридора. Будто чужие, длинные белые пальцы легли на дверную ручку, чей металлический мороз на секунду сковал ладонь, и, надавив, повернули ее.

На деревянной тумбочке в дальнем углу комнаты мягко переливался ночник в форме соловья. Его бледно-золотые лучи бежали по комнате, вороша пушистый багряный ковер и лаская теплую поверхность мебели.

Вренна моргнула и чуть вздрогнула, заметив позади светильника, там, куда не падало его солнечное сияние, бледное лицо. К тумбочке протянулась серая ручка и выключила соловья. По детской разлился густой мрак, и Вренна поняла, что придется подождать, прежде чем глаза снова адаптируются.

– Ну что? Мы можем начинать? – прозвучало в недрах

темноты.

– Если ты не сдрейфишь, – буркнула Вренна, сиюсь что-нибудь разглядеть.

– Я? – насмешливо удивился Вадим. – Ни за что. Говори наконец что за церемония.

– Хорошо.

Она начала различать очертания кроваток и огромные складки на зашторенных окнах. Худой шестилетний мальчик, немного напоминающий саму Вренну, стоял у одного из них. Тело почему-то ныло, как старое – странной болью сводило лопатки и поясницу, и Вренна с удовольствием опустилась в огромное кресло возле закрытой двери.

Она принялась объяснять и внезапно, будто вырванная из реальности, очутилась мыслями на собственном посвящении. Она была даже младше Вадима тогда...

На ней было пышное ало-красное платье в пол с нашитыми цветами, со сверкающей россыпью стеклышек, с огромными рукавами-фонариками, больно трущими нежную кожу рук. Перед ней разноликий зрительный зал, и по щечкам ползет румянец от десятков пар глаз. Раздаются привычные чуть слышные щелчки, и воздух на мгновение вспыхивает белым светом вылетающих птичек. В третьем ряду горит красный огонек включенной камеры, но, кажется, объектив направлен не на нее, а мечется по залу...

Кто-то один, откинувшись в своем бархатном кресле с лакированными подлокотниками из красного дерева, начина-

ет важно ударять ладонью о ладонь, затем другой, и вот весь зал наполняется дождем аплодисментов.

Значит, сейчас всё начнется.

С волнительным напряжением Вренна огляделась по сторонам в ожидании. Маленькие шажки... да, они идут. В тяжелых кулисах цвета перламутра показались силуэты, и синекожие крепыши-кораблисты вывели на сцену ее ровесницу, и Вренна подумала, что это почти что принцесса из сказок, даже, может быть, красивее... но принцесс ведь съедают драконы? За такой девочкой должен явиться Прекрасный Принц, а если он опоздает, ее смерть – его вина.

Из противоположных кулис вышел потрясающего вида мраморно-огненный кораблист с огромной шкатулкой, которую он нес в своих бесчисленных муравьиных руках. Опустившись перед Вренной на сотню коленей, кораблист склонил булавовидные усики, и Вренна дрожащими ручками повернула задвижку на хрупком сундучке, бережно подняла крышку и достала с шелковой подстилки тяжелый, отливающий от времени оранжевым клинок. Она повернулась к принцессе и встретила ее голубое от ужаса лицо и белые от ужаса глаза.

Их разделяло всего несколько шагов, и Вренна спросила так, чтобы слышала только принцесса:

– У тебя есть Прекрасный Принц?

Но девочка молчала, лишь беззвучно перебирая губами по воздуху, и Вренна решила: какая глупая принцесса. И

немедля ударила клинком чуть ниже сердца жертвы, а затем повела лезвием по кругу, встречая по пути тонкие детские ребра и почти без труда распиливая их ритуальным оружием. В воздухе над сценой между тем свистел предсмертный крик, по рукам стекала горячая красная жизнь и сливалась с алыми рукавами-фонариками, которые так больно натирали кожу, а в третьем ряду горела красная лампочка, и зал периодически вспыхивал белым.

Вренна очнулась от воспоминаний, всё еще сжимая рукоятку. Опустила взгляд: тот же изогнутый чуть ржавый клинок... Нет, просто кухонный нож. Трудно сказать.

Вкрадчиво улыбаясь, она протянула оружие братцу.

– Теперь ты всё знаешь. Вперед.

Он принял подарок с достоинством истинного аристократа и, блестя округлившимися глазами, шагнул к манежу. Крепче перехватил клинок, склонился над сестрой...

Воздух дрогнул от сдавленного крика, зажурчала кровь.

Вренна апатично переминала суставы кистей. Темнота рассеялась, и она видела свои тонкие белые пальцы, выгибающиеся и сжимающиеся.

– Посмотри, всё правильно? – позвал Вадим.

Вренна попыталась встать с кресла и вздрогнула, проснувшись в своей кровати в предрассветных сумерках... Сердце билось чуть чаще, чем следует, да внутри живота растекалась неприятная слизь.

Она скинула одеяло и села. С каких пор ей снова снят-

ся осмысленные сны? С каких пор ее волнуют эти громкие, беспокойные дети? И что за гротескное болезненно-цветное воспоминание?

Да, на редкость отвратительный сон.

III

Глядя на тусклую улицу за стеклом, облокотившись на подоконник, Вренна беседовала с симпатичным юношей, черноволосым и большеглазым, подозрительно напоминавшим актера из романтического фильма, который она только посмотрела.

Они говорили об убийствах.

– Разве нельзя сказать, что жестокость в крови у человека? Ведь это первобытное состояние: инстинкты охоты, инстинкты защиты... Каждый человек жаждет убийства. Просто его сдерживают. И даже не законы, а внедренные с детства понятия добра и зла. Так? И люди искренне считают, что это их родная добродетель, присущая лично именно им. Но это заблуждение? Добродетель, жалость, милосердие – это всё извне... это будто имплантаты. Их вращивают в людей, чтобы было легче управлять обществом.

Вренна отвлеклась на прохожего, ведущего на веревке странное мохнатое существо вроде кораблиста. А, точно, это собака, – вспомнила она и вернулась к внутренней беседе.

– То есть, всё дело в воспитании? – продолжила она. – И чтобы вырастить убийцу, достаточно просто не говорить ему, что убивать нехорошо?

– Ну да, именно так.

– В таком случае, если приучать к убийствам...

– ...ничего не изменится. Жестокость – она в крови. Вопрос только в том, ставят человеку блокатор или нет. Априори всем нравится убивать. Это... высшее наслаждение.

– Да нет. Убийство не вызывает никаких эмоций.

– Как оно может не вызывать эмоций? – поразился вымышленный юноша. – Ты только представь: испуганная жертва в твоих руках, ты чувствуешь ее сердцебиение, заламываешь руки, хватаешь за волосы... и раз – ножом по горлу! И кровь хлещет фонтаном, и всё в крови... потрясающе!

– У тебя какие-то романтические представления. В смерти нет ничего завораживающего или интересно. Она просто грязная, просто разрушение тела. И я никогда и не находила в ней ни удовольствия, ничего...

– Но ты должна бы, – укорил ее воображаемый собеседник, но она пожала плечами.

– Никогда меня это не вдохновляло.

– Ты просто брезгливая.

– Да, иногда...

Тем временем в соседней комнате Алита и Алексей смотрели мелодраму. То есть, Алексей сочинял хитрое письмо поставщику, а Алита орудовала на гладильной доске, в то время как мелодрама болталась в телевизоре ненавязчивым фоном. Периодически они поглядывали друг на друга и перекидывались беззлобными язвочками.

На столе негромко завибрировал телефон, и, поставив утюг на безопасную грань, Алита подняла трубку.

– Здравствуй, Джек.

– Привет, – смято отозвался сухой голос. – Я, эм... э...

Как поживаешь?

– Нормально, – ответила она скорее вопросительно: не для того же он звонит, чтоб узнать, как она поживает.

– Ты... – прорвавшийся наружу искренний тяжелый вздох. – Ты не забирала Вренну?

– Забрала, – раздраженно откликнулась Алита.

Телефон громко зашуршал, когда на том конце, не сдержавшись, выдохнули с облегчением.

– Она... в порядке?

– Да, в порядке. Но ты мог бы и получше следить за нею.

– Ой, ладно тебе. Нашлась великая воспитательница, – фыркнул он, возвращаясь к своему привычному закрытому и язвительному состоянию. – А ты могла бы удосужиться и позвонить мне, чтобы я зазря в ее Гвоздь не мотался.

Алита закатила глаза:

– Всё? Ты узнал всё, что хотел?

– Да, благодарю, до связи, – и телефон часто и нервно запыкал.

Возвращаясь к глажке, Алита пересказала разговор Алексею, и тот хмыкнул:

– Ну, хорошо хоть сейчас позвонил поинтересоваться – спустя месяц!

– Да уж, – поддакнула жена, чувствуя, что всё же немного кривит душой. Брат вызывал в ней резкую антипатию, но при этом она понимала, что под его опекой дочь прожила почти всю сознательную жизнь, он воспитал ее, и глупо сейчас заявлять, якобы она, Алита, может лучше позаботиться о ней. К тому же Джек должен был сильно переживать о Вренне, чтобы решиться на такой звонок, и выходит, он уже не тот бесшабашный, жестокий, вредный и глупый подросток, каким она его помнила – значит, он взрослеет.

IV

Мартовская каплеь сменилась майским солнцепеком, летними грозами и, наконец, августовскими дождями – и всё это время Вренна провела в городе Сплинте с матерью, ее гражданским мужем и двумя непоседливыми детьми. Такое богатство переживаний, открытий, истерик и восторгов было у нее разве что в раннем детстве, когда глаза жадно бегают по камушкам и погремушкам, а руки норовят любую интересную находку засунуть в рот.

Ей было почти впервой спокойное, здоровое общение с людьми, и уж подавно ее совершенно выбивали из колеи дети. Доверчивый взгляд карапуза и испытующий – шестилетнего мальчишки. Что делать с ними, как отвечать на их улыбки? И откуда в них столько притягательности, чем они заслужили ее добрые чувства?

За что ни возьмись – всё в этом городе, в этой квартире было иным. Слышать чужие разговоры по ночам. Видеть из

окна оживленный город. Заглядывать в холодильник и замирать в его прохладном облаке, выбирая странную, неизвестную, но вкусную еду. А еще много ягод! Как же она любит ягоды, как же она радовалась раньше, когда Джек привозил ей их в Гвоздь.

Первые месяцы она панически боялась выходить на улицу. Четыре человека вокруг провоцировали ее на зашкаливающее количество общения. Не говоря уж о том, что иногда, глядя в окно, она ощущала в себе некий снайперский рефлекс: уж больно много там внизу бегало человечков, ну не нужно их там так много. Поэтому идея спуститься вниз и попасть в эту толпу, в эту мешанину бессмысленных передвижений, казалась ей абсурдной и жуткой.

Ближе к лету, когда Алита убедила ее хоть иногда выходить «подышать», она, вопреки предостережениям, которые считала смешными, стала отправляться на прогулки ночью или ранним утром, когда город спит, и улицы в ее распоряжении. И если на пути ей всё же попадались другие полночные пешеходы, она страшно злилась на нарушителей своего уединения и спешила как можно скорее разминуться с ними.

Периодически, вспоминая жизнь в Замке, Вренна пыталась сравнить, что же ей больше по душе – свобода, толпа и ягоды или кораблисты, тишина и убийства? Выходило так на так. Здесь одни преимущества, там другие. Хорошо бы совместить, конечно – скажем, ночные улицы, небольшая свита из кораблистов, ее родной Замок с просторной спальней и

библиотеками, анфилада холодильников с любимыми деликатесами, а где-то в отдалении – вот эта квартирка со взрослыми и детьми, к которым можно иногда навестись в гости.

Но объединяться старый и новый образы жизни не желали (да и выбора на практике у Вренны не было) – так что все эти идиллии оставались только в голове.

Среди однозначных минусов жизни в Сплинте, помимо толпы и тесноты, был еще один – по имени Алексей. Он мог бы вызвать в ней и уважение – ну, как избранник матери, как отец семейства – если бы не начинал читать ей наставления и не пытался указывать, что делать. Отдельные перепалки между нею и Ринским вскоре переросли в холодную подпольную войну, которую оба из заботы и предосторожности старались скрывать от Алиты. Незачем ей знать, расстроится. Расстроится – а может и встать на сторону соперника.

Война выражалась в следующем: Алексей пытался равнять Вренну на обычную семнадцатилетнюю девушку, члена семьи, свою приемную дочь, и предписывать ей все полагающиеся атрибуты, включая мытье посуды, заботу о младших братьях-сестрах и даже подготовку к поступлению в институт. Вренна защищалась или атаковала по настроению: игнорировала, намеренно портила работу (например, била посуду или ссорилась с людьми, с которыми Алексей хотел, чтоб она наладила отношения), смеялась над ним. Коронный же ее номер и главное оружие было отвечать ему той же монетой. Выслушав тирады о необходимости быть коммуни-

кабельной, она притворялась, что находится в своем Замке, а он случайно заблудший туда путник, которого она, так и быть, до сих пор не убила. Алексей не понимал, что это – игра или помешательство, и это приводило его в нервное, почти параноидальное состояние.

Иногда тихо варящаяся, крадущаяся вражда всё же вскипала, пенилась и выливалась на плиту мелкими семейными скандалами. Но даже это не разрушало видимости спокойного и естественного сосуществования пятерых человек под одной крышей. Чего нельзя сказать о нутре этой новоявленной семьи. В своих истоках она стояла на нетвердых, пошатывающихся ногах, и рано или поздно должна была распасться обратно на составляющие: Вренну с одной стороны и счастливое семейство – с другой.

И конфликт, давший этому распаду терминальный импульс, случился одним жарким будним днем в начале августа. Алита сидела с дочерью в детской, Алексей был, как обычно, на работе, а Вадим, без пяти минут школьник, уговаривал Вренну пойти с ним на улицу. Сперва он просил мать, но та была занята с девочкой, и он ухватился за последнюю надежду:

– А со мной пойдет Вренна.

– Да ее не вытащишь на улицу, – улыбнулась Алита.

– А если вытащу – можно?

Мать пожала плечами:

– Ну погуляйте, если уговоришь ее.

И мальчик рванул в гостиную, ставшую еще и спальней Вренны, и преданно заглянул сестре с глаза. Ей совершенно не хотелось выходить – более того, она дочитала до такого интересного момента!.. Но в последнее время она всё больше привязывалась к этому сорванцу и теперь просто не смогла ему отказать.

– Разве что ненадолго, – сдавшись, вздохнула она, и хитрец возликовал.

Они отправились на детскую площадку в нескольких кварталах от дома, и Вадим полез на качели, согнав оттуда мальчика помладше, а Вренна уселась на скамейке и вернулась к прерванному чтению. Когда через полчаса она оторвала глаза от книги, брата на игровой площадке не было. Недоумение сменилось ужасом, ужас – апатией... Вренна обошла площадку, подозрительно вглядываясь в лица детей, посмотрела на мамаш, сидевших по кругу на разноцветных лавках, но подойти к ним и заговорить не решилась.

С нарастающей тревогой она облазила дворы и переулки, пристающие к игровой зоне, снова прошла между горок и лесенок на площадке и даже спросила пару женщин – но всё безрезультатно. С ужасом Вренна осознала, что следующий шаг – это сообщить о пропаже матери.

Не прошло и двадцати минут, как на месте была тяжелая артиллерия – Алексей, Алита и Аня в коляске, потому что оставить ее было не с кем. Вренна описала произошедшее, добавив, впрочем, что вполне следила за мальчиком и только

ненадолго отвлеклась. Вчетвером они дважды повторили ее маршрут, расспросили всех, кто был на площадке, дошли до дома и вернулись обратно, но максимум чего они добились – это «Ну да, кажется, я видела такого мальчика тут пару часов назад, но нет – я не знаю, куда он ушел».

Наконец, на третьем обходе, Алексей не выдержал. Он резко остановился и уставился на Вренну:

– Скажи, это вообще имеет смысл?

– Что? – она отшатнулась. – Искать его? Ну, я надеюсь...

– Вадя никогда не уходил без спроса! Никогда! Что ты сделала с моим сыном?!

Хотя в глубине души она и предполагала такое развитие событий, его обвинение кольнуло неожиданно и сильно, отозвавшись почти физической болью. Вренна изумленно смотрела в глаза отчиму, наливаясь обидой и адреналином и чувствуя, как раздуваются ноздри и расширяются зрачки.

– Алек! – запоздало воскликнула Алита – с укоризной и давно уже мокрыми глазами.

– Я не верю в ее историю, я не верю, что он просто исчез!

Аня захныкала в коляске, и Алита, грозно глянув на мужа, принялась успокаивать ее. Вренна продолжала молчать: ничего нового в свое оправдание она сказать не могла.

– Пригрели змею на груди! – разбушевался несчастный отец.

– Да я к вам не напрашивалась! – взорвалась Вренна. – Вы вообще похитили меня! Так что сами во всём виноваты.

– Она призналась, – с ужасом констатировал Алексей.

– Нет! – рявкнула Алита.

Вренна закатила глаза.

Девочка в коляске заходилась удушливым плачем. Алита в смятении переводила взгляд между всеми троими.

– Алек, пожалуйста, иди домой с Аней...

– Я не!..

– Пожалуйста! Ее нужно покормить и успокоить в привычной обстановке, а оставлять тебя с Вренной сейчас я боюсь. Отправляйся с ней домой, а мы продолжим поиски.

Неохотно Алексей согласился. Алита и Вренна двинулись дальше по закоулкам вокруг детской площадки, громко выкрикивая имя мальчика и не глядя друг другу в глаза. Через четверть часа позвонил Алексей со словами «Он дома».

Как выяснилось, Вадим играл в догонялки и убежал довольно далеко от площадки. Когда он вернулся, Вренны там не было – она ушла искать его в соседние переулки. Немного поразмыслив, Вадим пошел домой, но заблудился. Тогда, пережив короткий приступ паники, он вспомнил, чему его учили, и спросил дорогу. «Бедный заблудившийся малыш», – подумали люди и проводили его до самого подъезда. Там он зашел вместе с соседями, безуспешно трезвонил в дверь, а потом час с лишним сидел под нею, рассудительно полагая, что когда-нибудь же родители вернуться.

Этот счастливо завершившийся драматический эпизод тем не менее пробил брешь в отношениях внутри семьи, и

еще много ругани прозвучало в тот вечер. И хотя на следующее утро страсти поутихли, и каждый не понимал, как вчера ему приходили в голову такие слова и мысли, на подкорке эти самые слова остались – и вскоре дали корни. Вренне не место здесь.

– Ах, ну раз домой ты меня не пускаешь – тогда я уеду к Джеку! – воскликнула она в разгар спора в тот вечер, и против ее воли эта идея получила развитие. Будучи в состоянии контролировать свою речь, она ни за что бы не бросила таких слов. Мало того, что он мог быть опасен – она просто из принципа не стала бы признавать свою лояльность к нему. Она заслуженно ненавидит его, вот и всё. Но – сказанного не воротишь, и теперь идея витала в воздухе. Единственное, чего не хватало для ее осуществления, было согласие Джека, но, к удивлению Алиты, получить его оказалось чертовски просто. Стоило ей позвонить ему – и дальнейшее он практически сделал сам. Поменять местами пару реплик – и вышло бы, что это он зовет Вренну, а не она, Алита, предлагает ее забрать.

Перед отъездом Вренны Алита решила, что дочери было бы неплохо самой поговорить с Джеком по телефону, прежде чем встречаться вживую, но то, что вышло из этой идеи, разговором назвать было трудно.

– М... Алло?

– Да.

Вренна держала трубку у уха в скептическом ожидании.

Минуту или больше.

– Твоя мать говорит, ты до сих пор не веришь, что в Замках нынче опасно? – наконец нашелся Джек.

– Ну не верю.

– Ну зря. Всё это правильно. Кораблисты бунтуют. Бунт на корабле.

И снова долгое молчание.

– Ты здесь? – осторожно позвал Джек через полминуты.

– Да, Джек. Я поняла, – она помолчала. Горько улыбнулась, прижимаясь к трубке щекой: – А ты всегда говорил, проклятье не разрушить.

– Я просто не пробовал, – отозвался он со странным смехом в голосе. – Ты всегда так отвечала.

И снова тишина. Им обоим, наверно, хотелось узнать, что происходит в жизни другого, но они слишком плохо расстались в последний раз, они слишком плохо обращались друг с другом последние годы – так что невозможно было теперь начать запросто по-дружески болтать.

– Ладно, всё, давай, – неловко попрощалась Вренна и передала трубку обратно Алите.

Билеты на самолет были взяты, и дни до отлета таяли, а вместе с ними и терпимость – все были на нервах. В конце концов Вренна сорвалась и заявила матери:

– Знаю я, почему ты меня отсылаешь! Ты просто не доверяешь мне, боишься, что я вас сдам. А так – отправишь меня к Джеку – или просто куда подальше – а сама сгребешь

свою любимую человеческую семейку и уедешь незнамо куда, чтоб никто не нашел, да?

– Вренна!

– А что?

И больше они не перемолвились ни словом, и последний день в Сплинте Вренна провела так же тоскливо и нелюдимо, как первые.

Чёрный удильщик | 2

I

Протяжно, гулко взвыли двигатели самолета, и он замер, как кошка перед прыжком – наготове в любую секунду сорваться с места.

Вренна устало прислонилась лбом к приятно холодному стеклу иллюминатора. Покосилась наружу – там бесшумно резвился ночной ветер: заигрывал с потрепанными сонными деревьями, но они только привычно качали листвой, а с неба ажурной россыпью улыбались летние звезды.

Было мягко и тепло в кресле, и стекло так нежно, сладко холодило голову...

Ночной рейс до города со странным названием Картр – и она поселится у Джека, и всё станет по-прежнему... насколько это возможно. Днем она не позволяла себе особых фантазий по поводу предстоящей встречи, но сейчас было пять утра, и она практически засыпала, и мысли бесконтрольно роились и трансформировались в мозгу. Ей представилось,

как самолет садится на вертолетную площадку на крыше замка, как она выходит из него в ночную синеву и спускается по лестнице в мрачные уютные покои, точь-в-точь как в ее родном Гвозде. Обойдя залы, она берет на руки пушистого кораблиста из своего детства, тискает его, а паре других говорит принести арфу – и тут же сама оказывается в комнате с нею. Незапылившиеся струны, свет, бьющий сквозь них... она села за арфу и начала играть, а рядом возник странно и мелодично поющий Джек. Это было настолько абсурдно и дико, что Вренна очнулась. Ни разу в жизни она не слышала, чтобы Джек пел. Да и не в Замок вовсе она летит...

Двухчасовой перелет дался ей довольно тяжело. Кроме головной боли от сбившегося режима и неприязни к соседу справа, ее донимали перепады высоты и жутковатое осознание того, как далеко в случае чего падать.

Наконец самолет пошел на посадку, и Вренна облегченно вздохнула. Но, как выяснилось, радоваться было рано. Первым, что встретило ее в Картре, была тягучая шумная раздраженная очередь. Не самый радушный прием, а уж для такого социофоба как она и вовсе адский. Чуть меньше часа ушло у нее на преодоление всех положенных по прилете испытаний, и вот – она стоит с небольшим чемоданом в зоне встречающих и отчаянно, едва не плача от усталости, сканирует взглядом толпу.

Бесконечные люди напоминали огромного мохнатого тарантула со множеством рук и мутных глаз. Необъятный паук

заполнял всё пространство аэропорта, охватывал Вренну со всех сторон, отовсюду глазел и вил, вил свою невидимую паутину мыслей... И задача состояла в том, чтобы найти, углядеть в объёмах этого многоликого чудища живое, озлобленное, острое существо – его, Джека.

Глаза, глаза, глаза... Носы, челки, шляпы, снова глаза – под толстыми серыми веками, в красных сеточках крови, похожие на черные спинки жуков, в которых не отделишь радужку от зрачка... Страшно подумать, а ведь им твои – такие же, Вренна – чужие, невыспавшиеся, с лиловыми кругами. Не зеркало души, не черта лица, даже не орган зрения, наверное, а просто серые пятна. Серые – не жемчужные, Вренна, как красиво обозвал их твой поклонник – серые. Значит, никакие.

Глаза, глаза – и наконец вот он, вот этот леденистый блеск, эта холодная отчужденность.

– Привет.

Он был видным, привлекательным мужчиной. Двадцать пять лет, высокий, с крупными аристократическими чертами лица, угольными бровями и пронзительно-синими глазами. Но все эти достоинства становились незаметными, стоило Джеку с усталостью и презрением закатить глаза или криво усмехнуться правой половиной лица.

«Джек» было его псевдонимом, выбранным еще в детстве – в честь Джека-Потрошителя. Настоящее имя – Дриммор Вентедель – по неизвестным причинам его жутко нерви-

ровало, и он категорически отказывался на него отзывать.

Вренна пыталась осознать свои чувства по поводу этой встречи, ухватиться за какую-то мысль, но всё, чего она сейчас хотела и о чём могла думать – было спать. Ей оставалось только отдаться на самотек происходящего, смириться с исходящим от Джека риском и надеяться, что он без фокусов доставит ее в какую-нибудь приличную постель.

Оценив ее состояние, Джек сдержал все подготовленные остроты, безапелляционно забрал у Вренны чемодан, взял ее под руку и повел к своему серо-синему форду.

Встреча, которой Вренна в глубине души так жаждала, ждала и так боялась, обернулась скомканным приветствием среди толпы, бытовым прикосновением и какой-то банальной интеллигентностью. Ее укусило разочарование, но сил переживать у нее не было, и стоило автомобилю тронуться с места, как она провалилась в сон.

Припарковавшись возле дома, Джек не спешил ее будить – несколько минут он задумчиво рассматривал девушку, пытаясь понять, что в ней изменилось. Она перестала расти еще лет в тринадцать, достигнув вполне естественных женских пропорций, но лицо всегда выдавало ее незрелость. Откинувшись в водительском кресле, Джек изучал ее странно-тонкие черты и никак не мог уловить, почему теперь она кажется ему почти взрослой.

Он одернул себя от созерцания и потормошил Вренну.

«Удивительно, – думал Джек, пока они ехали в лифте, –

как вовремя Алита сослала ее ко мне. Прямо мистика какая-то». Через неделю или две он и сам собирался навязать сестре эту мысль.

Оставался вопрос, как заставить или уговорить Вренну присоединиться к нему в его планах и какую правду ей рассказывать. Впрочем, она может отказаться помогать ему независимо от «правды», просто из принципа... не говоря уж о том, что она может вынашивать собственные замыслы, и зря он радуется ее прибытию.

—

После суток без сна Вренна проспала восемнадцать часов, а проснувшись, не сразу поняла, где находится. Неуверенно бродя по двухэтажной квартире, она в какой-то момент наткнулась на Джека — он сидел на белом диване с ноутбуком на коленях — и мозаика сложилась. Джек обернулся к ней, и она подумала — вот! вот этот момент, когда мы должны всё сказать друг другу в лицо! всё должно выразиться, всё и сейчас!..

Но они молчали, спокойно глядя друг на друга. И все выдуманные заранее фразы, крики, издевки казались нелепыми и театральными. Что нового они скажут друг другу? Всё ведь и так ясно.

Еще вчера ей казалось, что встреча будет чем-то невыносимым, космическим по накалу страстей — но вот, пожалуйста. Они уже минуту смотрят друг на друга, и никто не хочет первым высказаться по поводу покушения.

И кажется, с каждой проходящей секундой всё отчетливей выжигается на них клеймо неупоминания. Промолчал сейчас – так молчи же вовек. И тишина оттого становилась удушливой, будто наполняясь запахом паленой кожи. Ее нужно было нарушить, и Джек спросил:

– Как спалось?

Вренна чуть улыбнулась, кивая:

– Прекрасно. – Нужно было снять и клеймо, пока не прикипело, и она прищурилась: – Как здоровье?

Джек медленно натянул усмешку:

– Лучше, чем ты планировала.

Вренна ненадолго закрыла глаза и наклонила голову, пряча улыбку.

– Пойдем завтракать, – после паузы решил Джек.

II

Итак, Картр. Второй человеческий город, в котором я остановилась. Который я вижу в своей жизни, если честно.

Станным образом он и похож, и не похож на Сплинт. В несколько раз меньше и на порядок прохладней, с узкими улочками, беспорядочно усыпанными разномастными домами, с сияющей ночной иллюминацией, с десятком ненадежных мостов, спроектированных студентами-архитекторами. Если Сплинт напоминал крепкого восьмипалого кораблиста, устойчиво стоящего на каменных ногах, то Картр – это подобие глубоководной рыбы с ее флуоресцентным огоньком, свисающим перед глазами.

Но ни чёрный удильщик, ни каменный осьминог не сравнятся с моим родным Гвоздем, как паровоз не сравнится с летучей мышью. Они – оживленные людские города, Гвоздь – Замок кораблистов. И рядом с ним любые человеческие поселения становятся похожи друг на друга.

–

Джек жил недалеко от центра Картра, возле берега местной реки, в просторной, но захламленной квартире. Через несколько дней после приезда, когда я немного освоилась, мое внимание стали притягивать запылившиеся коробки, разные нагромождения из книг, мебели и антиквариата. Похоже, Джек перевез сюда всё, что смог, из своего Замка, но так толком ничего и не разобрал. Если немного покопаться, с улыбкой думала я, можно узнать какую-нибудь страшную тайну.

Джек появлялся дома нечасто, и я проводила по несколько часов в день, изучая эти завалы. И чего только мне там не попадалось – от эротических брошюр до инкунабул XV века в их источенных временем роскошных обложках. Здесь были свежие и пожелтевшие журналы, компьютерные распечатки и даже тетради, исписанные знакомыми гигантскими каракулями.

Всё это толкало на размышления.

Раньше я и не замечала, в какой информационной изоляции держал меня Джек, пока я жила в Гвозде. Там было четыре комнаты, отведенные только под библиотеку, и каждый

раз, заезжая, Джек чем-нибудь да пополнял ее. Но только теперь я понимаю, насколько эта щедрость была иллюзорной. Думаю, он тщательно подбирал книги, которые должны были способствовать «правильному» развитию моего сознания. А именно: энциклопедии и научно-популярные книги, философские сочинения, небольшая выборка книг ужасов (те, в которых жертва не вызывает сочувствия), немного классики (вроде Шекспира, Байрона, Гюго), эротика с различными подробностями любовных актов и всяческая современная психоделика. Ну и, разумеется, произведения моих родственников, авторов-Венте-делей.

В итоге, при неплохом знании биологии или, скажем, физической географии, я не имею ни малейшего представления о мире за пределами Гвоздя. Я ни разу не покидала Замок с тех самых пор как прошла Инициацию – и до того безумного момента, когда явилась матушка и заявила, что нужно бежать.

Довольно обидно, учитывая, что Джек при этом заезжал в свой Замок едва ли дважды за год, а всё остальное время пропадал где вздумается. Я возмущалась по этому поводу сколько себя помню, но он только презрительно усмехался и заявлял, что мне – нельзя. Впрочем, двери были открыты, и, даже находясь в Гвозде, Джек не очень-то следил за мной, а чаще я была там в одиночестве... и всё же – даже не пыталась сбежать. Хотя хотела. Наверное. Видимо, меня не пускали какие-то чисто вентеделевские предрассудки. Удивительно,

что хоть какие-то из них мне в итоге удалось переступить.

Но теперь это уже неважно. Мне предоставлены необъятные просторы интернета, и я могу найти ответ на любой, даже незадаанный, вопрос. Этим я и занимаю свое время, когда не роюсь в старых книгах, не учусь готовить салаты или не играю в компьютер. Плюс, я скачала программу для создания музыки с помощью обычной клавиатуры и пытаюсь ее освоить.

Застав меня как-то вечером за популярным шутером, Джек усмехнулся и вздохнул:

– Похоже, все мои усилия по воспитанию нечеловеческой девушки пошли коту под хвост: ты ведешь себя, как любая другая семнадцатилетняя девчонка.

– Не переживай, папочка, – ответила я, – без твоих стараний я бы стала обычной на три года раньше.

– Лишние три года «необычности»? Что ж, ты можешь сказать мне спасибо.

Я фыркнула.

– С каких это пор быть обычным плохо?

– О, так ты еще не в теме? Детка, здесь каждый хочет быть не как все. Постарайся выделиться и тогда точно сможешь затесаться в толпе, – он прищурился. – Ты ведь этого хочешь? Научиться жить в этом мире?

Я отвела глаза и пожала плечами:

– Наверно.

Большинство наших разговоров сводилось к обмену кол-

костями, и обычно никто не обижался – мы привыкли так жить, а можно даже сказать, он меня приучил. Впрочем, иногда задиристость выходила за пределы слов, и кто-нибудь начинал портить другому жизнь. Так, как-то промозглым вечером я отправилась вместе с ним на его свидание с барышней по имени Юля. Села в машину и упрямо отказывалась выходить – пусть не думает, что может свободно ходить налево и даже не скрывать от меня этого, законный супруг называется.

Мы приехали в роскошный ресторан, где за столиком его уже ждала молоденькая блондинка – такая хорошенькая, что я даже оценила его вкус в женщинах. А потом мне стало интересно, чем заканчиваются у него такие истории – он просто бросает девиц, утолившись, или вспоминает вентеделевское прошлое? И я взглянула на девушку с некоторой жалостью.

Обозленный, Джек объяснил ей, что я его истеричная неадекватная племянница, которая увязалась сегодня с ним. Юля отнеслась к новости удивительно благодушно.

Мы сделали заказ, его долго готовили и наконец принесли, и я мысленно ужасалась схожести происходящего с трапезами в Замке. Пара штрихов – и официант теряет человеческие очертания, а свинина их приобретает.

Но эти мысли я держала при себе, а сама тем временем третировала Джека всяческими двусмысленными замечаниями, жаловалась на него Юле и, в общем, развлекалась, как могла. Но это действительно было довольно истеричное со-

стояние, и мои душевные силы быстро иссякали от такого надрывного веселья.

А Джек медленно зеленел от злости. В конце концов, его терпение иссякло чуть раньше, чем мой запал.

– Так, довольно! Вера, – он испепелил меня взглядом, не забыв, впрочем, использовать «человеческое», конспирационное имя вместо настоящего. – Пять тысяч крон – и ты останешься от меня. Хорошо?

Я поджала губы.

– Десять.

– Пять, или тебя так прельщает мое общество?! – он стукнул ладонью по столу. – Черт тебя подери, ладно! Вот! – он выцарапал банкноты из бумажника и швырнул мне. – Завтра отдам остальное, только исчезни!

Меня словно окунули в помой, но я заставила себя взять деньги и с победоносным видом удалиться. Удалилась я недалеко – за столик в другом углу ресторана. И там заказала текилу. С непривычки алкоголь прямо-таки разъедал слизистую оболочку, но я твердо решила не давать слаbinу.

■

Джек устало откинулся на обитую бархатом, мягкую спинку стула и выдохнул. Остро хотелось курить, но в этом ресторане курящих залов не было.

Юля испепеляющее сверлила его взглядом.

– Ну что?! – раздраженно буркнул он.

– Как ты можешь с ней так обращаться? – взорвалась

она. – Она же твоя племянница! И сейчас она на твоём попечении!

– Кто просил её увязываться со мной? И нести весь этот бред?

– У неё переходный возраст, нужно быть терпимей.

– Ой, да что ты, Юля! «Переходный возраст», – передразнил он. – Просто она стерва.

Юля укоризненно покачала головой.

– И поэтому ты сажаешь её под домашний арест и?..

– Ага, верь ей больше. Я никогда не мешал ей уходить – а здесь уж подавно.

– Но, Джек!..

– Хватит, – холодно отрезал он, заметив, что к ним подходит официант.

На скатерть легко опустился десерт для девушки, и она, напоследок стрельнув огненным взглядом в Джека, принялась за него.

Джек без аппетита поковырял остывающий стейк, глотнул вина и, пообещав «сейчас вернуться», выскользнул на улицу. Черное небо впитывало бледное свечение множества фонарей, и только на горизонте расплывалась тонкая полоска синевы. Где-то вдалеке готовилась гроза, и в воздухе висела тяжелая электрическая завеса.

Джек вытащил из кармана пиджака пачку сигарет, достал оттуда одну, зажег и с наслаждением затянулся. Дым взвился от пульсирующего уголька к небесам и затерялся в ночи.

Боль в висках растворялась, будто под нежной рукой целителя.

Он швырнул окурок в мусорку и возвратился в душный ресторан. И как не выходил – его сразу охватило жгучее раздражение от вида всех этих людишек, от вида Юли, которая не преминет сейчас снова сделать ему какое-нибудь замечание, а то и вовсе возобновить ту отвратительную лекцию. Он уселся напротив нее, стараясь выглядеть максимально спокойным и безучастным.

Но план не сработал: Юля обратилась к нему. И то, что она сказала, оказалось хуже, чем он только мог предположить:

– Она здесь, – прошептала Юля, наклоняясь к нему.

– Что? – Джек недоуменно нахмурился.

– Вот она, – Юля кивнула в сторону, смущенно краснея.

Джек взгляделся и заметил Вренну за одним из столиков – она не смотрела в их сторону и что-то пила в одиночестве.

– Идем отсюда, – попросил он, невольно переходя на шепот.

– Да что ж ты так?.. – тоже вполголоса воскликнула Юля. – Чем она тебе мешает?

Он пробурчал что-то невразумительное и отвернулся. Отсюда надо было уходить – хоть с Юлей, хоть одному.

Он взял бокал, поводит им немного в воздухе, гипнотизируя вино, и отхлебнул. И уже почти раскрыл рот, чтобы окончательно поставить ультиматум, но в край стола внезапно вцепились знакомые бледные пальцы, и он с ужасом и

изумлением поймал ее пьяный взгляд.

– Джек, вот этот вот, – Вренна ткнула пальцем в подошедшего вместе с ней официанта, – не хочет мне больше наливать. Скажи ему!

Джек с трудом поймал расплывшиеся по голове мысли и заставил их собраться в комок, а сам приложил все силы, чтобы придать лицу равнодушное выражение. Впрочем, довольно безуспешно.

– Ну, во-первых, – размеренно начал он, – Вы вообще не должны были продавать ей алкоголь: она несовершеннолетняя...

– Эй! – возмущенно воскликнула Вренна, но он не обратил внимания.

– А во-вторых, – тут напущенное спокойствие отчасти изменило ему, – Вренна, как тебе удалось напиться до такого состояния за такое короткое время?!

Она расхохоталась, и пьяный смех звучал развратно и вульгарно.

– Какой ужас... – прошептала Юля.

Джек холодно рассмеялся.

– Ну, что же Вре... Вера, поздравляю: сегодня ты сможешь увидеть этот город таким, каким его видит большая часть населения. А вот ко мне этой ночью можешь не приходиться – не хватало только отчищать отовсюду твою блевотину.

– Джек! – возмущенно вскрикнула Юля, он обернулся – и она уставилась на него с ужасом и отвращением. Он равно-

душно глядел ей в глаза. – Джек... – прошептала она, болезненно разочарованная. – Да что ты за человек, Джек?! Знаешь, что – не звони мне!

Она резко встала из-за стола, распотрошила клатч, чтобы бросить на скатерть несколько крупных купюр, и быстро скрылась во входных дверях ресторана.

Вренна всё так же стояла, держась за столешницу, и растерянно, с непониманием наблюдала всю сцену.

– Ну что ты ждешь? – негромко рявкнул на нее Джек. – Иди, познавай окружающий мир, – он махнул на дверь.

Вренна мутно смотрела ему в рот, явно не соображая, о чем он говорит.

– Ну же, выведите ее, – бросил он официанту. – Зачем вам тут нестабильные элементы?

– Э... Она не заплатила, – растерянно пробормотал он, неумело пытаясь скрыть враждебность.

– Я заплачу за нее. Выведите.

Официант нахмурился, и в какой-то момент Джеку даже показалось, что он заспорит, но смелости не хватило, и, придерживая Вренну за плечи, мальчишка повел ее к выходу.

Джек откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Снова хотелось курить. Где-то в глубине сидело лживое, наверное, ощущение, что все вокруг украдкой поглядывают на него с безучастным презрением и быстро отворачиваются, как от опухшего нищего.

Не прошло и пяти минут, как он поднялся из-за стола,

расплатился у барной стойки и вышел на улицу.

Машина припаркована всего паре метров. Он остановился возле нее на секунду, но прошел мимо и свернул за ближайший переулок. Мерцал тускло-синий фонарь, да окна бросали грязно-апельсиновые пятна света. И – о да! – в этом свете нашлась она. Сидела на голом асфальте, прислонившись спиной к холодной стене, с лицом, запрокинутым к черному небу...

Джек опустил на корточки возле бесчувственного тела и долго изучал ее взглядом. Наконец он осторожно просунул одну руку под колени, обхватил другой хрупкую спину и, подняв Вренну на руки, быстро двинулся к автомобилю.

III

Проснувшись я с ужасным похмельем, и первое, что сказал Джек, увидев, что я пришла в чувство, было: «зря я не приучал тебя к алкоголю, моё упущение». Я хотела съязвить что-нибудь в ответ, но головная боль требовала тишины. Внимательно осмотрев меня, он поменял влажную тряпочку на лбу, дал аспирина и посоветовал дальше спать.

Когда я очнулась в следующий раз, был уже вечер. Голова болела, но гораздо слабее, да и всё остальное тело слушалось на порядок лучше. Сквозь стену доносилось утробное звучание телевизора. Осторожно поднявшись на ноги, я пошла на звуки.

Джек обернулся, заслышав меня, и на мгновение по его лицу пробежала улыбка, но она быстро скрылась, и лицо

приобрело естественный серый цвет.

– Что, отпускает? – насмешливо осведомился он.

Я неопределенно пожала плечами, подошла к окну, сделала тише телевизор, села на диван справа от Джека.

– Ты мне должен пять тысяч, не забудь.

– А, так вот во имя чего было это жертвоприношение, – рассмеялся он, вальяжно закидывая руку мне через плечо.

Я покосилась на него, вынырнула из-под его руки, отодвинулась немного и откинулась на спинку дивана.

– Мне извиняться, что спугнула пташку, с которой ты мне изменял? – сухо уточнила я.

– О, ну, можешь извиниться, я послушаю, – он едва не облизнулся в притворном предвкушении.

– Скажи, что у тебя были к ней чувства, и я извинюсь, – я коварно улыбнулась.

Он фыркнул.

Я постаралась никак не выдать своего облегчения. И правда, что за глупость была подумать, будто Джек любит эту девицу? Хотя бы питает сердечные чувства... Слабее любви, но больше, чем секс... Нет, конечно нет. Ну и слава богу. Совершенно не хотелось бы быть виноватой в его разбитом сердце.

–

Следующим утром, когда я проснулась, Джека в квартире уже не было, зато на кофейном столике возле моей кровати лежали обещанные пять тысяч. Я довольно улыбнулась, ски-

нула одеяло и села, поджав под себя ноги. Голова уже почти что не болела.

Холодильник у Джека был всегда полупустым, он редко ел дома – всё рестораны, какие-то вечеринки. В морозилке обитали пельмени и нагетсы, которые он научил меня готовить, но мне не хотелось мяса, оно ничем не отличалось... Пельменями и нагетсами меня пичкали и кораблисты. И еще много чем, чего здесь в избытке – котлеты, отбивные, колбаса, ну и всё такое.

В общем, пробежавшись пару раз по прохладным полкам взглядом, я решила: раз уж у меня появились деньги – почему бы не отправиться за покупками?

Возможно, это было не лучшей идеей...

Мало того, что я полчаса блуждала в поисках магазина под пронизывающим ветром, предвещающим осень, так еще и старуха ко мне привязалась, когда я изучала стеллаж со всякими йогуртами – мол, мешаю ей пройти или что-то такое. Наверное, это нормально. Наверное, людей нужно терпеть. Но, боги, как же это дико!.. Я несколько раз пыталась скрыться, но это только выводило ее, так что в итоге меня заставили выслушать лекцию о зверской бескультурности молодежи – и затем я до вечера не могла отделаться от унижительных воспоминаний и бурлящего гнева.

Зачем – зачем людям эта сторбленная маразматичка? Я хочу не ненавидеть ее, но она и правда уже не живет. Я правда хочу быть гуманной. И не потому что я теперь жи-

ву среди людей – я давно думаю, что мы несем зло. Что человеческая жизнь, очевидно, ценна. Мне – моя, ему – его. Я не лучше его. Очевидно.

Но только и растению дороги его цветы и плоды, а мы их безжалостно срываем. А зверь дорожит своей шкурой или рыба – чешуей ничуть не меньше, чем человек – скальпом, и человек это знает – и что же? Охота и рыбалка процветают.

Я знаю, что те, кого я убила, жаждали жизни, к чему-то стремились, любили кого, и кто-то, должно быть, любил их. Знаю, что то, что я сделала – ужасно. Но знания – это в голове. А дальше не проникает.

Я знаю, что не должна думать, что эта пожилая женщина, у которой, наверно, есть дети и внуки, у которой была, вероятно, яркая жизнь и чистая любовь, что она – ходячий труп, досаждающий окружающим. Да, не должна, нехорошо так думать. Но, закрывая глаза, я вижу, как парочка моих фаворитов рассекают ее дряблое тело и растворяют останки в кислоте.

–

После расставания с блондинкой Джек, похоже, действительно, не унывал – не прошло и пары дней, как он снова перестал ночевать дома, и я уже не удивлялась, когда в восемь-десять вечера он уходил, чтобы вернуться во второй половине следующего дня. Но когда первой ночью осени он явился в три утра, вырвав меня из сладких объятий сна своими нервными звонками в дверь – я не просто удивилась –

мне снова захотелось его убить.

Кое-как проснувшись, я открыла ему дверь, но Джек, ничего не замечая, продолжал вдавливать кнопку, порождая невыносимое дребезжание звонка.

– Э... – позвала я его, но он не реагировал. – Джек! – я подошла и настойчиво стукнула его кулаком в плечо. И едва увернулась от полетевшего в лицо ответного удара. – Эй, ты что?! – возмущенно воскликнула я, отходя на пару шагов подальше.

Джек молча сверлил меня пустым взглядом.

– А-а... – протянула я, вглядевшись в его глаза – зрачки были двумя безжизненными черными точками на фоне голубой радужки. Это мы уже проходили...

– Иди сюда, – заперев дверь, я устало махнула рукой в сторону кухни и мягко повела его туда.

Усадила его за кухонный стол, опустила перед ним блюдо с конфетами и печеньем и поставила кипятиться чайник.

Джек и раньше неоднократно отчаливал при мне в мир грез, но заботиться или приглядывать за ним мне не приходилось. Так что я понятия не имею, грамотно ли веду себя, но кажется, сладости работают: он по крайней мере не буянит. Просто сидит выпрямленный, будто плечи сковало льдом, и с холодком ужаса всматривается в пустоту.

Внезапно, будто покинув глубины его подсознания, в реальность вырвался невидимый шаловливый дух. Он подкрался ко мне сзади, резко обнял, и меня овеяло щемящей

нежностью, а где-то под сердцем затрепыхалось желание податься вперед, прижаться к Джеку и прогнать к чертовой матери всю ту ересь, которая, должно быть, видится ему.

Но это был секундный бред.

Он прошел, и я привычным движением закинула пакетики заварки в чашки и залила их кипятком.

– Ты же не надеешься, что я буду это пить?– неожиданно спросил Джек, когда чай немного остыл.

Я покосилась на него, удивляясь: неужели уже приходит в себя?

– Ах, ну да, ты же параноик, – хмыкнула я. – Конечно, я отравила всю систему канализации, чтобы на твоих глазах набрать в чайник воду из-под крана, вскипятить...

– Ладно-ладно! Но сначала хлебнешь из обеих чашек.

Я закатила глаза, но спорить не стала.

Мы пили чай, к Джеку довольно быстро возвращалось сознание, и вдруг, подобно пощечине, в моей голове возникла мерзкая мысль: а ведь это я виновата! Ведь он так накидался сейчас из-за той девицы, и ночами отсутствовал он не с какой-нибудь приличной красавицей, а непонятно где – и всё это я с моей глупой вредностью-ревностью.

– Джек... – пробормотала я, набираясь храбрости. – Ты это из-за нее, да?

– Что? – он посмотрел на меня с недоумением, голодно поглощая печенье.

– Ну, та девушка, Юлия. Ты... Прости, в общем, – меня

будто вывернули наизнанку, и зачем я начала всё это, черт!

Джек смотрел непонимающе, затем насмешливо и, наконец, с откровенной издевкой. И в придачу к этому он сардонически захохотал.

– О, Вренна, ты подумала, я горюю по ней, подумала – что? У меня разбито сердце? Боже, как это мило. Ну, Вренна, это же ты у нас мастер по любовным страданиям, я-то что, куда мне!

– Заткнись.

Он продолжал сыпать остротами. Я попыталась ударить его по голове, но он с хохотом увернулся, и я ушла, мысленно проклиная его и жалея, что не отравила чертов чай, как он боялся.

–

День ото дня Джек становился всё странней. История первосентябрьской ночи больше не повторялась, но вместо этого Джек повадился заводить со мною мутные, глубокомысленные беседы об изменяющемся мире и нашей собственной роли в этих изменениях.

– Алита говорила, ты отказывалась уезжать из Гвоздя, – рассуждал он, перейдя на частности. – Почему? Расскажи, как всё это было?

Я покосилась на него с подозрением – с каких пор его интересуют разговоры по душам?

– Ну, я не поверила сначала, – я пожала плечами. – Как так? Как это – «Равновесие нарушено, и мы потеряли всю на-

шу власть»? Что за... злобный розыгрыш? – я усмехнулась. – Я ведь вообще... представления не имела, как тут жить. Ну, ты понимаешь. Самой, среди людей...

– Но разве не этого ты хотела? Разве ты не мечтала о свободе?

– Ну как... Мечты мечтами, а реальность... Ты приучил меня к мысли, что это невозможно, так что я и не надеялась. Так, воображала иногда, но фантазии были настолько далеки от того, что здесь действительно происходит.

– То есть, ты разочарована?

– Ну. Пожалуй, можно так сказать.

Он опустил голову.

– И ты жалеешь? – он испытующе посмотрел на меня. – Хотела бы всё вернуть – чтобы стало как раньше?

Я вскинула брови, потом склонила голову, задумавшись.

– А черт его знает. Теперь меня уже в Замок не загонишь, – я одарила его «благодарным» взглядом. – Если бы всё вернулось, я всё равно не была бы прежней, я болталась бы, где хочу, как ты, Джек.

Он молчал.

– А ты сам как считаешь? Стало лучше?

– Ну как тебе сказать, Вренна... Лучше, хуже... Это ведь еще совсем не конец, – он сверкнул глазами.

– В смысле? – я нахмурилась.

Он скривил губы.

– А ты думаешь, всё так легко решится? Смотри шире.

Сама говоришь: система сломана, равновесие нарушено. Если тарелку потихоньку сдвигать к краю стола, то в какой-то момент она с него сорвется. Сорвется и разобьется о кафель.

– Что?..

– Год назад наша тарелка сорвалась. Сама подумай, что будет дальше, – он внимательно заглянул мне в глаза. – Ты ведь понимаешь, о чём я.

Я фыркнула.

– Мы первые, на кого обрушится их гнев.

– Джек, ты бы себя слышал. Что за бред?

Он издал нервный смешок.

– Ладно, а вот другая сторона этого бреда. Кто-нибудь поймает тарелку и поставит обратно на стол. Да еще и приклеит.

– Я запуталась в твоих метафорах.

– Смотри. На кораблистах работали огромные предприятия, они делали треть мировой продукции всего. В том числе почти всю электронику, оружие, технику, стройматериалы. Без их повиновения будет просто немислимый кризис. Но прежде – они поднимутся против людей. Они уже сейчас гораздо более агрессивные и кровожадные, а скоро они окончательно вырвутся и ареалов и... и будет война.

Я сложила руки на груди, закрываясь, а он с жаром продолжал.

– Если пустить дело на самотек, всё так и будет. Поэтому, скорее всего, нас заставят вернуться и как-то... всё испра-

вить.

Зачем он рассказывает мне всё это? Я не хочу этого знать, я здесь ни при чём.

– Мы должны будем либо вернуться в Замки и блюсти Договор – либо как-то победить в войне с существами, которые в отличие от нас умеют делать оружие, которые...

– Джек, ну прекрасно! – взорвалась я. – Что мне теперь – пойти повеситься? Мы всё равно ничего не можем сделать, мы!.. – я развела руками. – Как-то оно всё решится, и... что будет, то будет.

Он наконец замолчал и странно смотрел на меня.

– Что? – не выдержала я.

– Как ты относишься к поездам?

– Что? – опешила я.

– Нам, возможно, нужно будет съездить в Штаман-Рейн – если мне удастся убедить кое-кого... Но ты не волнуйся, это недалеко – всего ночь на поезде.

– При чём это здесь?

– Ни при чём. Ты же хотела, чтобы я закрыл тему – я и закрыл.

Я никак не могла прекратить изумленно глазеть на него. Абсурдность выбивала почву из-под ног.

– Всегда бы так, – наконец пробормотала я. – А... что мы там забыли?

– Ну, скажем так, у меня там дела, и... мне может понадобиться твоя помощь.

– Помощь?

– Ладно, вот, – он поднялся с места и расправил плечи, будто только что справился с трудной задачей. – Я там тебе на месте всё объясню, а пока просто...

– Эй, я не соглашалась!..

Он развязно потрепал меня по голове, как питомца, я озверела – и он поспешил ретироваться на улицу. А я осталась сидеть в недоумении в пустой квартире. Нет, ну что за отношение? Когда? Зачем? Ну, правильно, к чему мне что-либо рассказывать.

Сказочник | 3

Маленькая серая фигурка замерла перед тяжелой чугунной дверью, нависающей над нею будто мистический голем. Ручка двери почернела от прикосновений – как и разъеденные дождями набалдашники на перилах.

Войти?

С одной стороны, ей не пристало бояться зловещего вида коренастых домишек.

С другой – что она там забыла? Джек ее с собой не звал, и, должно быть, нет ничего странного или страшного, что он до сих пор оттуда не вышел. Как знать – может, он до ночи собирается там сидеть?

Но ведь она поехала за ним. Поехала, потому что ее изводит неизвестность, потому что она хочет знать, что он за-

мышляет, и к тому же... хочет, чтобы он завязал с наркотиками.

Она еще раз огляделась по сторонам. Полузаброшенный район, склизкие, как кишки, переулки – там жалобно скулит собака, здесь протяжно и тоскливо подвывает нищий... Здания раскинуты словно игральные кости – где упало, там и лежит. Многие затянуты подранной серо-зеленой паутиной реставрации, но сама реставрация для них, наверно, уже не наступит никогда. Станный город Картр: здесь – роскошь и веселье, а через квартал – нищета и беззаконье. В кино людские города устроены иначе, да и Сплинт был несравнимо другим.

Небо скрывается за мокрыми, грязно-желтыми тучами. Будет дождь...

Пристально взглянув двери «в глаза» – как будто в чем-то с нею соревнуясь – Вренна надавила ладонью на ручку. Тихий скрип, толчок, и вот – она внутри.

Ее встретили бесстрастные бетонные стены и электрический свет плоских ламп, тянущихся по потолку. Откуда-то справа утробным бурчанием доносились мужские голоса. Неслышно прикрыв за собой дверь, она еще раз осмотрелась и пошла по коридору.

За поворотом были две наглухо закрытые металлические двери и лестница, уходящая в черноту. Вренна поднялась по ней, и голоса стали громче. Снова серые стены, снова эхо шагов отскакивает от углов и шуршит, наполняя неподвиж-

ный воздух.

– А это еще кто?

Она едва не подпрыгнула и резко обернулась, ощущая выброс адреналина как точный удар в живот. Возле ступеней, по которым она только что шла, стоял высокий, похожий на викинга мужчина в кожаной жилетке. Его широкие плечи, тяжелый взгляд и насмешливый голос излучали нешуточную угрозу, и ее окатило леденистым страхом.

Не задумываясь, она инстинктивно бросилась прочь по бетонному коридору, но он тут же нагнал ее и больно схватил за плечо. Она хрипло вскрикнула, рванулась, но покрытые рыжей шерстью руки уже крепко держали ее поперек груди.

– Игорь! – крикнул викинг, мешая ей вырваться. – Эй, смотри, какая рыбка попалась!

С ужасом и возмущением Вренна кое-как вывернулась, но на пути к лестнице возник невысокий бледный мужчина с горбатым носом. «Римлянин» – по аналогии с викингом решила она.

– Так, так, так... – он неспешно приблизился к ней, зловеще улыбаясь. – И что это мы здесь делаем?

Она молчала, глядя на него исподлобья и всё еще не оставляя надежды на побег. Неизвестно, что это за люди и чем они промышляют, но смотрят они слишком уж хищно, чтобы можно было спокойно побеседовать.

– Так что же вы здесь забыли, мадмуазель? – длинные пальцы потянулись к ее маленькому подбородку. Вренна от-

прянула, с отвращением глядя на них, но сзади с предостерегающим «Тшшш» ее подхватил викинг, и она застыла, и пальцы всё же коснулись ее. – А ты ничего... Пощупать здесь, конечно, почти нечего, зато мордашка милая. Что скажешь, Хоньев?

– Ага.

– Да вы!.. – она поперхнулась воздухом от возмущения.

– Какая гневная. А нечего ходить, куда не следует. Что, решила дозу за так стащить, а? Это у тебя не выйдет. Скорее уж мы тебя проучим.

– Вы не посмеете мне ничего сделать, – бросила она, подавляя панику. – Вы даже не представляете, кто я!

– И кто же ты? – полюбопытствовал Игорь.

Вренна раздраженно открыла рот, собираясь ответить, и замерла.

Черт!

Но ведь... хуже не будет?

– Я – Вренна Вентедель.

Игорь вскинул брови:

– Ух ты, а я думал, ты будешь повыше.

Она сжала губы.

– Советую поверить и дать мне уйти, пока у вас не начались неприятности.

– Дрожу от страха, – с насмешкой подал голос викинг из-за ее спины.

– Это правда! – вспыхнула она.

Игорь покачал головой:

– Неокрепшие души лолли сводит с ума. Давай представим, что это лечебница для душевнобольных, и тебе нужно пару дней посидеть в изоляторе, хорошо?

Вренна выдохнула, стараясь успокоиться.

– Слушайте, но у вас же тут есть Джек? Как, по-вашему, его фамилия?

– Откуда она знает? – напряженно удивился Хоньев.

– Его фамилия – Иванов, – сухо ответил Игорь.

– Немного подозрительно, а?

Игорь закатил глаза.

– Отведи ее наверх.

Вренна взбунтовалась и попыталась продолжить спор, но Хоньев крепко взял ее за плечи и, толкая, повел перед собой. А Игорь поспешил вниз по лестнице.

– Эй, парни! – чуть запыхавшись, воскликнул он, врываясь в комнату на повальном этаже. – Вам надо это увидеть!

В неуютном тусклом свете, оторвавшись от карт, к нему обернулись двое мужчин.

– НЛО, что ли? – усмехнулся Джек.

Его партнер по игре в покер был настроен менее скептически и с любопытством смотрел на Игоря:

– Что там такое?

– Девушка, – загадочно улыбнулся «римлянин».

Джек фыркнул.

– Что, предлагаешь на четверых поделить?

– Это у тебя такие замашки. Кстати, она по ходу твоя знакомая. И вот, что самое интересное – представилась Вренной Вентедель.

Ухмылка на лице Джека поугасла.

– Что за бред? – буркнул он.

– Пошли, познакомишься.

– Пошли, потом доиграем, – молодой оппонент слегка ударил его по плечу, и Джек неохотно поднялся.

Через пару минут они были в комнате на третьем этаже, и из полумрака, отсвечивая алым, на них смотрели два гигантских серых глаза. Джек невольно поежился, и Зимин, его сокартежник, удивленно покосился на него.

– Эй, Хоньев! – позвал Игорь. – Тебя съели? – и в комнате тут же зажегся свет. Викинг стоял позади стула, на котором сидела девушка.

Джек закрыл глаза, усмиряя непокорное сердцебиение, но стоило ей негромко назвать его по имени, как оно снова пустилось вскачь, отдаваясь болью при каждом ударе.

– Кто это? – спросил Джек.

– Не знаю, – Игорь пожал плечами. – Но, кажется, она знает тебя.

– Зато я ее – нет, – отрезал Джек, бесстрастно заглянув Вренне в глаза. В них отразились злоба и ужас.

– Урод! С каких это пор ты меня не знаешь, придурок?!

Он пожал плечами.

Трое мужчин наблюдали сцену в недоумении.

– Думаешь, я не смогу доказать, что мы знакомы, Джек Вентедель?

Он вздрогнул всем телом.

Вренна высокомерно скривила губы и неспешно начала перечисление:

– Так, ну хорошо, тебе двадцать пять лет, ты много куришь, но последнее время не напиваешься. В Картре ты недавно, меньше года, скорее всего. Встречался с девушкой по имени Юля, но недавно расстался. Живешь на Красной Набережной, дом семнадцать.

Все молчали.

– Шрамы перечислять?

– Не надо, – буркнул Джек.

– Э... – Игорь в замешательстве поднял палец в воздух. – Что это за хрень была?

– Ну да, мы знакомы, но это ничего не доказывает! – огрызнулся Джек, смотря в сторону.

– Чего не доказывает, чувак? – изумленно спросил Зимин. – Это само по себе, знаешь, как-то... подозрительно.

По лицу Вренны медленно расплывалась победная улыбка.

– Чего подозрительного-то? – мрачно и без особой надежды поинтересовался Джек.

– Почему ты притворялся, что не знаешь девушку?

– Девушку, – холодно добавил Игорь, – которая называет тебя Вентеделем. Почему?

Джек отмалчивался, разглядывая пустоту.

– Знаешь, – продолжил Игорь. – Не знаю уж, кто ты там и что сейчас думаешь, но всё это не так плохо. Ты ведь давно хотел аудиенции Сказочника, – Джек наконец поднял на него взгляд. – А с Джеком Вентеделем он встретится значительно охотнее, чем с Евгением Ивановым, – окончил Игорь с усмешкой.

– Постой, ты думаешь?.. – возмущенно пробасил Хоньев. – Это же Джек!

Игорь склонил голову набок и прищурился, глядя на «подсудимого».

– Слушай, Джек, а может, ты и сам признаешься?

– В чём признаюсь?

До них донесся тихий сдавленный смех, и все обернулись к девушке, вальяжно раскинувшейся на стуле.

– Да конечно это он! – презрительно заявила она, заметив, что все смотрят на нее. – Посмотрите на эту предательскую рожу – кто же он еще?

– Заткнись! – рявкнул Джек. – Тупая кукла!

– Знаете, что... – задумчиво проговорил Игорь. – Джек, ты прости меня конечно... И вы, барышня, гхм... не сердчайте, – он вскинул брови, сам удивляясь таким оборотам. – Но лучше запрю я вас от греха подальше. По крайней мере, до завтрашнего утра. А там уж и Сказочник, наверное, подъедет – вот сам и разберется...

– Игорь, пожалуйста, – Джек отступил на шаг.

– Прости, приятель.

■

– Зачем ты им это сказала? – сокрушенно прошептал Джек.

Мы были вдвоем, взаперти... Запакованы в беспросветный металлический коробок со звенящими от холода стальными стенками. По ту сторону запертой дверцы встроен кодовый замок, и щелчки от прокручивания его колесиков до сих пор эхом стучат по стенкам зловещей тюрьмы.

Я сидела на коленях и глотала черноту. Над ухом, совсем близко, нервно дышал Джек. Пахло сыростью и смазкой.

– Зачем?.. – удрученно повторил он.

– Как зачем? – я хотела возмущенно воскликнуть это, но вышло как-то испуганно и неуверенно. – Да... да они бы не знаю что со мной сделали иначе!..

– Дура, ничего бы тебе не было.

Судя по звукам, он попытался встать, но ударился головой о потолок и тихонько взвыл.

– А теперь, – он прислонился к стенке и то ли вздохнул, то ли зашипел. – Теперь неизвестно, что нас ждет. Может быть, ты забыла, но далеко не все люди в восторге от Вентеделей. И, уверен, найдутся такие, кто всю жизнь только о том и мечтал, чтобы собственноручно прикончить одного из нас. Видишь ли, не все такие, как твой Лени.

Я вздрогнула.

– А он-то здесь при чём?

– А просто так – к слову пришлось.

Я живо увидела в воображении, как он усмехается. Глаза обращаются в ядовитые щелочки, правый уголок губ, будто расстегивающаяся молния, заползает на щеку, и по всей этой щеке от носа до рта прорезается кровожадная остроугольная складка.

У нас впереди было порядка четырнадцати часов в стальном сейфе метр на метр на метр. Есть ли сюда доступ воздуха – еще вопрос. И удастся ли нам наедине друг с другом дожить до того момента, когда этот вопрос станет актуален – тоже еще неизвестно.

■

– Ваши коллеги сказали мне, что у вас есть ко мне очень интересное предложение, молодой человек. В вашем распоряжении полчаса. Я вас слушаю.

Я слегка опешил от такой деловой хватки, но быстро взял себя в руки. Этот разговор я мысленно репетировал не раз. Не дожидаясь приглашения, я сел напротив Сказочника и поднял на него взгляд.

– Антон Валентинович, как вы считаете, есть вещи, которые нельзя пускать на самотек?

– Вы уверены, что хотите начать настолько издалека?

– Вы сказали, что у меня есть полчаса, и я могу ими распорядиться, верно?

– Да, пожалуйста, – без особого интереса признал Сказочник.

Я невольно облизнул губы.

– Антон Валентинович, вы могущественный человек. Но вы многое можете потерять в сложившейся ситуации.

– Вы мне угрожаете? – всё тем же скучающим тоном поинтересовался он.

– Ни в коем случае. Я говорю о крушении Договора, – никакого понимания в глазах. – Договора между Вентеделями и кораблистами.

Он усмехнулся.

– Это не имеет ко мне отношения.

– Боюсь, что скоро это поймет отношение ко всем.

Он покачал головой.

– Да, и сейчас вы предложите мне вложить деньги в постройку космического корабля, который унесет меня отсюда в безопасное место? – в голосе звучало едва сдерживаемое раздражение и желание прогнать меня отсюда.

– Что за бред? – воскликнул я. – Я предлагаю истребить кораблистов, пока они слабы и безвольны!

Он вскинул брови.

– Обращайтесь в парламент.

Я выругался сквозь зубы.

– Да чем они лучше вас, черт возьми?! К кому еще обращаться за взрывчаткой и оружием, как ни к вам?

Он тяжело смотрел мимо меня, сокрушаясь, что дал не пять минут, но вдруг его черные глаза слегка сощурились и заблестели, лицо отобразило закипевший мыслительный

процесс и, наконец, Сказочник с интересом оценил меня взглядом.

– И как ты себе это представляешь? – он вдруг перешел на «ты». – Снарядить огромную армию и громить Замки один за другим?

– Нет. Я изучал старинные книги, и вот, что я знаю: кораблистами правит некий коллективный разум – они вроде колонии одноклеточных. Но у этого коллективного разума есть физическое воплощение, так называемый «Корабль», или «Король кораблистов». Уж не знаю, что он из себя представляет, но обитает он неизменно в центральном Замке – в Морской Короне.

– Какие познания, – усмехнулся Сказочник. – И ты хочешь сказать, что достаточно уничтожить этого короля, и все кораблисты... – он повел рукой, – загнутся?

– Думаю, да. На самом деле, я думаю, что перестанут рождаться новые, вот и всё. А старые – даже если не потеряют волю к борьбе и убийству – скоро издохнут. А нет – так не так уж сложно перебить.

– Если всё так просто, почему до сих пор никто не совершил этого подвига?

– Так проблемы не стояло. Сохранялся баланс. Процент смертности от рук кораблистов был низок – все эти столетия. Люди могут сколько угодно ненавидеть Вентеделей, но в действительности они в долгу у нас... них.

Я слегка запыхался, а Сказочник долго смотрел на меня

с легким удивлением.

– Ладно, – наконец сказал он. – А что же в той войне в десятом веке? Почему тогда не добрались до короля?

– Добрались. Но убивать не стали. А заключили Договор.

– Вот как?

– Родерик Суан Ван Вентедель посчитал, что власть над врагом – лучшая победа, чем расправа с его правителем. По легенде, сразу после заключения Договора, став единственным и полновластным хозяином кораблистов, он собрал их всех на краю обрыва и хотел уже отдать приказ покончить с собой, но в последний момент его одолели сомнения. Он подумал о могуществе, которое сулит его новая власть, о том, как быстро кораблисты смогут восстановить его страну – и раздумал их убивать.

– Его можно понять.

– Пожалуй.

Я молчал с минуту в неловком ожидании, но Сказочник лишь безмолвно постукивал пальцами по столешнице.

– Ну так что? – наконец спросил я.

Сказочник хмыкнул с заметной досадой на губах.

– Звучит всё это, конечно, хорошо. Но только вот, как я понимаю, чтобы осуществить твою затею, нужно пробраться в Замок. Я своих людей на бессмысленное самоубийство не пошлю.

– Верно, им понадобится помощь провожатых – Вентеделей.

– И у тебя есть такие на примете?

Я опустил глаза, собирая в кулак свою решимость. Ненавижу раскрывать все карты, но выбора сейчас уже нет. Дела нужно доводить до конца, как-никак.

– Так точно. Я и моя племянница.

Я поднялся на ноги и протянул Сказочнику руку:

– Дриммор Вентедель.

Он проследовал за мной напряженным, внимательным взглядом и медленно-медленно расплылся в оскале.

– Сказочник.

Рукопожатие оказалось коротким и твердым.

Я покинул кабинет через пятнадцать или двадцать минут, договорившись о новой встрече и с трудом отвертевшись от бессмысленных вопросов типа, какова моя выгода или где гарантия, что я говорю правду.

За поворотом коридора меня встретил встревоженный вопросительный взгляд Игоря. Я состроил скорбную гримасу, затем засмеялся. Игорь смерил меня снисходительным взглядом и тоже усмехнулся.

– У меня только один вопрос, – заявил я, когда мы двинулись прочь от кабинета, где восседал босс. – Ты ведь не сказал ему, кто я. Просто гхм... «сообщил, что у меня очень интересное предложение». Ты мог сказать это сто лет назад.

– Ну, знаешь... Пока твоя подружка не сказала, что ты Вентедель, все твои идеи звучали, ну... полным бредом.

– Что? С какого?.. – возмутился я и хмуро затих. – А?..

Ну... – я почувствовал, что лоб совсем сморщился от хмурости. – Как она там?

Игорь покосился с усмешкой.

– Не беспокойся, всё с ней в порядке.

Ночной поезд | 4

Окно казалось наглухо закрытым, но от него растекалась приятная чуть влажная прохлада. За стеклом мелькала темно-зеленая пелена ночного леса, и струились ленты проводов.

Впервые в жизни еду в поезде...

Я успела проклясть все поезда вселенной за то время, пока мы загружались в четырехместную кабинку, что сейчас за моей спиной, и пока ругалась с Джеком и его приятелями, но... возможно, в этом заглушенном утробном гromыхании, мерных толчках и бегущих деревьях что-то есть. В каком-то фильме говорилось, в ночных поездах рождается философия... Кажется, я начинаю в это верить.

Шепот:

– Привет.

Я испуганно обернулась.

Майя. И по лицу неволью расплылась улыбка.

–

Четырьмя часами раньше я сидела в жалком уголке нашего купе, возле двери. Ноги на койке и обхвачены руками, лоб

упирается в колени, а позвоночник больно трется о стенку. Дверь открыта, но всё равно здесь ужасно душно, на лице липкая испарина, и я чую кислый запах пота.

Кроме меня в купе еще шесть человек. Развязные и шумные мужчины, в том числе долговязый Зимин, «викинг» Хоньев и «римлянин» Игорь. Все сгрудились вокруг бледного хлипкого столика, навалились друг на друга и играют в карты, периодически отпуская похабные шуточки на мой счет. Из телефона, лежащего на столе, сыплется уродливая музыка.

На верхней полке напротив меня лежит Джек. Лица не видно, но кажется, его в этой жизни всё вполне устраивает.

В какой-то момент он лениво приподнялся на локте, немного нагнулся вперед и махнул мне рукой:

– Принеси кофе, а?

Я возмущенно воззрилась на него. Мало того, что он затасил меня сюда, мало того, что он строит какие-то сомнительные планы вместе с этим отребьем – он вздумал считать меня за служанку?! Всё равно что за кораблиста. Да чтоб он сдох. Кстати. Похоже, он больше не боится брать напитки из моих рук. Наивный дурак.

– А может, чай, дорогой? – красноречиво улыбнулась я, и Джек понимающе кивнул. На этом конфликт и был бы исчерпан, но для сторонних слушателей наш разговор имел совсем иной тон. Оторвавшись от карт, Хоньев подмигнул мне: – А нам чего-нибудь покрепче захвати? Ну, ты понимаешь.

Я смерила этого увальня взглядом, от которого у него должен был вывалиться кишечник.

– Да ладно тебе, – удивился он, – всё равно же пойдешь.

– Да, принцесса, – присоединился к нему Зимин. Он быстро отодвинулся от стола и почти прижался ко мне, влажно блестя глазами. – А лучше, сыграем вместе в карты?

Мне на колено опустилась горячая ладонь, и я разъяренно ударила ребром кисти по его щеке, вскочила на ноги и скрылась из купе.

Отвратительные людишки! Зная, кто я – да как они смеют?! И Джек тоже хорош. Разве не жена я ему? Как он позволяет этим ничтожествам меня лапать?!

Я стояла в проходе поезда, невидящим взглядом смотря в окно, а мимо меня то и дело протискивались чужаки, обдавая меня своими запахами, а то и вовсе толкая – и каждый раз внутри меня поднималась новая вспышка ненависти и отвращения. Если подумать, всё это сводилось к тому, что в поезде было нестерпимо душно, словно кончался кислород – и это настолько отравляло существование, что я не могла не думать об убийствах.

Краем глаза я видела, как справа неловко приближается фигура, несущая что-то в руках – и тут поезд резко встряхнуло, фигура пошатнулась, и на меня посыпались обжигающие брызги. Со злым воплем я отскочила в сторону, а мальчик, ошпаривший меня, начал судорожно извиняться, балансируя с четырьмя чашками кипятка. Это был рыжеволо-

мый подросток чуть выше меня с глупой улыбкой и еще более глупым картонным колпаком на голове. Он выглядел нелепо и жалко, и с его непропорционально крупных кистей капала горячая вода. Руководствуясь безотчетным порывом, я улыбнулась с ноткой снисхождения и забрала у него две чашки. Пока мы шли к его купе, выяснилось, что там отмечают день рождения некой Майи, и я могу к нему присоединиться.

До чего странная ситуация! Только что я воображала, чтобы этот поезд сошел с рельсов и всех его пассажиров раздавило чемоданами – а теперь эти самые пассажиры радушно приглашают меня на свой праздник. Что ж, это лучше, чем возвращаться к Джеку или и дальше стоять в коридоре.

Итак, мы вошли в переполненное праздничное купе, поставили чашки на стол, и рыжий мальчик объявил:

– Встречайте! ...как тебя зовут? Это Вера! – потом он указал на симпатичную округлую девушку, сидящую у окна, и тихо пояснил мне: – Вот Майя, у нее день рождения.

– Поздравляю, – смущенно улыбнулась я.

Майя светилась восторгом.

– Садись куда-нибудь! – она махнула рукой, затем прошла хитрым взглядом по всем. – Вау, нас уже четырнадцать – прямо как в Хоббите! Надо же, я думала, день рождения в поезде будет ужасным, но вы все такие милые... и праздник с каждой минутой становится лучше и лучше!

Мой сопровождающий протиснулся к столику и сел в небольшую дырку возле угла стола, оставленную специально

для него. Больше мест не было, даже на верхних полках.

– Садись мне на колени, – улыбнулся рыжий.

Я возмущенно закатила глаза и осталась стоять возле двери. Не особо замечая меня, подростки продолжали свой праздник – кричали, смеялись, поглощали еду и украдкой приставали к девочкам. Я чувствовала себя юным натуралистом в дикой природе – и вдруг поймала на себе пристальный взгляд именинницы. Он пронзал пространство и словно выводил нас с ней на другой уровень – отдельный от чаепития и душного поезда.

– Ты немножко похожа на пришельца из другого мира – но ты только пришелец из другого купе, – загадочно заметила Майя.

– Да нет, в целом, я из другого мира.

Как странно, здесь было так много людей, но казалось, никто из них нас не слышал, и мы говорили будто наедине.

– Каждый на самом деле живет в своем собственном мире, – кивнула Майя. – Так что все мы пришельцы.

Несколько секунд я удивленно смотрела на эту девушку с прической в форме гриба, а затем мистический контакт распался, вокруг нас снова было еще двенадцать человек. Они шумели, веселились и объедались печеньем, и кто-то настойчиво предлагал мне сесть ему на колени. Ничего хорошего, но почему-то... здесь было лучше, чем в «родном» купе.

Не знаю, провела я там десять или двадцать минут – в основном молчала, смущенно улыбалась и осторожно хлебала

чай – а затем явился Джек.

Он вырос в проходе, подобно черной горе, и грозный взор его заморозил все звуки.

– Привет, – с легким недоумением улыбнулась ему Майя. – Ты?..

Но Джек не удостоил ее вниманием. Он небрежно испепелил взглядом рыжего мальчика, как будто видел тогда, как мы шли вместе по коридору, и взревел с нежностью автоматной очереди:

– Вренна! Какого черта ты здесь делаешь?!

Я опешила и рассердилась. Театрально обернулась к публике и объяснила:

– Не обращайтесь внимания. Ему скоро надоест, и он уйдет. Взгляды перебегали с меня на Джека и обратно.

– А ну быстро пошла в наше купе, – с неожиданной сухостью приказал Джек.

– Так, мужчина!.. – попытался было вступиться за меня хрупкий женоподобный мальчик, сидевший возле двери, но на большее его не хватило.

– Никуда я не пойду.

– Да ладно? – Джек лениво прищурился.

– А что? Какая тебе разница, в каком купе я еду?

– Действительно, – внезапно согласился Джек, ничуть не меняясь в лице. – Тогда я присяду, ты же не против?

И безапелляционно растолкав двух испуганных девчонок, он с довольным видом уселся возле стола. В изумленной

тишине он показательно умял несколько пряников, запил из чьей-то чашки, попробовал торт и поморщился. Затем, совсем разбуянившись, принялся втыкать картошку-фри в торт и кидать в чашки с чаем.

Какое убожество.

– О да, детка, ты просто Гений Зла, – мрачно буркнула я, наблюдая за этим действием. – Ладно. Я дико извиняюсь, мы пойдем.

Я попыталась дать дядюшке подзатыльник, но он увернулся.

Уходя, он захватил с собой истерзанный торт.

В нашем купе Джека ждало сокрушительное фиаско. Мы оба принялись наперебой рассказывать о действиях друг друга, причем мои слова были подкреплены тортом, и в конечном счете наши спутники предпочли отвести взгляд, чтобы глаза не так ярко горели презрительным недоумением.

Джек расхохотался и исчез на верхней полке.

Вскоре трое гостей ретировались в свое купе, и двое оставшихся людей Сказочника стали негромко обсуждать что-то про умалишенных. Я в полудреме сидела в своем углу, когда в дверь грозно постучали.

Мы трое переглянулись.

– Войдите, – удивленно позвал Игорь.

Дверь содрогнулась и отъехала в сторону, за ней толпилась армия из тринадцати подростков. В течение секунды их лица светились праведным гневом, но при виде той тихой и

мирной атмосферы, что царила сейчас в купе, они засветились примерно как помидоры.

– Я могу вам чем-то помочь? – учтиво поинтересовался римлянин.

– Э... Мы... – перевели взгляд на меня. – Ты...

И наконец заметили торт.

– Это наш торт!

– Забирайте.

Женоподобный мальчик неловко взял покалеченный десерт и замер, неуверенно оглядываясь по сторонам.

– Идите отсюда, – буркнула я. – Со мной всё в порядке.

После недолгих пререканий мои неудачливые спасители потолкались немного в дверях и ушли восвояси.

–

И вот, спустя четыре часа, устав от бессонницы, я вышла в тусклый коридор и застыла перед окном, опершись локтями на белые перила. Возле меня в той же позе стоит Майя. На ней плотные черные колготки и бордовая туника по середину бедра. Русые волосы растрепались во время многочисленных попыток уснуть, но всё равно напоминают шляпку гриба. Она почти не улыбается, и ее юное лицо кажется удивительно взрослым.

– Тоже не спится?

– Ага...

– И мне...

Мы помолчали.

– С днем рождения, кстати – я ведь так тебя и не поздравила.

Майя беззвучно засмеялась.

– У меня нет сегодня дня рождения.

– Был вчера, – ведь уже за полночь.

– Нет, не был. У меня день рождения весной, в марте, – она хитро улыбнулась. – Просто нужен был повод, чтобы собрать такую веселую компанию.

– О... – протянула я, и Майя снова засмеялась, но как-то без задора.

– На самом деле я совсем не хочу ехать в эту частную школу, – ответила она не заданный вопрос. – Но родители считают, так нужно... Все мои друзья, конечно, обещали не забывать меня, и интернет нам в помощь, но... я знаю, как это бывает. Пока учишься с кем-то вместе и видишься каждый день, переписка – не проблема. Но если ты можешь с человеком только переписываться, то, скорее всего, писать будет не о чем...

Я попыталась представить такую ситуацию.

– И к тому же... – продолжала Майя. – Когда грустно, то сразу вспоминаются всякие проблемы... и становится в десять раз грустнее.

Вот здесь я ее понимаю.

– Ты прости, что грузю тебя...

– Нет-нет, рассказывай. Всё равно я уснуть не могу.

Слово за словом, наш разговор струился, словно ручьи во

время ливня, черпая из воздуха всё новые и новые темы. Они появлялись сами по себе, и казалось, будто мы знаем друг друга уже много лет. Эта девочка из иного мира, с другими привычками и вкусами, тем не менее произносила фразы, сидевшие у меня в голове, и понимающе кивала в ответ на мои слова. Даже когда предмет разговора был мне незнаком, мне почему-то было чертовски приятно слушать, что Майя говорит о нём.

Впрочем, моя откровенность не выходила за рамки дозволенного, и периодически мне приходилось сочинять что-то про школу или семью. Это несколько отравляло удовольствие от общения, а когда в нашей беседе внезапно возникла тема планов на будущее, меня и вовсе накрыло тоской. Сначала мне вспомнилось, что наш мир, согласно гениальной метафоре Джека – падающая тарелка. Потом я предположила, что это не так, и мне стало еще противнее.

Подобно предрассветному сну передо мной промелькнула вся моя будущая жизнь в этом «нормальном мире». Скучная работа, маленькая серая квартирка, какой-то непонятный, похожий на кораблиста ребенок ползает по кафелю. Иногда в квартирку заходят мужчины с водянистыми глазами. Затем – моя взрослая дочь, до ужаса похожая на меня сегодняшнюю, чахнет из-за никчемности собственного бытия, напоминающего последний год моей жизни, а я почему-то старая – мне, наверное, сорок, не больше, но я старая и тощая, как ведьма – совсем не под стать своей матери!.. И работаю в этом

плоском, одномерном мире – каждый день, каждый день!.. И умираю в сорок лет от старости, жадно вспоминая убийства, вспоминая свои нежные белые руки, запятнанные кровью, и скучая по ним...

– Вера? Всё в порядке?

– Как ты правильно сказала – стоит только взгрустнуть, и нахлынут все, какие только есть, печали.

– Да, это точно. Я передала тебе свою хандру? Прости...

– Прощаю, – я улыбнулась, всё еще замирая от ужаса и тоски. У меня будто открылись глаза на то, к чему я иду. Да, понимаю, в сорок лет не умирают от старости, но ведь это образно! Как можно так жить? Как можно спокойно шагать к такому концу?..

Словно читая мои мысли, Майя философски и не без иронии заметила:

– Мир – тлен, и в итоге все всё равно умрут.

Я молчала, судорожно ища в своем воображении какую-нибудь зацепку – хоть что-то стоящее, ради чего стоит оттягивать финал. Но посреди ночной меланхолии, глядя на проскальзывающие за окном волны черного леса, я не видела ответа – и пробормотала потерянно:

– Может, мне лучше было умереть тогда?.. три года назад...

– Что ты такое говоришь?

– Ну, у меня была замечательная возможность, – я выдавила улыбку. – У меня были иллюзии, и смерть казалась

осмысленной. Как и жизнь.

– Умереть можно в любой момент. Взять и умереть.

– «Умереть может каждый дурак, а вот жить, несмотря ни на что – такой вызов я принимаю!» Так сказал один мой знакомый.

– Он, наверное, милашка. Похоже на фразу из какого-нибудь ВД. «Магма течет в моих жилах, раскаляя сердца!..» – Майя зажмурилась и воинственно вскинула правый кулачок, явно пытаясь подбодрить меня.

Я внимательно посмотрела на нее и осторожно уточнила, о чём она. Это вызвало живой всплеск эмоций и возмущения, и следующие полчаса меня знакомили с молодежной субкультурой любителей комиксов. Не то что бы они привели меня в восторг, но приступ апатии был преодолен.

Следующим утром, шагая по перрону вслед за Джеком, я думала об этом странном знакомстве. Сколько неконтролируемых совпадений должно было произойти, чтобы мы с ней встретились!.. Не знаю, может, это из-за моего затворничества, но мне кажется, что такие встречи – одна на миллион. Ведь надо же так – не успели мы поговорить, как возникло ощущение, будто я могу доверить ей душу.

Или дело в том, что мне одиноко, и я готова привязаться к первому встречному?..

Штаман-Рэйн был поистине сказочный городок, застрявший в Средневековье. Мощные площади, мозаики на стенах, замысловатые переплетения улочек... Но нам, к сожалению, было не до красот.

В шести километрах к западу отсюда высился причудливый замок, напоминающий скорее коралловый риф, чем рукотворное здание. Его стены и башни изгибались, накрываясь к земле, а темный песчаник, из которого была выложена внешняя сторона, трескался и покрывался наростами из рыхлого голубоватого камня.

Были времена, когда всем Замкам Вентеделей давали свои имена. Теперь эта традиция уже не в ходу, но тогда этот Замок назывался Морская Корона. Если присмотреться, он действительно напоминал корону, застывшую на пенистых волнах. Правда, чрезвычайно уродливую по классическим меркам красоты. Зато ценители современного искусства – насколько я в нём разбираюсь – подобными сооружениями восхищаются.

Замок окружен густым лиственным лесом, и именно туда лежит наш путь.

Стоит мне отвлечься, расслабиться, и задача, стоящая перед нами, кажется почти элементарной. Но затем я вспоминаю свою последнюю встречу с кораблистами, и мне становится не по себе. Они же в грош не ставили мои команды, словно я какой-то третий брат справа в восьмом колене, а то и вовсе случайный прохожий. Пялились на меня своими

глазенками. Меня передернуло.

Умом я понимал, что это значит. Как понимал и то, что при таком раскладе Вренна – наша единственная надежда, и если и она потеряла свою власть – мы трупы. Но всё мое естество отвергло подобный подход и кричало мне: да как же так?! Чтоб кораблисты взяли и посмели меня не послушаться, меня игнорировать? Напасть на меня? Невозможно!

Если следовать уму, вся эта затея – неоправданный риск. Причем осознавать это могу только я. Зимов, Игорь, Хоньев – все они и не догадываются, насколько опасен наш план, поскольку видят во мне надежную защиту от кораблистов. Сказочник считает, что предложил мне достаточную оплату, чтобы мне не было резона натравливать этих чудовищ на его людей. Вренна тоже вряд ли задумывается, что кораблисты могут мне или ей вдруг не подчиниться.

Так что только я могу здраво оценить опасность и решить, что лучше остановиться. Но во-первых, я и сам едва верю, что лишился власти, а во-вторых – разве риск не украшает нашу жизнь? Разве не забавно играть, поставив на карту так много? Несколько лет назад я увлекался русской рулеткой. Пришел к выводу, что я довольно удачлив. Так что – будь что будет.

– Ты мне, в конце концов, объяснишь, что именно мы тут делаем? – Вренна наклонилась ко мне через стол.

– Я пью пиво, ты ешь цезарь.

Она раздраженно сдвинула брови.

Выдался на удивление теплый денек для конца сентября, и моя племянница-кузина-жена сидела в плотной майке без рукавов на открытой террасе кафе. Красивые хрупкие руки лежали на кружевной скатерти, и правая гневно сжимала вилку.

– Скоро узнаешь, – насмешливо пообещал я.

Вренна скривила губы и запустила в рот лист салата.

Вскоре к нам подошел Игорь – успел прикупить брутальный кожаный плащ, а на горбатый нос нацепил зеркально-черные очки – и объявил, что мы отправляемся через час.

– Куда отправляемся?! – взорвалась Вренна.

Я посмеялся и сказал Игорю, что мы придем на стоянку вовремя. Там нас должны были ждать два внедорожника, профессиональный пиротехник – некто Робин (интересно, это имя или фамилия?) – и приличный запас динамита.

Так и случилось.

Мы вошли на стоянку через скрипучую калитку, и дряхлый сторож проводил нас внимательным взглядом. Солнце клонилось к горизонту, и в его оранжевых лучах металл автомобилей ослеплял. Нас встретили наши соучастники и представили нам подрывателя: рыжий фрик с разноцветными глазами. Вренна в очередной раз сорвалась по поводу неизвестности, и какого-то черта Зимин сжалился и решил ей всё рассказать, да еще и укоризненно покачал головой в мою сторону. Тоже мне, добродетель.

– Понимаешь, – начал он после причитаний, какая я сво-

лочь, – мы хотим навсегда избавить мир от кораблистов. Чтобы не было больше убийств...

Да ладно? Пряма-таки чтоб не было убийств, ага. Бизнес не при чём.

– ...убийств, и сейчас самое время, потому что Вентедели, то есть...

Вренна сверкнула холодным высокомерием, и Зимин будто уменьшился в росте.

– Но ведь ты сама будешь рада окончательно освободиться!.. – конец фразы прозвучал совсем уж неуверенно.

– Ха! Может и так, только это мое дело! Что здесь происходит?! Решили начать войну?!

Маленькая девочка посреди огромной уличной стоянки, где даже земля пропахла бензином, кричит на семерых крупных мужчин, а поднявшийся между тем ветер чуть не сдувает ее с ног. Мужчины опешили и хмурятся. А я ловлю странное удовольствие, ощущая ее незащищенность, созерцая, как черные пряди бьют ее по лицу и как она расставляет тонкие ножки, чтобы крепче стоять на земле...

– Мы просто подорвем замок, – вкрадчиво улыбнулся Робин. – Никакой войны, никакого сопротивления...

– В том и... – попытался начать Игорь.

– Идиоты! – рявкнула моя сестренка. – Вы правда считаете, что так вот просто сумеете их всех убить?! Да вы подойти к Замку не сможете!

– Мы подъедем!

– Боже, конечно, это же вы изобрели машины! До вас никто не!..

– Замолчи, Вренна, – как можно бесстрастней приказал я, но только перевел удар на себя:

– А ты?! Почему ты согласился?! Почему ты ничего не объяснил им?!

– Заткнись! – рыкнул я, и она сжалась, испепеляя меня взглядом. Затем размеренно заговорил: – Во-первых, Вренна, для того мы с тобой здесь и нужны – чтобы проводить подрывателей до Замка и защитить их там.

Она молчала, и я поневоле признал, что на душе от этого стало гораздо легче. Ведь я боялся услышать что-то вроде «У меня больше нет над ними власти».

– Во-вторых, Вренна, ты, кажется, забыла историю. В этом Замке – остов главного корабля, коллективный разум кораблистов.

– Это всё версии, – буркнула она.

– Ну так испытаем одну из них! – воскликнул Зимин. Кажется, мальчишка принял чего-то для храбрости – слишком уж много эмоций и энтузиазма.

– Джек, – тихо позвала Вренна: голос слился с ветром, а в глазах светилась жутковатая серьезность и сдержанный, холодный страх. – Джек, что ты задумал? Это окончательно освободит кораблистов. Год назад на том злополучном маскараде идиот, расстрелявший триста кораблистов, наверное, тоже думал, что спасает мир. А в итоге...

– В итоге – так или иначе – мы свободны! Разве не об этом ты мечтала всю жизнь? – вырвалось у меня.

Однажды этот разговор должен был случиться, вот только людям Сказочника слушать его не нужно.

– Мечтала?!.. – она хотела поспорить, но я был прав. – Но... Может, я и мечтала, но этот мир – совсем не то, что я думала! Я никогда прежде в нём не была – откуда мне было знать? Я ошибалась! Да и...

– Постой, то есть ты жалеешь, что узнала этот мир? Жалеешь, что «проклятье» – как ты звала это! – спало? Хотела бы вернуть всё, как было? – на одном духу спросил я.

Вренна открыла было рот, чтобы ответить, но я говорил подозрительно быстро, и она настороженно прищурилась и бросила:

– Потом обсудим.

– Да.

Игорь, сидящий за рулем одного из внедорожников, нажал на сигнал, и неприятный звук разнесся по пустынной стоянке.

– Садитесь уже, – раздраженно проворчал он. – Предложения по корректировке плана действий не рассматриваются.

Робин потерял свои бронзовые пиротехнические ручки и запрыгнул на переднее сиденье. Зимин с видом благородного разбойника взял на себя управление второго внедорожника. Мы забрались к нему в машину, к Игорю уселись двое остав-

шихся.

Где-то на периферии своего сознания метафизическая форма жизни, называемая иногда Кораблем, засекала знакомые тревожные сигналы, посылаемые караулящим здесь отрядом. Не питая к происходящему ни интереса, ни страха, ни энтузиазма, форма жизни всё же слегка перевела фокус своего внимания на небольшой участок леса возле Морской Короны, где разворачивались события. Погрузив часть своей нематериальной сущности, витавшей окрест Замка, в нескольких подопечных одновременно, она прислушалась к происходящему вокруг них.

В этих несчастных, искалеченных мутациями телах обрелись не души, но инстинкты – но сейчас все их нейронные связи метались и полыхали так, что это можно было принять за настоящие эмоции:

Мы слышим подозрительный шум! Еще далекий, еще тонущий в листве... Шуриание листьев, хруст мелких веток под колесами...

Они на нашей земле и скоро они будут нашими!

Мы выжидаем, замерев.

Вот, затихли двигатели, и на влажную траву ступают первые осторожные ботинки. Лес слишком густ для ваших машин!

Восемь человек. Не нужно видеть их, чтобы понять это. Семеро мужчин и одна женщина. Все молоды, все наполня-

ют лес частицами себя – своей энергией, своим страхом, своими страстями. Чем ближе восьмерка, тем глубже осколки их чувств проникают в нас...

~ трое питают нежность к девушке

~ она неравнодушна также к троице, но эти тройки не совсем совпадают

~ почти все глотают свой страх

~ они пришли уничтожать

~ они ищут нас взглядом, они нас презирают и боятся

Взаимно!

– Далеко еще? – раздраженно спросил пиротехник.

За его узкими плечами гирей повис рюкзак, плотно набитый взрывчаткой.

Никто не отвечал.

Они уже почти забыли свою цель. Знали только, что нужно идти – как можно быстрее и тише.

Запах дикой нетронутой осени действовал почти наркотически – вызывал легкое головокружение и стимулировал фантазию. Любой шорох уже давно был чьим-то крылом или щупальцем.

– Вренна... – Зимин, кутаясь в свою куртку, нагнал девушку. Почему-то она казалась здесь куда более «вентеделевой», нежели Джек.

– Вренна, когда они появятся?

– Откуда я знаю?

Злости в ее голосе не было. Те же напряженность и испуг. Зимин сглотнул.

– Да блин, мне кто-нибудь ответит?! Скоро мы придем? – громче позвал Робин.

– Что тебе неймется? – буркнул Игорь. Он казался бледней, ниже и сосредоточеннее обычного.

Смуглое лицо подрывника исказилось ухмылкой:

– Хочу устроить фейерверк.

– Нам бы самим не пойти на фейерверки, – пробасил сзади Хоньев.

– Ага. И не стать пушечным мясом, – мрачно добавил Игорь.

– Пушечным? – насмешливо уточнил Джек. – Вот это вряд ли.

Вренна усмехнулась и подозвала его:

– Иди сюда, родственничек. Будем отражать атаки.

Он неохотно послушался и встал рядом с ней в авангарде.

Зимин обернулся и оглядел своих... друзей? Что ж, может и так. На всех была примерно одна и та же маска – гримаса осознания собственного безумия: «Боже, что я делаю?!»

«Что же я?..»

Зимин упал, едва успев вскрикнуть, подкошенный мощной плетью.

■

Кажется, я почувствовал их – за пару секунд до сдавленного крика Зимина и звука его неловкого падения в мокрую

почву. Кораблисты... Должно быть, окружили нас заранее, ведь мы не такая простая добыча. Во-первых, у нас оружие, ну, и во-вторых – Вренна как-никак. Я всё еще надеюсь, что она имеет над ними власть.

Я резко обернулся на крик и выхватил взглядом кораблиста. Лоснящийся травянисто-фиолетовый силуэт, лапы-лианы обнимают мальчишку и вот-вот вытащат из него душу.

Я мысленно приказал всем кораблистам замереть. Потом мысленно – этому одному – отпустить парня. Настойчивее! Наконец, я перешел на голос:

– Пошел прочь! – рывкнул я в надежде, что хоть это работает – безрезультатно.

Меня колотило от гнева и бессилия. Да, я подозревал – знал! – что так будет – но как смеют они?!

Я обернулся по сторонам: наши компаньоны замерли в смертельном изумлении, едва дыша и с ужасом глядя кто куда. На мгновение мы все будто зависли в стоп-кадре – дрожащие люди против неловких, уродливых, но могучих тел – и эти тела посыпались на нас. Нечто мохнатое неслось на пиротехника, нечто крылатое, но летать неспособное, корячилось в корнях дерева, протягивая бесконечные языки к Игорю...

– Огонь! – заорал он, доставая пистолет и спуская курок.

Отличная идея, подумал я под раскат выстрела, произвольно отрываясь от земли. Правое колено свело от сжимавшихся на нём цепких пальцев, чей-то хвост перевернул меня

в воздухе и со всей дури швырнул головой в бурю грязь. Меня захлестнуло возмущением и только потом – болью. Через секунду стальные клешни-кандалы сомкнулись вокруг моего горла.

Я судорожно запрокинул голову, пытаюсь дышать, и увидел ее...

Вренна была почти на вершине живой башни из пяти или шести кораблистов. Мускулистые кожистые конечности переплетались, покорно создавая удобные выступы для ее ног. Вот, она преодолела последние лапы и шею и застыла, устойчиво держась на сотворенном пьедестале – руки, словно крылья, разведены для равновесия, волосы клокочат на ветру.

И, распрямившись, она опустила огненный взгляд и зашевелила губами, источая беззвучные приказы. Энергия ее власти распространялась почти физическими волнами.

Я ощутил тонкую струйку воздуха, рванувшую мне в легкие.

Вренна продолжала балансировать на причудливой конструкции, властно взирая вниз, перебирая губами и словно покачиваясь на ветру.

Клешни разошлись, и я кое-как выбрался из-под кораблиста. Огляделся. Уродцы замерли, не шевелясь и не спуская с нас белесых глаз. Робин, Игорь, Хоньев – все неуклюже вставали на ноги. И поднимали ошарашенные взгляды на Вренну. Вренну Вентедель.

«И ей даже говорить ничего не пришлось!» – уязвленно

подумал я. Оказывается, не так уж я рад, что она сохранила силу.

Я чувствовал за пазухой приятную тяжесть пистолета, и обилие покорных неподвижных жертв вокруг гипнотизировало. Но судя по тому, как выглядела Вренна, контроль над кораблистами давался ей всё же нелегко – и значит, один единственный выстрел, скорее всего, разрушит чары, и тогда нам не спастись.

– Уходим! – крикнул я, возвращая соучастников к реальности.

Они завертели головами, оценивая ситуацию, и, кажется, пришли к выводу, что согласны со мной. О том, чтобы продолжить путь, не зарекался даже Робин. И даже Вренна не пыталась приказать такому количеству кораблистов ничего большего, чем просто не двигаться и не вредить нам. Поняла наконец, что власть над ними не бесконечна.

Она закашлялась, пошатнулась на башне и неловко спрыгнула – Игорь подхватил ее и что-то прошептал – она устало улыбнулась.

Я заставил себя не обращать внимания на это и быстро зашагал прочь – обратно к джипам.

– Стойте, – слышалось сзади. – Что с ним?

– Слава!..

Я обернулся – все сгрудились вокруг Зимина. Ну ясно. Поискал глазами Вренну – она там же, еще чуть-чуть и на колени встанет возле тела – какие сантименты. Какая мер-

зость. Я пошел быстрее, и вскоре их голоса растворились в листве.

Вышел к автомобилям. Итак, делаем ставки: совесть позволит мне это? Что ж, да, легко! Ключ в замке зажигания, дверца открывается один нажатием – а Вренну они тут не оставят: они к ней привязались.

Через пятнадцать минут я выеду из леса, а уж куда податься дальше – как-нибудь да придумаю.

Террорит | 6

I

Было около трех часов – дикая лунная ночь. Зябко, даже морозно – для сентября. Откуда-то из-за холмов доносятся звуки прибора.

Джек захлопнул дверцу свежееугнанной дешевой легковушки и, размяв плечи, огляделся.

Вокруг раскидывался почти магический пейзаж. Синий в ночи вереск шевелится от ветра, мириады звезд, повисшие в небе, кажутся ярче и ниже, чем в городе. Серая колея, виляя, исчезает между холмами, так и не добравшись до дома. А дом скрывается – он не виден с этого ракурса, ведь одну из его стен заменяет скалистый утес.

Пройти двести метров, минуть мохнатую вершину холма, и окажешься на его крыше —плоской, покрытой дорогими каменными плитами.

Раньше в эту крышу была встроена джакузи, а вокруг нее полукругом стояли ядовито-салатовые лежаки. Едва ли что-то из этого дожило до сегодняшнего дня.

С крыши ведут две лестницы: винтовая – в самый центр дома, и пожарная, зигзагом рассекающая боковую стену. С обратной стороны в эту резиденцию можно попасть через высокую арку, за которой открывается вид на небольшую деревянную террасу и затем – на дикий каменистый пляж.

Шесть лет назад здесь был лишь добротный фундамент и голые стены, покрытые пучками пышной зелени – чье-то давно заброшенное начинание.

Пара месяцев упорного строительства – и тайный штаб четырех развязных психов готов. В девятнадцать лет этот коттедж с морем, вином, девушками, приятелями – и без кораблистов и контроля – казался настоящим раем. Впрочем, и сейчас, в двадцать пять, Джек бы с блаженством растворился во всех этих беззаботных удовольствиях.

Он облизнул губы и зашагал к знакомой вересковой возвышенности. Между пушистыми стеблями замелькал теплый свет, и вот, подобно затонувшей Атлантиде, из-за холма вынырнула заветная крыша.

Джек застыл, ошарашенный. Джакузи и лежаков там действительно не было, вместо них – роскошные дамские качели с балдахином, окруженные пушистыми клумбами и ажурными металлическими изгородями, безжалостно вспоровшими знакомое покрытие крыши.

На качелях замерла фигура – голова повернута к Джеку. У него на секунду перехватило дыхание, но он продолжил идти.

Фигура поднялась, сделала пару шагов, и ее осветило золотом от повисшего над нею фонаря.

Джек остушился и едва устоял на ногах. Неужели... это может быть она?

– Кто вы? – с заметной долей испуга спросила девушка.

Джек собрался с духом и преодолел оставшееся расстояние. В груди разрасталась настоящая буря – почти до боли.

Его окатило светом.

Глаза девушки расширились.

– Ты?..

Джек не сдержал глупой улыбки. Да, это действительно она. Пополнела немного, но ей это даже идет. Овальное личико в копне огненных волос, неестественно зеленые глаза (линзы, наверное, но другой она уже просто не представляется). Притягательная грудь, мягкие руки, тонкая талия, подвязанная махровым поясом. Боги, она ведь в банном халате! Да разве можно такой женщине носить банный халат? Разве можно показывать такие ноги мужчине, которому не собираешься отдаться?.. Впрочем, она же не знала, что встретит его...

– Джек?.. Ты жив? Но нам сказали...

– Да, я знаю, это была... предупредительная мера, – хватит смотреть на ее ноги. – Я... Ты бы знала, как я рад тебя

видеть.

Она улыбнулась своей фирменной обворожительнейшей улыбочкой и лукаво потупила взор.

– Один человек настоятельно посоветовал мне воздержаться от общения с вами, – продолжил Джек. – Другой – сказал, что вас всех садистски убили. Странная политика, да? Несогласованность а-ля Вентедель. Я поверил первому и воздержался. Но всё равно чертовски рад убедиться.

Мекс улыбнулась – на этот раз по-доброму и с пониманием.

– Да, Джек... Ты сейчас как призрак. Мертвец посреди ночи... Если ты исчезнешь – мне и не доказать, что ты здесь был.

– Я не собираюсь исчезать.

На центральной лестнице послышались шаги, и из темноты вырос силуэт. Лица было не разглядеть, но догадаться, кто это – несложно.

– Артур, да? – уточнил Джек.

Мекс кивнула.

– Черт, я и не надеялся встретить вас ту...

– Ты?! – в неожиданном бешенстве взревела фигура, на двигаясь.

Джек немного опешил и непроизвольно отступил назад.

– Ты?! – продолжал возмущаться силуэт, и, выйдя на свет, действительно оказался Артуром – высокий крепкий парень с фигурной черной бородкой и сумасшедшим взглядом.

– Что?.. – начал было Джек, но вынужден был судорожно уворачиваться от летящего кулака.

– Ублюдок! – это был какой-то странный скользящий удар сверху по челюсти.

Джек обернулся к Мекс, ища, возможно, защиты или хотя бы объяснений, но она, похоже, находила в происходящем определенное удовольствие.

А Артур, совершенно невменяемый от гнева, снова заносил руку.

Джек кое-как увернулся и недолго думая рванул в сторону вересковых холмов, спиной ощущая преследование. Он немного задыхался с непривычки, и, что гораздо хуже, уже на третьем подъеме в гору каждый удар ступней о землю начал отзываться болезненным сжатием в груди. Н-да, после одного злосчастного чая бегать ему противопоказано.

Он слышал, как шаги разбушевавшегося Артура неминуемо надвигаются, но он остутился и рухнул даже раньше, чем его нагнали.

– Урод! Трус! – ботинком по ребрам, но сердце ныло куда сильнее.

Его грубо перевернули на спину и, схватив за ворот куртки, приподняли.

– Она – моя жена! Ясно тебе?! – мощный удар по скуле.

Джек коротко взвыл и слабо дернулся, но что толку... Любое движение отдавалось огромной болью между ребер.

– Не подходи к ней!.. – Артур отпустил его и отошел на

несколько шагов, тяжело дыша. Джек инстинктивно повернулся на бок и слегка подтянул ноги к груди.

– Черт, – пробормотал Артур с хрустом разминая пальцы. – Черт... я... Я не знал, что ты жив.

Джек воздержался от язвительных комментариев.

– Черт... Черт, что с тобой? Я же тебя не успел особо поколотить.

– Сердце, – коротко объяснил Джек.

– Черт.

Через пять минут они шли обратно к дому (Артур слегка поддерживал Джека), а там, на краю крыши, их поджидала Мекс.

– У нас тут не бывает гостей... – неуверенно говорил Артур. – Что я должен был подумать? Посреди ночи, на крыше... К тому же ты... Мекс!..

Судя по голосу, он снова начал вскипать.

– Артур, послушай, – «Если он не прикончит меня сейчас – то можно по этому поводу уже и не беспокоиться». – Ты знаешь, я всегда... был равнодушен к твоей девушке, – Джек осторожно покосился на приятеля, но тот более ли менее держал себя в руках. – Но она твоя, и у меня нет на нее претензий! И это ты тоже знаешь.

– Тогда что ты здесь забыл? – каменным тоном уточнил Артур.

– Я прячусь! Как и всегда – это же бункер, чтобы в нем прятаться. Я и подумать не мог, что встречу здесь вас дво-

их! – он на секунду задумался. – Или вас не двое?

– Нет... двое... Ты не знаешь эту историю, да?

– Какую? – Джек невольно напрягся.

Они вышли на крышу. Мекс невинно улыбалась, покачиваясь с пяток на носки и обратно.

Артур окинул ее трагичным взглядом, вздохнул и позвал всех в дом.

Винтовая лестница вела в гостиную: стены обиты дорогим деревом, на дощатом полу старый пушистый ковер, и пара диванов вокруг кофейного столика. Вдоль стен – буфеты и книжные стеллажи.

Около полуминуты Артур шепотом говорил с Мекс, после чего она скрылась за дверью, а он – устало опустился на диван.

– Садись, – но Джек уже расположился, не дожидаясь приглашения.

– Эх... Так у вас точно ничего не было? – Артур вернулся к своим баранам.

– Ничего. Мы успели переброситься парой слов, и тут появился ты.

Артур вскинулся.

– Что значит «успели»? А если бы не появился?

– О боже... Я скоро начну думать, что лучше бы вас всё-таки убили.

– А я – что тебя, – парировал Артур, но как-то снова дружелюбно.

– Ладно-ладно, прости, – продолжил он. – Видно, я просто отвык, чтобы рядом с ней был кто-то кроме меня... Особенно ты.

Джек покачал головой, едва удерживаясь, чтобы не закатить глаза.

– Сколько вы уже здесь?

– Почти два года.

– Хм... Тоже прячетесь? Тебя так и не признали вменяемым?

– Меня? Куда уж...

– Слушай, – Джек вдруг вспомнил. – Так что за история? Что случилось?

«Марк? Или Якобс? О ком пойдет речь?...»

– А, это... Ну, в общем... Только при Мекс не упоминай, ладно? Она... – он вздохнул. – У нас родился мертвый ребенок.

– Что? – выдохнул Джек, резко похолодев и выпрямившись – диван вдруг стал жестким, воздух – колючим. – Разыгрываешь?

– Да какие к черту розыгрыши!

Джек повис в непроглядном недоумении. Это другие люди? Какой ребенок? Какой – к черту – мертвый? Жена? Он говорил, что она его жена? Свадьбы, беременные жены, неудачные роды – это... из какого-то другого мира!

– Давно уже, – говорил между тем Артур, скривившись лицом. – Больше года назад. Это проклятье... ну ты понима-

ешь. Разве у нас могут быть нормальные дети?

«Что?.. А, кажется, это уже что-то знакомое».

– Опять ты за свое?

– А что!.. – начал было он взвинченно, но внезапно поморщился и сгорбился, опуская взгляд к полу. – Ай... Какая разница? Она говорит... – он озлобленно вскинул голову, – говорит, это был «живой мертвец». Синий и кричащий. Врачи вообще заявили, что младенец был живой-здоровый, а она, видите ли, сама его задушила. Ублюдки! Итог – ей тоже назначили принудительное лечение. Чуть не запрятали в психушку – вовремя увез ее. Поэтому мы здесь. Прячемся, да. Теперь уже оба. Оба... Что же я с ней сделал?..

– Ты о чём?

– Ну, – он горько усмехнулся. – Была милая студентка-медсестричка Таня... Теперь – огненная ведьма Мекс!.. просто сумасшедшая...

– Так ты признаёшь?..

– Заткнись. Теперь-то что? Может, если б раньше...

За дверью послышались шаги, и они замолчали.

Вошла Мекс – такая же прекрасная, такая же самодовольная и беспечная. Вместо халата легкое платье, в руках – поднос с тремя чашками кофе.

Кофе в четвертом часу ночи – конечно, самое то. Шесть лет назад никто бы не удивился... но вряд ли хоть что-то будет теперь так же, как шесть лет назад.

– Ну, рассказывай.

Мы с Артуром только-только начали партию в бильярд, и тусклые от времени шары лениво раскатывались по такому же тусклому слегка хромотому столу.

Я прицелился, ударил и с удивлением проследил, как красный шар врезался в стенку возле угловой лунки, немного погарцевал вокруг нее и рухнул вниз.

– Неплохо, – усмехнулся Артур.

– Мастерство не пропьешь.

– Мастерство, ага.

Он примерил кий к паре шаров и ловко отправил один из них в дальнюю лунку.

– В общем, давай, начинай, – кивнул он мне, слегка усмехнувшись своей маленькой победе. – Что было в жизни, пока мы не виделись?

Я бездумно стукнул в белый шар, и он пролетел, не задев ни одного собрата, что дало Артуру лишний ход.

– Что ж, ладно. Пока мы не виделись, я всего лишь женился и разорвал Договор.

– Брачный контракт что ли?

– Нет. Договор. С большой буквы, – очередь бить снова была моя, и я внимательно вглядывался в стол.

– Что?

– Ну, знаешь... Небольшое семейное торжество. Все приняли на грудь, танцуют-пируют, всё такое...

И я рассказал ему про тот сумасшедший маскарад, кото-

рый сам практически не помню, потому что был под ЛСД или еще под чем-то, теперь уже трудно сказать. Помню четко одно: я обнаружил у себя в руках автомат, а перед собой – скопище кораблистов – таких уродливых, таких умных, пропитанных ненавистью ко мне и моему роду. Они замерли без дела, и их белесые глаза источали презрение и решимость терпеть, дабы однажды отомстить.

Никто не знает на самом деле, почему кораблисты так ненавидят людей, ведь их поработили уже после войны. Явившись в наш мир, они жаждали одного – убивать людей. Наверное, это у них в генах. Но об этом редко задумываются. Какая разница, как (и тем более почему) к тебе относится твоя вещь? Нет, ну они не вещи, конечно. Скорее крысы или тараканы.

В общем, я никогда прежде не замечал какого-либо выражения на их физиономиях или в глазах... Вполне возможно мне это и примерещилось. Правда, с тех пор я вижу прямо таки горящую ненависть во взгляде любого мутноокого миньона (и движении каждого безглазого).

И вот стою я, руки оттягивает тяжесть автомата с патрон-ташем, сотни глаз жаждут раскрошить меня и поглумиться над каждой частицей, и я понимаю, как легко мне сейчас придушить в них это стремление! Смести к чертям эту свинцовую веру, что однажды они возьмут реванш и победа будет за ними.

И я открыл огонь.

Отдача ударила в плечо, поток снарядов метнулся в сторону, обращая в хаос блистательно накрытый стол и оставляя череду черных дыр в стене, но я с силой выровнял его, утопая в сокрушительном ощущении собственной мощи.

Кораблисты встречали пули грудью, не шелохнувшись – у них нет чувства самосохранения. И это значительно умерило мой пыл.

Я остановил автоматную очередь и замер, тяжело дыша. Горячий воздух отражался от огромной маски и облеплял лицо влажной пеленой.

Кстати, я был одет в Деда Мороза, и именно его бородатую добродушную физиономию изображала моя маска.

Разорванные жилистые тела со шлепками оседали на паркет. Затихший грохот выстрелов сменился звенящей тишиной. Я спиной чувствовал, что все, кто был в этом зале, изумленно смотрят на меня.

Сперва меня охватил страх, но он скрылся, затушеванный мыслью, что сотней большей, сотней меньше – тьфу, кораблистов никто не считает.

Эти трусы за моей спиной дрожат под гнетом Договора. Дурачье! Мы можем делать, что хотим! Я всю жизнь делаю, что хочу, и не потерял ни грамма своей власти. Так что – можете брать пример, разрешаю!

С этими мыслями я развернулся на каблуках и отвесил театральный поклон. И, засмеявшись их нелепым ромам, прошествовал мимо них к дверям.

К сожалению, мне ненадолго удалось остаться инкогнито. Уже через день (а я всё ещё гостил в Морской Короне) за мной прислали четверку крепких кораблистов, которые сопровождали меня к Ммороку.

На тот момент я был уже вполне трезв, и мне хватило ума не продолжать своих кровавых буйств. Это ведь, в конце концов, попросту бессмысленно. Кораблисты неистребимы. Они не занимаются глупостями вроде самовоспроизведения – новые особи просто отпочковываются от Замка. Это довольно сложно с логической точки зрения и более чем странно – с биологической, но тем не менее. Все наши Замки – они же Корабли – это некая матка, порождающая новых и новых детенышей. В каждом Замке есть особое подвальное помещение, заполненное хрустальными сталагнатами, обросшими яйцами кораблистов. Эти яйца покрыты не скорлупой, а плотной полупрозрачной кожицей, наподобие икры, и они довольно быстро растут, прикрепленные к своему сталагнату. Они отваливаются от него в виде скользкого аморфного мяча, заполненного жидкостью с питательными веществами, и дальше развиваются самостоятельно. Зародыш кораблиста внутри яйца поглощает питательные вещества из своей жидкости, растет, постепенно растягивая кожицу, и, наконец, разрывает ее и выбирается наружу, готовый служить мне.

Такая вот небольшая лекция по эмбриологии кораблистов.

Но меня вели к Ммороку. И мне явно не хватало позавчерашнего задора.

Старик ждал в своем просторном кабинете, развалившись в кресле за столом.

У нас с ним есть один забавный казус. Он мне и тесть, и зять. Вот так. А я ему – зять и шурин. Я не очень щепетилен в вопросах инцеста, но всё же хорошо, что мы с Алитой никаким боком не брат с сестрой. Моя мать – цыганка, отец Али-ты – бесследно пропавший путешественник. Зато мой отец и ее мамаша, то есть наши с ней официальные родители – оба Вентедели, и приходится друг другу тетей и племянником. Прямо как мы с Вренной, только наоборот.

– Постарайся объясниться, – без прелюдий начал Мморок.

– Я был не в себе, – я пожал плечами. – Алкоголь, ЛСД.

– Предлагаешь мне следить за вредными привычками Вентеделей, чтобы вы лучше блюли Договор?

Я промолчал. Дверь за моей спиной была плотно закрыта, а перед нею выстроились в ряд те же четверо кораблистов. Я опять чувствовал их ненависть. Мне вспомнилось, с какой легкостью они отрывают людям конечности, и я судорожно принялся искать в кабинете что-нибудь интересное, чтобы зацепиться взглядом и отвлечься.

– Это ведь не первое твое нарушение, – продолжил тесть. – Ты много времени проводишь вне Замков, спишь с кем попало и не заботишься чистить за собой. К тому же ты

женат уже второй год, и у тебя до сих пор нет ребенка.

Я вскинул брови.

– Внучков захотелось, папаш?

Он и бровью не повел.

– Это часть Договора. Или ты его запомнил?

– На этот счет можете не беспокоиться. Детей я как-нибудь устрою.

– Да что ты? А мне вот кажется, ты кое-что упускаешь.

Мне почему-то представилось, как он домогается Вренны. А ведь он ее отец, и вроде бы настоящий.

– За нарушение Договора следует наказание.

А, вот о чём он. Пожалуй... это не лучше. Непосредственный контроль за мной должна осуществлять Алита, как моя старшая сестра – якобы. Она меня терпеть не может, но у меня есть парочка рычагов воздействия. Другое дело, что следующая за ней инстанция – это собственно Мморок, ведь он ее муж. И вот он меня точно не пощадит. Потому что он тоже меня терпеть не может.

Может, лучше пренебречь рычагами воздействия? Итог один, а иметь дело с Алитой приятнее, ведь она красивая женщина.

– Может быть... я могу как-то искупить вину? – осторожно спросил я после затянувшегося молчания.

– Думаешь?

– М... ну я мог бы расстрелять каких-нибудь людей?

Мморок хрипло засмеялся, закашлялся и грозно посмот-

рел на меня.

– Так легко у меня не отделаешься.

Он молча сверлил меня взглядом и, видимо, ждал других предложений.

– Тогда, может быть... троих внуков? – я ухмыльнулся и щелкнул пальцами, но выражение лица у старика не менялось. – Пятерых?

– Ты знаешь пытку водой?

Я помолчал пару секунд.

– Это вы угрожаете или конструктивно?

Он усмехнулся.

– Угрожаю. Мучить людей всякий горазд. Мне от тебя нужно что-то более общественно полезное.

– М... Типа?

– Восстанавливать заброшенные Замки.

Я нахмурился:

– В одиночку?

– С бригадой кораблистов, – он улыбнулся. – Нужно же будет где-то моих пятерых внуков селить.

Да-да-да, мы расстались практически полюбовно, и я тут же пустился в бега. Реставрация Замков – это, конечно, гораздо лучше, чем пытка водой, но всё равно совершенно выбивается из моего вальяжного образа жизни. В общем, в итоге я даже краем глаза не взглянул на эти несчастные заброшенные Замки и даже... отдаленно не приступил к проектированию первого внука. Хотя здесь радоваться нечему. И

вообще, как я мог не вспомнить об этом священном деле, пока жил вдвоем с Вренной в нашей маленькой квартирке в Картре?

Мое «в бегах» проистекало очень весело, азартно и сладострастно, пока я не стал узнавать о бунтах кораблистов. Вот небольшая хроника:

31 октября 2011 – бал-маскарад в честь Хэллоуина в Морской Короне;

Ноябрь-декабрь 2011 – увеличение количества случайных жертв из окрестных населенных пунктов;

16 декабря 2011 – исчезновение Эрвадды Вентедель (предположительно убита своими кораблистами) (Замок – Журавль);

29 декабря 2011 – попытка Инициации Товвира Вентеделя – он не сумел совершить положенное убийство и был казнен кораблистами; никто из присутствовавших Вентеделей не признается, что отдавал такой приказ (Замок – Орхидея);

31 декабря 2011 – Рождественский Пир в Морской Короне – в некоторых блюдах обнаружен яд;

12 января 2012 – Леккрам Вентедель (у нас с ним приятельские отношения) просил помочь ему пристроиться среди людей, потому жить с обезумевшими кораблистами он больше не может (Замок – Башня);

30 января 2012 – громкая история об Нарканне и Биэллоре Вентеделях, в панике бежавших из своего Замка (Звезда);

А дальше краткая хроника превращается в подробную

хронику, потому что после громкой истории бежать стали все! Когда в начале весны я приехал за Вренной, ее в Гвозде уже не было, и я, честное слово, порядком перетрухнул. Забрал оттуда ее дневник и перечитывал несколько раз – в общем, развел всякие сантименты... Но уже через пару недель позвонила Алита с наездом – мол, как я мог не позаботиться о девочке и оставить ее в практически бунтующем Замке. Мы слегка повздорили, как обычно, но зато я узнал, что Вренна у матери и что с нею всё в порядке.

К маю населенных Замков почти не осталось. Вентедели пытались затесаться среди обычных людей, придумывали себе фальшивые имена и были приветливы с соседями – которых раньше бы столь же приветливо препарировали.

Дело в том, что среди Вентеделей бытует мнение, будто простые люди их ненавидят, и, следовательно, лучше не раскрывать свое прошлое. На самом деле, людям не за что нас ненавидеть. Seriously. Ведь мы всего лишь исполнители Договора – Договора, который защищает этих самых людей от кораблистов. Во время войны (в десятом веке) они истребили больше двух третей населения. Сегодня от рук кораблистов и Вентеделей вместе взятых ежегодно погибает десять тысяч человек. Для сравнения: в автокатастрофах – один миллион двести тысяч, а от рака легких – полтора миллиона. Так что можете быть нам благодарными и говорить спасибо. Мы малой кровью спасаем ваш драгоценный мир.

Но, к сожалению, осознают это немногие. И в большин-

стве своем обычные люди действительно нас ненавидят, считают проклятьем и иногда даже мечтают очистить от нас мир. Бывают, правда, и такие, для кого на первом месте стоит любопытство, и... именно они зачастую составляют основную часть тех заветных десяти тысяч.

Вообще, любопытный вопрос: почему за века люди так и не научились обходить кругом наши злосчастные Замки? Они не ползают по лесам, как сказочные избушки на курьих ножках, не скрываются от спутниковой съемки. Люди знают, где нас искать.

И делают на этом деньги.

Как ни странно, законсервированные в своих Гвоздях, Коронах и Орхидеях, мы популярны. О нас пишут в модных журналах, мы герои рекламы. Почему-то люди хотят жить как мы. Курить изысканные сигары, играть на арфе, позволять маленьким чудовищам омыwać свои ноги. А то, что наша рутина – это убийство и каннибализм – это не страшно, ведь если к этому привыкнуть – то и не замечаешь. А мы, как известно, к этому давно привыкли.

Имя «Вренна», к сожалению, знают очень многие, потому что она особенно популярна. Юная девушка, дочь Мморока, главы семьи – самая настоящая принцесса Вентеделей. Ее образ выкупила себе (не знаю, правда, у кого) одна косметическая компания, и теперь по ТВ то и дело крутят ролики о якобы-Вренне, подводящей глаза или выбирающей помаду в тон платья. Настоящая Вренна сотню раз видела эти рекла-

мы, но так и не поняла, что речь о ней. Неудивительно, ведь актриса, играющая ее, на полторы головы выше настоящей Вренны и на три размера шире. И я не хочу сказать, что она толстая – глупости. Она, в отличие от некоторых, женственная.

Так вот. А раз мы популярны – то почему бы не оборудовать гостиницу где-нибудь неподалеку, но на безопасном расстоянии от Замка? Зазывать туда туристов и этак ненавязчиво намекать, что такой шанс – увидеть саму... или самого... – выпадает раз в жизни, и, черт возьми, им нельзя не воспользоваться! Люди клюют. Не очень часто, но клюют. Большинству достаточно щекочет нервы уже то, как близко они подобрались к Замку.

Другой типаж людей, составляющий около 20% нашего рациона – это журналисты. Самые любопытные в мире существа, из года в год жаждущие заполучить эксклюзивное интервью или хотя бы фото. Кстати, некоторых из них надо отпускать, чтобы не спадала популярность, во-первых, и чтобы не иссякал поток новых журналистов, во-вторых. Эту братию ужас как вдохновляет известие о том, что какому-то везунчику удалось спастись.

В середине весны у меня началась паранойя. Я стал замечать грозные черные автомобили, медленно следующие за моим фордиком, и молчаливых людей на улице, вскользь провожающих меня взглядом. Я вспомнил о пытке водой и прочих радостях и решил аккуратненько ретироваться. По-

мотался из города в город, вроде как заметая следы, и, наконец, осел в Картре.

Город оказался как раз по мне – с богатой ночной жизнью, клубами и барами, но одновременно цивилизный и интеллигентный. Здесь не было никакого производства – только жилые дома, развлекательные заведения, офисные здания, пляж и пара исторических достопримечательностей.

Я решил не слишком светиться и против своего обыкновения стал завсегдатаем только одного бара-казино. Проблем с деньгами у меня не было – на паре банковских карточек хранилась сумасшедшая сумма (с тех времен, когда мой Замок еще приносил доходы), но я понимал, что если хочу затесаться среди этих людей, стоит найти работу. Поэтому я рыскал в интернете, ходил на собеседования и сетовал за барной стойкой. В итоге, отзывчивый бармен посоветовал мне освободившееся место крупье – и вуаля, из клиента я становлюсь дилером.

Здесь же, благодаря другому своему коллеге, я пристрастился к лолли.

А еще здесь же, в этом чудесном казино под скромным названием «Парадайз», я впервые узнал о Сказочнике.

– Ты слышал что-нибудь о нём?

Я загнал еще один шар в лузу. Мы доигрывали вторую партию, и я наконец понял, как выгодно использовать покосившиеся ножки стола. Теперь мы оба, и я, и Артур, били только в левый угол и практически не промахивались.

Артур пожал плечами.

– Не-а. А это прозвище что ли?

– Ну типа. Это как Крестный Отец – только Сказочник.

– Мне кажется, это из фамилии. То есть его зовут, например, Вася Сказочкин, но это жуть как несолидно, и поэтому он – таинственный Сказочник.

– Однако. Так ты уверен, что ничего о нём не слышал?

– Ну разве что внутренние голоса, но ты же в них не веришь, – он усмехнулся. – Так что в нем особенного? Крестный Отец, говоришь?

– Он управляет всем в Картре и нескольких соседних городах. Всем – в смысле, казино, бордели, лолли... Хотя некоторые говорят, что мэр – тоже его человек.

– С чего ты взял, что мне это интересно? Я даже не знаю, где этот твой Картр.

– На северо-востоке. Это интересно, потому что из этого можно извлечь выгоду.

Я забил последний шар, и мы стали вспоминать, у кого сколько. Получилось моих шесть, его – девять, то есть вот уже минут пять как я проиграл и просто так, по инерции, кручусь вокруг этого глупого стола. Вот что значит, давно не практиковался, даже правила вылетают из головы.

– Какую еще выгоду? – вернулся к разговору Артур, снова запрягая шары в треугольник.

– Смотри. Я нажал на спусковой крючок, так? Сам того не желая, запустил механизм разрушения.

– Звучит грозно.

– Но ведь так? А значит, я должен быть готов к тому, что будет дальше. Тысячу лет назад люди были не в состоянии бороться с кораблистами. Но за тысячу лет мы многому научились.

– Хм.

– Что?

– Война? – он скептически покосился на меня.

– Ну... типа по ходу! А твое сверхчутье ничего тебе не подсказывает?

– Пошел ты, – он усмехнулся.

Я рассмеялся и разбил шары. Ничего не закатилось.

– Слушай, я не собираюсь запугивать тебя или отрывать от прекрасной жизни с Мекс...

Он хотел было нахмуриться и возмутиться, но я быстро продолжил:

– Я как раз таки хочу сказать, что, возможно, всё это можно предотвратить. Сейчас, пока кораблисты не освободились окончательно, а мы уже знаем, что Договор не восстановить, и можем нарушать его – сейчас самое время для атаки.

– И ты поведешь за собой легионы, ага.

– Брось. Хватит пары бомб. Достаточно уничтожить эти подвалы с потомством – и всё!

– И как же ты?..

– Слушай. Подожди. Я же просто рассказываю, что произошло в моей жизни, пока мы не виделись, так?

– А мне уже показалось, что ты занимаешься агитацией.

– Я, можно сказать, занимался агитацией. Я вышел на Сказочника, чтобы убедить его, что нужно всё это проверить.

– О!

– Что? Всё обретает смысл? – я усмехнулся.

Артур отложил кий и почесал бородку.

– Ну и что, вышло?

– Сказочник оказался весьма своеобразным субъектом. Он преследует какие-то собственные цели, и как только мне начинает казаться, что я понял, в чём они состоят, он совершает что-нибудь из ряда вон. Я до сих пор не понимаю, чего он хочет, но он отрядил мне людей для подрыва Короны.

– Я не разбираюсь в вашей терминологии.

– Ну, это типа главный Замок. В общем, я прихватил с собой Вренну, потому что знал, что моя власть над кораблями уже ни к черту, и мы двинулись в этот лес.

Я помолчал.

– Ты решил пропустить ход что ли? Давай, бей.

Артур удивленно приподнял брови, пожал плечами и вернулся к игре. Ударил, затем я.

– Джек, что произошло?

Я снова помолчал.

– Вренна выручила нас. Конкретно.

– Хм! – он вскинул брови с каким-то злорадным предвкушением. – То есть ты у нас теперь обычный человек?

– Обычный человек не забудет тебе сейчас победный восьмой шар! – зеленая шестерка красиво отскочила от угла и угодила прямо в зияющую угловую лузу.

– Два – один, – объявил Артур. – Отыграешься завтра. Пошли откроем вино. У меня есть отличный вранац, или можно мускатное крикова.

– А ты всё такой же гурман?

– Ха, а как же.

Мы поднялись в гостиную, я уселся на диван, а Артур начал шарить по буфетным стеллажам.

– Похоже, тут нет. Пойду в погреб.

– Тут раньше не было погреба, – удивился я, и Артур, выходя из комнаты, самодовольно усмехнулся.

Пока его не было, я тоже осматривал пыльные шкафы, выстроившиеся вдоль стен. Вернувшись, он поставил на кофейный столик пару темных бутылок и заявил:

– У меня созрело два вопроса. Во-первых: что ты там говорил про свою свадьбу? И во-вторых – что дальше по твоему злодейскому плану спасения мира?

Я рассмеялся и вернулся на диван с парой бокалов.

– Ну, я женился на Вренне. Это было запланировано, кажется, еще до ее рождения, так что ничего удивительного. К тому же ты прекрасно знаешь, как долго мы были помолвлены.

– Она же младше тебя на много лет. Сколько ей сейчас? Четырнадцать?

– Семнадцать, вообще-то. Но с четырнадцати она ни капли не изменилась.

– М... Ну и как она? – он намекаяще прищурил глаз.

– Мы не спали.

– Семнадцать – это нормально, – удивился он.

– Четырнадцать – это тоже нормально. Просто она меня ненавидит. Ну, типа.

– Это как?

– Ну... не знаю. Типа ненавидит. То есть, в общем-то, ей уже по фигу, но она из вредности всё еще меня ненавидит.

– Что ты несешь?

Я засмеялся.

– Давай лучше о спасении мира. Теперь я думаю, что надо сбрасывать бомбы с истребителей.

– Мы не в Голливуде, приятель!

– А что? Почему нет? Хотя бы с вертолетов. У Сказочника наверняка есть персональный вертолет.

Фыркнув, Артур наконец открыл одну из бутылок и разлил вино по бокалам.

– Вранац, – объявился он. – Черногория, выдержка пятнадцать лет.

Я попробовал – горчит и вообще напоминает черную смородину. Я не преминул сказать об этом. Артур презрительно поморщился и посмотрел на меня, будто говоря: «Ничего ты не понимаешь, придурок». Затем мы открыли мускат, и он оказался гораздо приемлемее, но Артур всё равно косился

на меня с пренебрежением – якобы я слишком быстропил.

Через полчаса в гостиную зашла Мекс – опять в банном халате – она что каждый день принимает ванну? Минут пять я отводил от нее взгляд, а потом вообще ушел на крышу с полубутылкой муската.

III

Уже на четвертый день я настолько обжился в старом пристанище, что трудно было поверить, что меня здесь не было пять лет. Каждый уголок был знаком: ковры, комоды, коридоры, потолки – всё такое родное, захожу в комнату, и на меня сыплются десятки забавных и нелепых воспоминаний. Они пробиваются даже сквозь ремонт, постигший небольшую часть дома.

Я забыл обо всём. О вертолетах, Сказочниках, кораблицах, Вренне, лолли, нерожденных детях, сумасшедших женах... Меня бросало в жар при одном взгляде на Мекс, и все мои заботы сводились к тому, чтобы не показывать это Артуру и чтобы поменьше оставаться с ней наедине – она лишила меня контроля над собой. Ее мягкое розовое тело, ее огненные волосы, ее обворожительная улыбка.

Артур говорит, до встречи с ним она была обычной студенткой – в очках, с русой косичкой. Да как, черт побери?! Если это правда – спасибо ему! Я поверю, что он маг – да кто угодно! В то, что она ведьма, я уже верю, потому что она сносит к чертям всё мое самообладание и вообще адекватность. Я раскисаю, шепчу что-то, будто девственник, а она

развлекается.

Но вот, я избегал ее сутки, я принял холодный душ, и я кую на крыше. Кажется, мой мозг приходит в порядок.

Если задуматься, всё становится на свои места. Я уже когда-то занимался этой расстановкой, и всё сходилось. Надо только вспомнить.

Во-первых, я почему-то не ревную. Я завидую Артуру, когда он обнимает Мекс, когда прикасается к ней, но это не ревность. Я был бы абсолютно счастлив, если бы мы устроили шведскую семью... хотя у нас и так шведская семья, если подразумевать под этим просто сожитительство. В общем, если бы Артур не был таким ревнивцем или если бы он не был моим другом, то я мог бы сблизиться с Мекс, и меня бы ничуть не волновало, что она спит с кем-то еще.

И во-вторых (хотя сейчас я этого не чувствую, и мне страшно даже думать об этом!), скорее всего меня влечет в ней только ее недоступность.

Я пришел к этому выводу несколько лет назад. Мекс сидела у меня в голове, несмотря на то, что мы не виделись больше года, и я всё думал, что в ней такого необыкновенного, что я не могу ее забыть. И понял – тогда это было открытием, в котором я не сомневался – что это единственная женщина, которую мне было никак не добиться.

Она ведь заигрывает со мной и строит глазки только потому, что уверена, что я держу себя в руках. Она любит Артура и не собирается ему изменять.

Да ладно? С чего я это тогда взял?

Тогда всё было четко и логично. И в итоге я приходил к выводу, что мне хватит месяца, чтобы пресытиться ею. Какое кошунство.

К черту здоровый рассудок! Лучше пойду на кухню, она как раз, наверное, готовит там обед.

Я оказался прав... Стройные ноги, прикрытые полупрозрачными хлопковыми шароварами, легкая домашняя маечка, вздымающаяся двумя объемными полусферами. Пламенные волосы убраны и веером покачиваются над головой и над тонкой белой шеей.

Она обернулась от плиты, и я судорожно втянул воздух.

– На обед плов, – улыбнулась она и прищурила глаза. – Что скажешь?

– Э... Да... Здорово...

– Да? – она положила деревянную лопатку и медленно приблизилась ко мне. Я замер у косяка двери и вдохнул ее сладковатый запах. Она томно сверкнула глазами, облизнула губы.

Я собрал волю в кулак и как можно спокойнее поинтересовался:

– Ты смерти моей хочешь?

Она приподняла круглые брови:

– При чём здесь смерть?

– Я... Если ты так смотришь... Я сейчас поцелую тебя... и ты расскажешь Артуру. А у него случится приступ маразма,

и он прикончит меня...

– Тогда... не целуй меня, – она приблизилась вплотную.

– Конечно! – я быстро обхватил ее талию, прильнул к ней губам... и она с силой и яростью вырвалась из объятий.

Я пришел в себя через секунду и с вызовом ответил на ее гневный взгляд.

– Придунок!

– А на что ты напрашивалась?!

Она отвернулась, сжала губы.

– Я – ведьма, это моя природа!

– Чушь! Ты не ведьма, и Артур не маг. Он просто шизофреник, и тебя за собой тащит!

Она захлебнулась возмущением.

– Мне плевать, что ты думаешь! Все вы не верите – но только поддаетесь ведь! Ты, жалкий мужчина! А это!.. это даже хорошо, что ты не веришь – а то еще вздумал бы сжечь! Что, не хочется отправить меня на костер, а?

Я сжался под напором горечи и одержимости, сияющих в ее огненном взгляде, но мне было, что ей ответить, и я постарался придать голосу бесстрашие:

– Мекс, я не жгу людей. Я их ем.

Она вздрогнула и замерла, будто в ней переключили рубильник. На секунду сфокусировала на мне взгляд и пробормотала себе под нос:

– Джек Вентедель...

Потом подняла глаза и через силу произнесла:

– Прости.

Я вскинул брови.

– Прости, что приворожила тебя.

Я раздраженно всплеснул руками.

– Да не верю я в это, Мекс!

– Тогда что с тобой всё это время было? – парировала она.

Я покачал головой.

– Прости за грубость, Мекс, но ты вела себя как шлюха, а я вел себя как мужчина. Никакой магии.

Она опустила взгляд, пряча обиду.

Она была всё так же соблазнительна, чудесные шаровары стекали по ногам, свет мягко ложился на обнаженные руки, темнела ямочка между ключицами, и волосы пылали в солнечных лучах. А опущенные плечи, хмурость и смущенность делали ее милой и оттого еще более привлекательной. Но теперь, без ее ужимок, вздохов и полужестов, я вполне владел собой.

– Прости, – повторил я еще раз. – Ну, слушай... если ты тогда околдовала меня, а сейчас... сняла магию – то ты должна перестать мне нравиться. А это не так...

– Осталось то, что ты чувствуешь сам, – сухо ответила она, смотря в сторону.

С тех пор Мекс больше не ворожила и не строила из себя заправскую куртизанку (это, видимо, одно и то же, просто мы называем по-разному), и мне жилось гораздо проще. К концу второй недели я совсем расслабился, вспоминал с

Артуром старые истории, играл в бильярд и карты, спокойно беседовал с Мекс, выпивал и совсем забывал про внешний мир, пока однажды, ближе к полудню, меня не разбудил звонок моего сотового.

Я не спал уже вообще-то, просто ленился, поэтому был вполне бодр для телефонного разговора. И всё же я был в недоумении, увидев, кто звонит.

– Промахнулась номером что ли? – удивился я и взял трубку. – Алло.

– Джек? Здравствуй, – голос звучал очень напряженно.

– Здравствуй, Юль.

– Я... Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Что-то такое ты у меня уже спрашивала. Хм, я тогда загнул клеевую фразу типа, жаль, что мы так плохо расстались, но ты была на высоте, и вообще, всё, что ни делается – к лучшему.

– Да, я помню. Я не об этом, Джек.

Я молчал.

– Ты ни в чём не хочешь мне признаться?

– Признаться? – удивился я. – То, что у меня было много женщин до тебя, ты и так знаешь, я никогда не скрывал. И после тебя будет много, но это тебя уж точно не касается.

– Я не об этом, – она на том конце магнитных волн сглотнула. – Как твоя фамилия, Джек?

Я похолодел. Мысли начали судорожно запинаться друг о друга, сплелись в узел – и всё это время я только беззвучно

дышал в трубку.

– Как?.. – наконец выдавил я, поняв, что врать бесполезно. – Откуда ты знаешь?

– Ты... По телевизору был репортаж. С фотографиями. Я невольно сглотнул.

– Знаешь, у меня только один вопрос, – продолжила она со страхом в голосе. – Я знаю, что вам нельзя быть с людьми. И если что-то вскроется... вы должны убить партнера.

Она громко вздохнула, и вопрос повис незадачным. Я закрыл глаза, ища ответ на него.

– Ты бы?.. – прошептала она, думая, что я всё еще жду вопроса, но я перебил:

– Сейчас.

Я сел на кровати, затем встал и подошел к окну. Накрапывал дождь, и к стеклу прилип непонятно откуда взявшийся золотистый кленовый лист.

– Я никогда не попадался, – начал я. – Но в юности еще опасался и поэтому выдумывал всякие планы спасения. В основном они неосуществимые, но, думаю, я бы попытался повернуть что-нибудь.

Я выдержал вежливую паузу и продолжил на интересующую меня тему:

– Как думаешь, после того репортажа, если я выйду на улицу, на меня будут коситься и тыкать пальцем?

– Не знаю, – безучастно откликнулась она.

Мое и без того не радужное настроение почему-то испор-

тилось еще больше от этого безразличия.

– Один вопрос, пожалуйста.

– Давай, – тихо согласилась она.

– Кого там показывали кроме меня?

Чужие | 7

Я дочитала вторую новеллу из книги, которую вручил мне на прощанье Игорь, и отложила цветасто-бежевый томик – он с шуршанием занял свое место на невзрачной белой тумбочке возле кровати. «Десять томных сердец» – гласила обложка. Слезы, крики и самоубийства. Довольно оригинально, никогда такого раньше не читала. Хотя Игорь извинялся, что предлагает мне такую бульварщину, так что, возможно... то, что я никогда прежде не видела таких книг – заслуга Джека.

Вообще, он, конечно, тоже не обошелся без нескольких любовно-эротических романов (зачем ему было нужно, чтобы я их читала, вполне понятно), но в тех книгах речь шла о страстях, изменах, интригах и разнообразном, подробно описанном сексе. Здесь, в этих «Десяти томных сердцах», за основу каждой повести взята некая абстрактная святая, вечная и чистая любовь, которая подвергается всяческим испытаниям. Не знаю, насколько можно верить этим историям, но в любом случае, они помогают неплохо скоротать время.

Время, которое я трачу, сидя у больничной койки Зими-

на. Сидя, читая и постепенно начиная чувствовать себя одной из героинь этих слезливых новелл.

Даже не знаю, как я позволила себя уговорить. Эти паршивцы просто воспользовались моей секундной слабостью и оставили меня нянчиться с больным, а сами укатили черт знает куда. И это не говоря уж о Джеке! Исчез вместе с машиной, не сказав ни слова. Эх, если бы машина была на месте, можно было бы хотя бы позлорадствовать, что он наконец получил по заслугам.

Если уж наша треклятая сила действительно оставляет нас, то с кого бы ей начинать, как не с него? Совершенно справедливо, что он был беспомощен против кораблистов и мог только истерически сотрясать воздух своими «приказами».

Другое дело, что вся эта система не знает справедливости – ну или не знала до сегодняшнего дня. Если я нарушу Договор – например, убью кораблиста, или покину свой ареал, или перепихнусь с каким-нибудь парнем – то лично мне, скорее всего, ничего не будет. Зато какой-нибудь мистер А. Вентедель, внезапно обнаружит, что десятый справа кораблист не хочет завязывать ему шнурки, а миссис Ю. Вентедель подавится чьими-то золотыми коронками, затесавшимися в ее ужине. Более того, некоторые авторитетные исследователи заявляют, что она может подавиться этими коронками не сейчас, а через десять или двадцать лет, а еще через триста пятьдесят – какой-нибудь Р. Вентедель не сумеет заставить

своих миньонов стелить его постель. Такие вот законы природы.

Я вздрогнула от телефонного звонка и быстро вытащила мобильник из кармана. Здесь, в больничной палате, даже классическая музыка казалась чем-то неуместным.

– Алло?

– Вера, привет, – смутно знакомый девичий голос, позади которого слышится шум и смех.

– Привет, – неуверенно откликнулась я.

– Не узнаешь? Это же я, Майя.

– А, Майя, привет, – радостно повторила я.

Странно, почему-то у меня не сработал определитель номера.

Странно, почему-то я привыкла к тому, что у меня есть сотовый и на нем определяется номер, но не привыкла – что здесь не убивают и не употребляют в пищу людей. Действительно, немного странно.

– Ты в Штаман-Рейне? – беззаботно спросилась Майя.

– Да.

– О, здорово! Мы с ребятами из спецшколы собираемся на фестиваль комиксов, давай с нами? Ты представляешь, я нашла столько фанатов Мальтрекса в параллельном классе, а еще двоих в одиннадцатом, и пару в восьмом... вот! Я так счастлива! Я думала, здесь будет гораздо хуже!

Меня на секунду заклинило от такого потока эмоций.

– Э... То есть, там будет очень много людей, да?

– Ну да, довольно много, а ты против?

– Ну так... не то что бы... – я взглянула на сопящего Зимина, на «Десять томных сердец». – Да, я пойду. Когда, где?

– В воскресенье, только я еще не знаю, как мы встречаемся, так что я еще позвоню тебе – завтра наверно, но это супер-мега-клево, что ты пойдешь!

– Ага...

– Ладно, мне еще народу звонить, давай, пока!

«Вызов окончен», – сообщил телефон. Я убрала его и в недоумении покачала головой. А затем снова взялась за «супер-мега-романтическую» книжку.

–

Зимин пришел в себя в самый неподходящий момент: Роджер как раз запрыгнул на карниз – в одной руке револьвер, в другой кукла-вуду – а Сьюзен, прикованная к кровати, из всех сил пыталась встать на колени. Я нехотя закрыла книгу.

– Как себя чувствуешь?

– Эм...

Он смущенно оглядывался по сторонам, немного похудевший и взъерошенный. К белесому шраму, пересекающему бровь, теперь присоединилось несколько отметин на бедре, но их видно не было.

– Мы... не совсем провалились?

– Точно сказано. Не совсем.

– Ты... – он нахмурился, сначала серьезно, потом – лука-

во. – Ты построила башенку из монстров?

– А, это. Ну да, – я улыбнулась. – Глупость полная, если честно. Но я испугалась, увидев, что Джека они не слушают, и мне захотелось быть выше, чтобы до всех докричаться.

– Это было довольно... величественно.

– Как мило, что тебя в тот момент это волновало.

Он смешался и опустил взгляд.

– Почему-то всех волновало. Почему-то все не преминули сказать, что я была величественна.

– Это такой странный язык. «Ты была величественна» – значит «спасибо».

– Вот как? – я засмеялась, он тоже, и мы смеялись куда дольше, чем следовало смеяться такой простой шутке.

Когда этот внезапный взрыв веселья прошел, Зимин вдруг крадчиво поинтересовался, указывая на книгу:

– А что это у тебя?

Я показала, и он снова разразился хохотом, и я после нескольких секунд изумления к нему присоединилась. Отсмеявшись, едва дыша, спросила:

– Да в чём дело?

И истерический хохот накрыл нас новой волной.

– В чём дело? В чём дело?! – я толкнула его рукой.

– Черт!

– Да хватит уже гоготать, больной!

– Черт, ты не представляешь, как это смешно.

– Действительно.

– Как это смешно, что великая, могущественная принцесса чудовищ, госпожа Вренна Вентедель читает сборники сопливых бредней для старых дев.

– Так это всё-таки фуфло?

– Нет, блин, шедевр литературы.

– Я впервые в жизни вижу такую книгу. Мы Игорь дал, чтобы время убивать, пока ты в отключке.

– Игорь?! Так он у нас фанат томных сердец, оказывается?

Я нахмурилась, не понимая, то ли он не верит, то ли – радуется возможности поглумиться над шефом.

– Ну, – добавила я осторожно, – он извинялся и говорил, что ничего лучше не нашел.

– Это неважно, – отрезал Зимин. – Я ему это припомню – не раз припомню.

– Ну удачи, – я усмехнулась, разделяя его злорадство.

-

Наступил понедельник, и ни на каком фестивале я так и не побывала. Майя звонила несколько раз, то отменяя, то назначая встречу – то несчастная, то фонтанирующая восторгом. Мне вспомнилась ее тихая тоска в ночном поезде, и стало как-то неприятно из-за этих наигранных эмоций.

Зимин шел на поправку.

Врач и медсестры считали, что его покусала крупная домашняя собака, которую он на спор доводил до белого каления. Хоньев предлагал дворнягу, но Игорь пожалел Славу, настоял на ручной псине и убедил врачей, что уколы от бе-

шенства не нужны.

Я, опять же благодаря харизме Игоря, жила в соседней с Зиминым палате. Хромающие по коридорам больные раздражали, конечно, но здесь, по крайней мере, было тихо. К тому же, не приходилось платить за гостиничный номер.

Я дочитала четвертую новеллу и отложила книгу, подумав, что в этих историях действительно присутствует некое однообразие.

Зашла к Зимину – он, сжав зубы от сосредоточенности, играл в свой телефон.

– Привет, – села рядом со стороны здоровой ноги и заглянула в экран. Маленький черный человечек падал с крыши, уворачиваясь от лезвий.

– Привет, – пробурчал он, не разжимая зубы и судорожно дергая телефон из стороны в сторону.

– Какая милая игра.

– Ага.

Человечек наконец наткнулся на вращающиеся винты и разлетелся на кровавые кусочки, а на их фоне появился счет в несколько тысяч очков.

– Чуть-чуть до рекорда не хватило, – пожаловался Зимин.

– Ну, уж... – я с насмешкой развела руками.

Зимин вздохнул, вышел из игры и бросил телефон на скомканное одеяло.

– Как ты?

Я пожала плечами.

– Нормально. Меня динамит Майя.

– Это та девочка из поезда? Вы подружились?

– Ну типа.

Он улыбнулся:

– Это мило.

– Это ее заслуга.

– Всё равно. И как же она тебя динамит?

– А, то зовет, то не зовет куда-то там. Она странная. В хорошем смысле.

– Так и ты тоже.

Я усмехнулась.

– Кстати, мне вот любопытно. А что ты о себя рассказываешь?

– В смысле?

– Ну, должна же ты говорить, типа, что в такой-то школе училась или, не знаю, что у тебя пес Шарик был.

– Пес? Это с намеком?

Он фыркнул.

Я пожала плечами:

– Не знаю, меня как-то не спрашивали – я ничего и не говорила. Но если разговор зайдет – совру что-нибудь, – я улыбнулась. – Порекомендуешь, что надо говорить, чтоб было правдоподобно? Что нормальные люди думают, например, об этой школе?

Он рассмеялся.

– Ай, мерзкое место. Оттуда хочется свалить и не вернуть-

ся. И главное, все почему-то уверяют тебя, что это – лучшие годы твоей жизни, о которых ты будешь с нежностью вспоминать на склоне лет.

Я посмотрела на него пристально и вдруг спросила:

– Слав, а сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – он ответил на взгляд. Глаза оказались светло-зелеными.

– А что ты делаешь в этой организации? Почему не учишься, не служишь или не нашел нормальной работы?

Да, я уже немного разобралась, когда и чем люди обычно занимают свою жизнь.

– Ну... – он смутился. – А чем это не нормальная работа? Разве не круто быть мафиози?

Я нахмурилась, но отвечать не стала. Что-то мне подсказывало, что ему еще далеко до крутого, самостоятельного и безбедного бандита.

Мы заговорили о какой-то ерунде, и я постепенно стекла со спинки кровати и теперь полулежала рядом с ним, а он смотрел на меня снизу вверх и явно думал о чем-то не том.

Затем внезапно зазвонил мой телефон, и я, резко сев, взяла трубку.

Это была Майя. Она снова назначала встречу. На этот раз и день, и время, и место. И, конечно, клятвы, что на этот раз всё замечано.

– Обижаешься на нее? – с участием спросил Зимин, когда я положила сотовый.

Я обернулась к нему и пожала плечами.

– Немного. Хм... Это странно. Мы виделись всего один раз в жизни – кто она мне?

– Она кажется душой компании. У нее дофига приятелей, и она умеет цеплять новых.

– Она кажется чуть ли не клоуном, если забыть, как серьезно и печально она смотрела в окно.

Он не понял, а я не хотела объяснять.

– Ладно, пойду я. Она сказала, что единственный способ собрать всех – опять сказать, что у нее день рождения. Так что надо что-нибудь подарить для вида.

– По-моему, она водит тебя за нос.

Я пожала плечами.

– Ладно, пока.

– Пока, – эхом откликнулся он.

–

Мы встречались на следующий день после обеда на автобусной остановке и ехали на окраину города, в парк развлечений «Сюрион». Я кое-как пережила жаркое дыхание и суетливость полусотни людей, набившихся в автобус, но парк оказался еще хуже. Толпы, крики, смех, очереди за сладкой ватой, ужасные красноносые клоуны... Боги, зачем я пришла сюда?!

Даже Майя, ради которой были все эти жертвы, общалась не со мной, а со всеми вместе взятыми, и мне хотелось скрыться за какой-нибудь будочкой с надписью «Касса», а

лучше и вовсе уехать отсюда. И самое худшее было даже не в шумной неугомонной толпе, а в ощущении, что компания, собранная Майей, то и дело бросает на меня странные, настороженные взгляды.

– ...Нет, нет, – говорила негромко Майя, а потом объявила во всеуслышание. – Так. Ладно. Мне надо отойти на пару минут. Пойдем со мной?

Я сообразила, что обращается она ко мне и удивленно кивнула.

Мы отделились от компании и пошли по относительно тихой тропинке мимо временно закрытого аттракциона.

– Ты прости... Ты здесь чувствуешь себя немного неприкаянно, да? – виновато заговорила Майя.

– Ну, наверно.

– Мне так хотелось с тобой снова встретиться, правда. А у нас почти не получается поговорить.

Я задумалась на секунду.

– Расскажи, как тебе в новой школе? Кроме того, что ты нашла много товарищей по интересам. Скучаешь по родным?

– Угу... Сперва отдыхала от сестры, а теперь и по ней скучаю.

Мы прошли мимо небольшого домика, освещенного фонарем, и Майя вдруг воскликнула:

– Стой, Вренна, вот же он!

– Кто?

– Туалет.

Мы зашли, она скрылась на минуту в кабинке, вернулась к раковинам и стала мыть руки.

– Вренна?

– Да?

– Отозвалась.

– Что?

– Ты дважды отозвалась на «Вренна». И один раз тебя так назвали в поезде.

Меня прошило электрическим током.

Весь шум «Сюриона» вдруг куда-то подевался, и слышно было только шуршание воды под краном и мое собственное дыхание. Я молчала, а Майя продолжала вхолостую, без мыла, мочить кисти рук.

– Ты ничего не скажешь? – наконец поинтересовалась она.

Я прикрыла глаза.

– Ты ведь давно подозреваешь, да? Ты позвала меня сюда, чтобы убедиться.

Теперь молчала она.

– И все эти «друзья»... Они поэтому так странно на меня целый день смотрели. Ты и им всё растрепала.

– Я случайно! – она всё-таки выключила воду и обернулась. – Мы смотрели новости на перемене (у нас в школе висят телевизоры), и там показывали тебя и еще нескольких Вентеделей. И я так удивилась, что воскликнула: «Да я же ее знаю!». И понеслось...

Я скривила губы и передразнила ее:

– «Я так хотела снова с тобой встретиться!», «Я так счастлива, что ты пойдешь!».

– Ну... ну так я правда хотела с тобой встретиться, одному же не мешает. Ну ты сама подумай, это же жуть как любопытно!

– Любопытно? Мы об одном и том же? Так, и вообще, – я скрестила руки на груди. – Почему это никто в панике не убегает?

– А кто должен? – удивилась Майя. – Это же не страшно, это круто!

Я фыркнула.

– Ну ладно, да, это немного жутковато, конечно, но... ты как Мальтрекс! Это круто! Мальтрекс Обратитель Магмы повелевает! – она театрально взмахнула руками. – Ты не помнишь его? Я же тебе показывала... Обязательно почитай про него!

Я невольно приложила ладонь ко лбу, измученно смотря на Майю, и констатировала:

– Скоро я буду пытаться доказать, что ты инопланетянин. Она хитро засмеялась, подошла и приобняла меня.

– Слушай. Я скажу этим всем, что ты никакая не Вренна и что я обозналась. Но тебя показывали по ящику. Если ты скрываешься, тебе надо хотя бы волосы перекрасить.

Я подумала немного.

– Можешь говорить им что хочешь – я домой.

– Ты обиделась?

Меня пробил истерический смех.

Со мной что-то происходило – мне было скверно до слез, но я хохотала, не в силах остановиться, прижавшись спиной к косяку двери и немного согнувшись. Белый свет фонаря слепил глаза, и трава казалась зеленой, как лайм, а тени черными, как могила. Я снова слышала крики людей с аттракционов, и они отдавались в голове со звенящей точностью. От безудержного смеха не хватало кислорода, и перед глазами плыли круги.

Над ухом послышался мягкий шепот, теплые руки ввели меня обратно в домик и побрызгали в лицо холодной водой. Я пришла в себя.

Майя смотрела с участием, но это взбесило меня. Я махнула рукой наподобие отдачи чести, бросила что-то на прощание и ушла, не оглядываясь.

Самое гадкое, что Джек предупредил меня. Позвонил вчера вечером и предостерег, чтобы особо на улицу не высовывалась – якобы это может быть опасно – и обещал на днях приехать за мной. Я дала ему неправильный адрес, потому что тогда совсем не хотела никуда уезжать. Но теперь, наверное, придется перезвонить...

Я вернулась в больницу в половину одиннадцатого и с трудом уговорила сторожа пустить меня. Скрутилась на кровати в своей палате.

Зимин зашел туда через пару минут после моего прихо-

да – наверно, услышал шаги. И замер на входе, сбитый с толку моим убитым видом.

Прикрыл дверь и сел рядом.

– Что случилось?

– Эта паршивка вызнала, кто я! Черт! Как же мне гадко!

– Оттого что она узнала?

– Не знаю! Уйди, Зимин, меня сейчас всё бесит!

Он попытался продолжить разговор, поспорить, но в итоге сдался и вышел, сказав напоследок только, что его завтра выписывают.

Я маялась на жесткой кровати до полуночи, вспоминая, вспоминая, вспоминая... Да, мне было обидно из-за их шпионских игр, из-за притворства Майи и моей собственной неприкаянности. Но всё это было мелочью, к этому можно было отнестись с юмором. То, что меня по-настоящему терзало, скрывалось в прошлом, в моих четырнадцати. Человек, которого я встретила тогда, также беззаботно относился к тому, кто я, и поплатился за это. Он был очарователен в своем безрассудстве, и меня вывело из себя то, что кто-то смеет подражать ему в этом.

– Так, я не поняла вообще, почему ты не вопишь, не молишь о пощаде и не пытаешься убежать?

– Ну, потому что рисовать смайлики на воздушных шариках гораздо увлекательней.

AAA!!! Как она посмела отшучиваться почти так же, как и он?! Шарик, комиксы – одинаковая ерунда!

...И если она ведет себя так же, как он – почему это меня отталкивает? Его мне не вернуть, так почему не согласиться на замену? Она ведь нравилась мне. Что произошло?

Как я хочу уснуть!

Отчаявшись, я села в кровати и набрала Джека. Он ответил со второго гудка.

– Я тебе соврала, – призналась я, после обмена «приветамии».

– Ты не в отеле «Юпитер», – подтвердил он.

– Ты уже приехал?

– Да. Где ты?

– В больнице...

– Что случилось? – резко спросил он.

– Ой, занервничал, – съязвила я. – Я с Зиминим, просто за компанию.

– Так он выжил? – удивился он. – Ладно, давай адрес больницы.

Я назвала.

– Скоро будешь?

– Через полчаса, детка.

– Я буду ждать тебя в холле. Дальше тебя не пустят.

– Ладно, до встречи.

Я попрощалась и свесила ноги с кровати. Холодный воздух гулял между голыми растопыренными пальцами.

Вот и всё. Вот и кончилось мое маленькое одинокое приключение. Я возвращаюсь под опеку Джека.

Я собрала свои небольшие пожитки и крадучись вышла в коридор. Остановилась возле палаты Зимина и осторожно заглянула. Он играл в телефон, и я невольно улыбнулась. Услышав тонкий скрип двери, он поднял голову и удивленно кивнул мне. Я вошла и, как обычно, села на кровати.

– Всё, – объявила я. – Джек заберет меня через полчаса.

– О... – только и сказал Зимин. – М... А меня завтра выписывают.

– Ты уже говорил.

– Да.

Я вздохнула, смотря, как человечек в телефоне Зимина падает без его ведома.

– А ты был прав, – заметила я. – Она действительно водила меня за нос.

– На самом деле многие так делают. Дружба – это не всегда что-то честное и сердечное. Просто людям нужно общение – так же как еда или сон. И они общаются, удовлетворяя эту потребность, а вовсе не потому, что без ума друг от друга.

– Звучит жутковато. Мы с тобой тоже поэтому общаемся?

Он опустил взгляд.

– Нет, я надеюсь. Хотя, можно сказать, именно за этим тебя здесь оставили – чтобы мне не было одиноко – чтобы удовлетворять мою потребность в общении... Но лучше об этом не думать, а то всё как-то мрачно получается.

– Да уж, – я засмеялась.

– А ты, я смотрю, повеселела, – заметил он. – Что, так

рада наконец уехать от меня?

Я не знала, что ответить.

– Я устала. А с Джеком проще. Он придурок, конечно, но с ним можно не думать, что делаешь. Всё равно за все мои глупости отвечает он. И есть кого во всём винить, – я усмехнулась.

– Удобно.

В кармане задрожал телефон, и я ответила, пока он не начал свою громкую песню.

– Ну и где ты? – раздраженно спросил Джек.

– Сейчас. Пять минут.

Я убрала мобильник и, встав с кровати, развела руками. Зимин тоже поднялся и, чуть хромя, проводил меня до двери.

– Ну, что ж... – я обернулась к нему, ища, что сказать на прощание.

Он взял мою руку.

– Спасибо, что составила компанию, – и коротко чмокнул меня в губы, а потом, лукаво усмехаясь, перехватил мою руку так, будто мы просто обмениваемся дружеским рукопожатием.

Я опешила и улыбнулась.

– Бывай, – сказал он.

– Удачи, – ответила я.

В холле действительно ждал Джек – в кожаной куртке, позвякивая ключами от незнакомого бирюзово-серого автомо-

биля. Мы, не здороваясь, сели в машину, и Джек газанул по ночной улице.

Шабаш | 8

I

Как всё же чудесно ощущать алый сок во рту не искусственной подкрашенной водой и не солоноватым жирным желе – а тонким, кислым, сладким, сочным вкусом!

Стрельнув взглядом в Джека, Вренна обхватила губами очередную огромную, налитую восхитительно прекрасной кровью ягоду, выдернула из нее черенок и, жмурясь, начала медленно перекатывать ее на языке. Джек, наконец оторвавшись от ноутбука, невозмутимо наблюдал. Между ними стоял прозрачный контейнер, заполненный наполовину вишнями, наполовину косточками и оторванными листками.

– Ты только не наедайся, – посоветовал, проходя мимо распахнутой двери, Артур. – Мекс вот-вот подаст обед.

Вренна лукаво наклонила голову, чтобы дольше проводить его взглядом. Черные выглаженные брюки, черные, зачесанные назад волосы, тонкая бежевая хлопковая рубашка с закатанными по локоть рукавами и острым стоячим воротником. Во рту лопнула кожица вишневого тела, и пронзительный сок брызнул на вкусовые рецепторы.

– Шею не сверни, – буркнул Джек.

Вренна достала бордовую косточку и невинно надула гу-

бы:

– Шею? Кому?

Джек только покачал головой – с раздражением, но и с усмешкой – и вернулся глазами к экрану. Кажется, он вспомнил свое юношеское увлечение и сочинял рассказ. Те несколько, что Вренна прочла в его тетрадах в Картре, по-своему впечатляли, хотя и были явно недоработаны.

Предсказания Артура сбылись: не прошло и десяти минут, как в столовую вошла Мекс – в летящем платье, остроносых тапочках и с огромным серебряным подносом, ломящимся от тарелок. Джек, разумеется, не преминул раздеть ее взглядом и, будто бы незаметно покосившись на сестренку, вскочил на ноги и принялся помогать Огненной Ведьме с расстановкой блюд. Вренна через силу улыбнулась, чувствуя приливающий к лицу жар.

Когда две недели назад, увозя ее из больницы Штаман-Райна, Джек сказал, что они едут «к друзьям», Вренне и в голову не могло прийти, что одна из этих «друзей» – пресловутая Мекс. В свое время он просто извел ее своей одержимостью. И пусть напрямую он никогда ни о чём не рассказывал, имя «Мекс» то и дело мелькало между строк – или шепотом между поцелуями.

Артур принес пару бутылок вина и четверку бокалов, Джек и Мекс накрыли наконец на стол и кончили суетиться.

– Всё тут хорошо, – с усмешкой заметил Джек, когда все расселись. – Но вот десятка кораблистов всё-таки не хватает.

– Да, – неожиданно согласилась Мекс, и Артур поперхнулся. В возникшей тишине, Вренна медленно переводила взгляд с лица на лицо, покачивая еще чистой вилкой над нетронутым салатом.

– Мекс, он вообще-то имел в виду, что ты плохо готовишь, – не удержалась она.

Мекс вспыхнула ядовито-салатовыми очами и прищурилась, поджимая губы и готовя контратаку, но Артур и Джек встряли почти одновременно:

– Что ты несешь?

– По человеченке скучаешь только ты.

– Да что скучать-то, когда каждое второе блюдо непонятно из чего приготовлено? Я вообще не понимаю, как ты ешь это мясо. Ладно еще в Замках, там мы были обязаны, но здесь-то зачем? И какая разница, было это коровой там или курицей – по вкусу всё человечина. Точно такой дрянью нас кораблисты и потчевали.

Джек фыркнул, Мекс закатила глаза, а Артур, услышав в этом заявлении личное оскорбление для своей возлюбленной, весь вздрогнул от гнева и пульсирующим взглядом уставился на Вренну.

– Вренна, – голос звучал удивительно сдержанно для такого взгляда, – могу я тебя попросить воздержаться от... подобных заявлений касательно моей жены?

Невольно скривившись, Вренна отвела взгляд.

– Ну что ты, милый, – Мекс расплылась в улыбке. – Не

будь к ней строг, всё-таки переходный период.

– Причем пожизненно, – не отрываясь от обеда, усмехнулся Джек.

Вренна напряженно отхлебнула вина.

– Зато до морщин еще далеко.

Артур негромко, но властно ударил ладонью по столу, и Вренна ошпарилась о его пылающий взгляд.

– Что, выгонишь из-за стола?

Пару секунд он искал, что сказать, но в итоге просто кивнул и чуть заметно наклонил голову в сторону двери. Вренна опешила на секунду, но дольше тянуть не стала и поднялась со стула.

– Так, ну! – Джек раздраженно развел руками, глядя на всех исподлобья. – Может, мы не будем ломать тут комедию и все спокойно поедим? Садись, Вренна.

– Пусть учится себя вести, – отрезал Артур.

– Что? Знаешь, во-первых, это наверно и мой дом тоже, да? А во-вторых, это уже претензии к моему воспитанию. Садись, Вренна, и ешь.

– Мне как-то не...

– Садись и ешь, – отчеканил Джек, буравя взглядом Артура, и Вренна покорно села.

Артур разглядывал свои дрожащие пальцы, пытаясь успокоиться. Мекс в знак примирения встала и подлила всем вина. Джек покончил с первой отбивной и принялся за вторую. Вренна гипнотизировала взглядом салат.

– Ты правда считаешь, что это нормально – использовать кораблистов в качестве прислуги? – почти ровным голосом открыл тему Артур.

– Ну конечно, – с недоумением кивнул Джек. – Ну, то есть, я думаю, воины из них лучше, но и прислуга нормальная.

– Я даже наверно не об этом... Это нормально – держать их в рабстве?

Вренна вскинула взгляд, и даже Мекс слегка приподняла брови, смакуя вино.

Джек замер на секунду и констатировал:

– Незастольная тема.

– Да ладно, не верю, что испортил тебе аппетит.

Джек рассмеялся и отложил вилку.

– Не испортил. Но если возник такой вопрос – без спора не обойтись, а спорить с набитым ртом – чревато.

– И всё же?

– Да, это нормально держать их в рабстве, – невозмутимо подтвердил Джек.

– Потому что они не люди? Или потому что вы все боитесь мести?

– Ну... И то, и другое. Только лучше сказать не «месть», а «истребление».

– Я не про человечество, а про Вентеделей.

– Ну окей, даже если нам они, освободившись, отомстят, то вас всё равно истребят.

– Ты не можешь этого знать.

– Но они же похищают людей, – вставила Вренна.

– А разве не вы им это приказываете?

– Никто не приказывал им выходить за ареал, – отрезал

Джек.

Артур мотнул головой.

– Хорошо, ладно. Но причислять это к мести всё равно уместно. Вряд ли они так уж хорошо различают людей: для них что Вентедели, что прохожие – одно и то же.

– Едва ли. Не делай из них какую-то животину, Артур. Они умные. Seriously, это абсолютно разумные существа. Возможно, у них нет как таковой индивидуальности, и их объединяет некий коллективный разум – но они прекрасно осознают, что и с кем делают.

– Да? И значит, вы держите в рабстве «абсолютно разумных существ»? И это – нормально?

– Артур у нас устроился подрабатывать адвокатом кораблистов, – закатил глаза Джек. – Тоже мне, дипломат.

– Черт побери, Джек! Да ты расстреливаешь их пачками со скуки, не говоря уж о том, что они всю жизнь ползают перед тобой на коленях, а потом ты жалуешься, какие они плохие и как хотят всех «истребить»!

В повисшей тишине Вренна медленно перевела взгляд на Джека и осторожно уточнила:

– Что? – никто не откликнулся. – Можно начало повторить?

– Видимо я забыл сказать, что это был небольшой секрет,

но мне казалось, это очевидно, – холодно заметил Джек.

– Так значит, я всё правильно поняла?

Самая далекая от эпицентра назревающего скандала, Мекс с интересом наблюдала за происходящим, опустив подбородок на переплетенные пальцы.

Джек не произносил больше ни слова, и Вренна обернулась к Артуру.

– Да? О чём ты сейчас сказал? «Расстреливал пачками»?

Артур, не успевший еще полностью отойти от своего порыва праведного гнева, насупился и неловко буркнул:

– Вы все так делаете.

– Джек? – снова развернулась Вренна. – Скажи мне, Джек, я ведь не отстану. Скажи. Ска...

– Ну ладно, заткнись уже! Да, это я! Я расстрелял их на том маскараде! Я! Довольна?!

– Что? Нет, конечно! Боже, Джек!.. – Вренна замерла с распахнутым ртом, едва набирая воздух. – Ты придурок, о боже, какой ты придурок!.. – она склонилась над столом, держась за голову.

– Неблагодарная, – сплюнул Джек.

– Что?

– Сколько ты капала мне на мозги, что хочешь «свободы»? Вот, – он махнул рукой. – Пожалуйста! Наслаждайся!

Не находя даже звуков, Вренна неотрывно глядела на него, будто не могла выйти из транса.

– Ты – придурок, – наконец пробормотала она.

– Разве это не то, чего ты хотела?

– Я?.. Не то... И такой ценой?..

– Всё равно все когда-нибудь умрем. А так – ты живешь в свободном мире год, и еще один точно проживешь, а может, и несколько.

– Лучше бы ты дал мне сбежать, когда мне этого так хотелось! Что мне теперь от твоего «свободного мира»?

– Знаете, – вкрадчиво заметила Мекс. – Пора бы нам закругляться с этим злополучным обедом... Пока и мы с тобой не поссорились, милый, – она улыбнулась Артуру, но это не помогло разрядить атмосферу.

Вренна отвернулась от Джека и уткнулась взглядом в тарелку. Приступ гнева сменился приступом апатии.

– Извини, – пробормотал Артур, виновато глядя на Джека.

Тот только закатил глаза и прикончил бокал вина. Затем громко вздохнул и уронил ладонь Вренне на плечо:

– Пойдем поговорим.

Она нехотя последовала за ним.

Спустившись в холл, они вошли в одну из гостевых спален, и Джек притворил дверь.

– Слушай, на самом деле всё было не совсем так...

Вренна прислонилась к стене, враждебно переплела руки и уставилась в окно. Джек озадаченно почесал бровь.

– Ну в общем, я и подумать не мог, что так выйдет. Seriously. Это просто послужило последней каплей. Ну, может,

катализатором... Но, думаю, не сейчас – так через пять-десять лет – все многовековые нарушения Договора с нашей стороны дали бы знать о себе.

Вренна скривилась.

– Да я не оправдываюсь, это правда так! Тьфу ты, Вренна! – он всплеснул руками. – Ну неужели ты и правда хотела бы, чтобы ничего не менялось?!

Она смерила его взглядом.

– А ты, значит, возомнил себя благодетелем? Весь такой святой и хороший, спасаешь мир?

Проглотив издевку, Джек продолжил:

– Скажи, что ты ни каплю мне не благодарна. Скажи – и мы пойдем исправлять мою ошибку.

– Как же?

– А ты скажи.

Секунд десять Вренна честно пыталась солгать, но в итоге сдалась:

– О Джек... Ну почему, если ты так печешься... если тебя так волнуют мои чувства – зачем ты тогда?.. За что?.. Да я бы... Если бы ты нас отпустил тогда – да я бы боготворила тебя!.. А так... – она махнула рукой. – Вот почему нельзя было *тогда* подумать обо мне?

Но Джек, разумеется, молчал, тупо глядя ей в глаза, и Вренна ушла, слабо хлопнув дверью.

II

Мне плохо спалось той ночью – чего только не крутилось в

голове: всякие страхи, обиды и воспоминания, и всё обильно полито апатией. Проморочившись полночи, я кое-как уснула, но меня разбудили шаги, чье-то копошение, и, лежа неподвижно, с закрытыми глазами, прислушиваясь, я подумала, что не проспала наверное и часа. Наконец кто-то прокрался обратно к двери, скрипнул ею чуть слышно, и звуки его шагов растворились в коридоре.

Я с любопытством и неохотой приоткрыла глаза и невольно расплылась в сладкой улыбке. На журнальном столике напротив моей кровати лежал пышный голубой букет. Я лежала, укутавшись в пушистом одеяле, и лениво перебирала в голове кружок мыслей: «Может быть, там кроме букета еще записка или подарок?», «Но мне же станет холодно, если я вылезу из-под одеялка, чтобы посмотреть», «Скорее всего, там ничего нет кроме букета, а его я уже увидела, значит можно дальше спать». Но любопытство распирало меня, и вскоре стало ясно, что просто так я не усну.

Придерживая одеяло на плечах, я свесила ноги с кровати, встала и, подплыв к букету, очутилась в душистом облаке. Не знаю, что это были за цветы, но смотрелись они просто чудесно, напоминая собою взбитые сливки или кружева. Как я и надеялась, между лепестков виднелся уголок конверта, и, раскрыв его, я прочитала торжественное и немногословное «С Днем Рождения, Вренна!».

Не скажу, чтобы Джек каждый год баловал меня таким вниманием. Не скажу, что мне это совсем уж впервой... Но,

что не говори, приятно. Очень приятно.

Позабыв, что не выспалась, лучась улыбкой, я кинула одеяло на кровать и принялась одеваться.

В гостиной, куда я поднялась в поисках вазы, обнаружился Артур. Игнорируя многочисленные диваны, он сидел на ступеньках винтовой лестницы и сосредоточенно листал книгу.

– Ты чего? – любопытствовала я.

Он вскинул взгляд.

– Доброе утро, Вренна. Да вот, читаю тут...

Я хмыкнула.

– Не подскажешь, где найти вазу?

– Вазу? – с недоумением переспросил он.

– Ну да. Для букета.

– Букета? – он даже прикрыл книгу от недопонимания.

Я уже хотела огрызнуться, но он вовремя махнул рукой на стеллажи.

– Посмотри там, вроде были какие-то.

Я последовала совету и принялась методично осматривать полки.

– Хм, а Джек что... решил так извиниться за вчерашний инцидент?

– Извиниться? Джек? – я обернулась и красноречиво изогнула брови – Артур с пониманием усмехнулся в ответ. – О! А вот и она.

Я с трудом вытащила на свет огромную пыльную вазу с

геометрическими разводами и дунула внутрь нее. Ваза откликнулась липким серым облаком.

– Ладно, пойду мыть, – чихнув, объявила я.

– Вренна, – окликнул меня Артур. – Так в честь чего цветы?

Я улыбнулась:

– День рождения.

И я ускользнула из комнаты, пока он не успел сообразить, что надо меня как-то поздравить.

Не знаю, когда Артур успел передать эстафету Мекс, но стоило мне наткнуться на нее в коридоре, как она осыпала меня самыми красочными поздравлениями, пообещала испечь торт и укорила за то, что я не предупредила заранее.

Когда я наконец опустила букет в вазу, на треть наполненную водой, весь дом будто шевелился, взбудораженный моим неожиданным праздником. Мекс, непозволительно прекрасная как всегда, заявила, что и я должна принарядиться, но единственного платья, что было у меня с собой, ей оказалось мало.

– Вот что, принцесса, – объявила она, критически оглядывая меня. – В качестве подарка на твоё совершеннолетие я займусь твоей внешностью! Восемнадцать лет – хватит выглядеть как подросток.

Я, конечно, опешила и возмутилась, но особо спорить мне не хотелось, и я «теоретически» согласилась, надеясь, что творческий заряд покинет ее так же быстро, как и посетил.

Почему-то число восемнадцать особенно будоражило этих двоих. Джека я нигде найти не могла, и оставалось только спросить у них.

– Ну как же? – удивилась Мекс, разводя своими длинными ухоженными руками. – Это же совершеннолетие, это значит, что ты стала взрослой.

– А до этого я что – была ребенком?

Мекс замялась, а Артур махнул рукой:

– Не бери в голову. Это просто формальность, из которой сделали праздник, и его принято торжественно отмечать. Зачем сопротивляться такой приятной традиции?

Вскоре был готов бисквитный торт, половину которого мы тут же с аппетитом поглотили и, пропуская мимо ушей всё то, что могло бы сойти за колкость, продолжили сидеть за праздничным столом. Меня беспокоило одно: где же Джек? Ни Мекс, ни Артур не знали ответа и отмахивались, но через пару часов моя тревога распространилась и на них.

Кому как ни мне знать, что Джек может исчезнуть на недели или месяцы, не попрощавшись, а затем явиться без предупреждения?

Сегодня утром он был еще здесь, но теперь, может стать-ся, я не увижу его до весны. Не велика потеря, казалось бы, но что уж от самой себя таиться? Так уж сложилось, он мне нужен, и меньше всего мне хотелось бы, чтоб он испарился прямо на мое восемнадцатилетие.

– Не думаю, что он надолго, – спокойно увещевал Артур. –

Он бы тебя не бросил.

Я фыркнула.

– Но он же вернулся за тобой в Штаман-Рейн и привез сюда.

Я пожала плечами.

– Он непредсказуем.

– Иногда очень предсказуем, – таинственно усмехнулась Мекс, и Артур едва заметно посерел. – Я вот почти уверена, что знаю, зачем он уехал.

– И зачем же? – сухо полюбопытствовала я.

Но Мекс только загадочно оскалилась и заговорила про взаимосвязь женского либидо и интуиции.

После обеда ко мне вернулась ночная тоска, и, промаявшись с полчаса в отведенной мне гостевой комнате, я вышла на террасу, обрывавшуюся в море. Серое под тяжелым осенним небом, оно шумело, разбиваясь о кирпичные стены здания, и его темные волны вспенивались белыми лохмотьями.

Я настолько погрузилась мыслями в плеск прибоя, что вздрогнула всем телом, услышав голос позади себя:

– Ты ведь впервые на море?

Мне на секунду почудилось по голосу, что это Джек, но нет – Артур. Я повернулась в пол-оборота к нему.

– Ну да.

– Поражает, наверное?

Я вдохнула пронизывающий воздух.

– Тут здорово. Как-то... правильно. Наверное... – я замя-

лась, но всё же продолжила: – Наверное, так я и представляла свободу. Не физически так, а по ощущениям, по атмосфере.

Я скривила губы. Попытаться сформулировать, как мне хотелось вырваться, как не хватало решимости и как нелепо всё выходит в итоге – гиблое дело.

Артур сел рядом со мной на краю террасы.

– Джек много о тебе рассказывал, когда мы общались. Тогда, давно.

Я немного нахмурилась, припоминая те разрозненные хронологические сведения о Джеке, которыми я располагала.

– Года четыре назад перестали, да? А начали... лет семь?

– Пожалуй. Джек рассказывал о нашей компании?

– Да так, упоминал – не более того.

Я не смотрела на Артура, но, кажется, он усмехнулся.

– Так что он обо мне рассказывал? – спросила я в невольном предвкушении.

Я почувствовала его внимательный взгляд.

– Внешность, да... Ну, ты знаешь, он не слишком добр и щедр на похвалы...

Я нахмурилась, и Артур почти затараторил:

– Нет, я не в этом смысле. Я хочу сказать, что его слова надо пропускать через линзу, и я – ну в общем, привычка уже. Тогда была, вернее, – он покосился на меня с тенью раздражения. – В общем. Примерно такой я тебя и представлял.

– Четыре года назад.

– О том, что ты и сейчас... выглядишь совсем юной, Джек тоже упоминал. В этот приезд уже.

– «Совсем юной». Да, конечно. Так он и сказал.

– О чём я и говорил.

– Ладно.

Мы продолжили эту тему, хотя мне уже не слишком хотелось, и Артур пересказал мне пару историй из моей же жизни.

– Ну хватит, – наконец буркнула я, хотя мне отчасти и льстило, что Джек там много внимания уделял нашим общим воспоминаниям. – Я уже поняла: Джек трепло, и этим всё сказано, – гудящая волна с шумом разбилась возле самых моих ног, окатив всю террасу ледяными брызгами, и мы с Артуром в унисон: я вскрикнула, а он ругнулся.

– Пошли в дом?

Но мне не хотелось уходить, несмотря на ветер и прохладу, ставшие внезапно ощутимыми.

– Ничего, померзнем. Расскажи лучше то, чего я не знаю. Как вы тут жили четыре года назад? Или шесть лет назад – когда я еще почти верила, что это только мне – действительно! – нельзя выходить из Замка, а Джеку – запросто, пожалуйста, – я скорчила глупую физиономию. – А он в это время кутил, пил, играл и радовался жизни, не так ли?

– Э... ну вот видишь, ты и это знаешь – что мне тебе рассказывать? – он виновато улыбнулся.

Я фыркнула.

– Ты сегодня какой-то подозрительно милый. Это из-за моего дня рождения или что-то случилось?

Он хитро усмехнулся:

– Видишь ли, звезды сегодня приняли положение наименьшего влияния, мое магическое могущество ослабло, а вместе с ним и раздражительность.

Я покосилась на него, встретила взглядом озорные щелочки глаз и расхохоталась.

– Зачем ты притворяешься сумасшедшим, Артур?

– Притворяюсь? Сумасшедшим? Я?

Я тряслась от смеха.

– Но это же абсурд какой-то! Джек говорил, ты даже в клинике какое-то время сидел. К чему всё это?

– Ну я же сидел там не по собственному желанию. Разумеется, я не сумасшедший, – опять смеющиеся щелочки. – Я действительно владею силой. Магией. Это плохо поддается пониманию, как и объяснению, и я не стремлюсь этого никому доказать – но всё же.

Я покачала головой.

– И в чём же выражается эта «сила»? Вот моя «сила», – я холодно посмотрела в его темные глаза, – в том, что одним словом я могу подчинить орду монстров. А твоя?

Он спокойно выдерживал взгляд.

– А я могу спалить этот дом.

– С коробком спичек?

– С одной спичкой. С одной искры – могу разбудить пла-

мя.

Я опустила глаза. Пожар из брошенной сигареты – известное дело, и никакие маги тут не нужны. Но, как говорится, любая случайность – это непознанная закономерность. И, может, возле каждой непотушенной сигареты, из которой разросся пожар, случайно находился такой вот маг огня.

– А Мекс? – спросила я.

– Нет. Мекс сошла с ума. Наверное, потому что поверила мне, – он сглотнул. – Нельзя допускать, чтобы мне верили. Но ты-то не веришь, я знаю, – он натянуто улыбнулся.

– Почему это не верю? – фыркнула я, и в его глазах снова заплясали огоньки, а ухмылка стала вполне искренней. – Вот подлец!

Я пихнула его локтем, и мы засмеялись.

Минут десять или пятнадцать после этого мы сидели молча подле друг друга, вздрагивая от порывов ветра и наблюдая гипнотизирующий бег волн. Я поймала себя на мысли, что мы, должно быть, смотримся парой, и причем красивой, и о том, что обнявшись, было бы теплее – но всё это потонуло в шуме бескрайней воды. А потом за нашими спинами открылась дверь, и нас окликнули:

– Чего вы тут сидите? Замерзнете, простудитесь и умрете.

– А как же, – согласился Артур, поднимаясь на ноги.

– А ну давайте в тепло.

Я расплылась в широкой кривой усмешке и, запрокинув голову так, что встретила глазами с Джеком, заявила:

– Только ради тебя, дорогой.

Он подошел, вернул мою голову в нормальное положение и подал руку, помогая подняться.

– Ради меня в тепло – или ради меня умрешь?

Он шевелил языком, заставляя торчащую из зубов сигарету плавно двигаться.

– Сейчас ведь столкну, – я указала большим пальцем на темное море за спиной.

– Верю, – кивнул он. – Столкнешь, и на пальцы будешь наступать, если попытаюсь выбраться.

– Там есть лесенки с двух сторон, – оборвал нас Артур. – Пошлите наконец в дом. И ты – расскажи, где весь день шатался?

– Вот, – неопределенно объявил Джек, когда мы оказались в холле.

Возле центрального входа стояла картонная коробка.

– С днем рождения.

Я осторожно подошла, опустилась на колени возле подарка и прислушалась. Подарок чуть слышно скребся и попискивал. Я медленно обернулась к Джеку, уже примерно представляя, что там.

– Джек, ты издеваешься? Это чтобы я не говорила, что... ты зря устроил тот теракт? – лицо моего дядюшки медленно искажалось недоумением. – Мне хорошо живется без них! Спасибо!

– Вренна, это не...

– Да и как ты вообще достал его – ты же теперь немощный!

– Вренна! – возмущенно рявкнул он, и зазвенела пауза. –

Открой, пожалуйста.

Я вздохнула и – чего тянуть? – скинула крышку с коробки. Внутри сидел на удивление мелкий мохнатый кораблист. Обильный черный мех не давал определить количество ног или наличие неразвитых зачатков крыльев – вместо них ярко выделялись лысые розовые уши (две штуки) и крупные желтые глаза (также два).

Кораблист пришибленно рассматривал меня. В нем определенно было что-то симпатичное, даже милообразное – что говорить, я и куда меньших красавцев считала в детстве друзьями, и это не мешало им время от времени исподволь пытаться меня прикончить. Думаю, если бы кораблисты были прекрасны, у людей не было бы шансов в той войне.

– Иа-ау, – тихонько сказал кораблист, разворачивая уши розовой стороной внутрь.

– Ну что скажешь? – улыбнулся Джек, возникнув рядом со мной.

Я вздохнула.

– Джек, это плохая шутка. Я давно наигралась с миленькими кораблистами.

– Кораблистами? – Джек вскинул брови, а между тем к нам в созерцании чудика присоединился Артур. И изумленно воскликнул:

– Да это же котенок! – затем вкрадчиво покосился на ме-

ня: – Вренна?

Я хотела было запротестовать, но тут в моей памяти всплыли картинки из телевизора и интернета, и я еще раз критически осмотрела подарок.

– Мяу, – пропищал он.

– Ух ты... – ответила я.

Следующие два часа были посвящены вопросу, как же мы вчетвером его назовем. Затем внезапно выяснилось, что это девочка.

Всё это время меня не покидало два неприятных ощущения. Первое – недоумение, почему существ, пусть даже таких милых, но всё же напоминающих кораблистов, люди холлят, обожают и содержат как домашних любимцев?

И второе – чих.

Когда три лидирующих варианта имени были Мракобесия, Лиора и Тайна, Артур внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Да у нее же аллергия.

– Что? – не поняла я.

– На кошек? – удивился Джек.

– А может, Фурия? – предложила Мекс.

Артур кивнул.

– Вот черт, действительно, – согласился Джек, рассматривая мой, очевидно, красный нос.

– Ну хватит, – я закрыла лицо руками.

– Тогда мы оставим малышку себе, ведь правда? – по-

что злорадно улыбнулась Мекс, строя глазки Артуру. – Дом большой, Вренна сможет с ней не пересекаться. А мне, как ведьме, просто необходима черная кошка.

Скандал вспыхнул мгновенно.

– Это мой подарок!

– Да? И что ты будешь с ним делать? Для тебя это не кошка, а очередной прислужник-монстр!

– Неправда!

– Какая милая мордашка – а ты говоришь «кораблист».

Бездушная людоедка!

– Шлюха! Отдай мне кошку!

– Как ты назвала мою жену?!

– Так, у нее сегодня день рождения, между прочим.

– Шлюха, потому что так оно и есть!

– Ну я сейчас тебе!..

– Это я сейчас тебе! Не тронь ее! Я вообще сейчас убью эту чертову кошку, если от нее столько крика!

– НЕ СМЕЙ!!!

– АПЧХИ!

– МЯУ! – это Джек схватил котенка за шкирняк и поднял высоко над головой.

– Так, – объявил он, пресекая протесты. – Вы знаете, что я запросто сверну ему шею, если вы не успокоитесь. Так что слушайте меня. Этот подарок предназначался Вренне, но раз у нее аллергия – подарок не подходит. Прости, Вренна, я должен был подумать о такой возможности. Так вот. Я не

угадал с подарком – и я верну его туда, откуда взял. В зоомагазин.

Котенок в его правой руке наконец кончил извиваться и пищать и покорно повис, нервно подергивая хвостом.

– Но Джек, – максимально спокойно произнес Артур. – Почему, если подарок не подходит Вренне, нельзя подарить его Мекс? Хочешь, я выкуплю его у тебя?

– Нет, не хочу. И это не обсуждается. Я сдам его в зоомагазин или прикончу – другого не дано.

Мекс вспыхнула яростью при этих словах, но Артур ее опередил:

– Вообще, Джек, разве разумно было показываться в городе? А если бы тебя узнали? Если бы проследили досюда? Мало того что вас двоих бы взяли – кто вас там ищет? – так ведь и нас с Мекс в психушку бы вернули.

– Там вам и место, – буркнула Вренна.

Джек пожал левым плечом.

– Ну вы же заказываете еду по интернету, и вам привозят сюда – и ничего.

– Но это проверенная контора, мы покупаемся у них уже много лет.

– Не будь параноиком. Ай!

Извернувшись, котенок укусил Джека за запястье, тот от неожиданности разжал хватку, выпуская его, и зверек, шкрябая когтями по паркету, скрылся за ближайшей приоткрытой дверью.

– Вот паршивец, – констатировал Джек, разглядывая глубокие ранки.

Мекс подошла вплотную к Джеку, и он немного покраснел.

– Котенок остается у меня, ясно? Живой и невредимый. И попробуй только что-нибудь с ним сделать, – она воздала кулак к его носу, сверкнула глазами и, громко цокая, последовала за питомцем. Недолго думая Артур поспешил за ней.

– Вренна? – окликнул меня Джек, когда я поднялась на ноги, чтобы тоже уйти.

– Да делай с ним что хочешь – мне всё равно.

Докапываться он, слава богу, не стал, и я тихо ушла в свою комнату.

Этой комнатой здесь служила одна из гостевых, достаточно просторная и приятная на глаз, но необжитая и оттого не очень уютная. Даже спустя полмесяца я не сблизилась с этими бледно-голубыми стенами и атласными драпировками на окнах и кровати.

Я бы пошла в гостиную, ту, что сразу под крышей, всю уставленную фолиантами и с винтовой лестницей посередине, но именно туда, скорее всего, пойдет Джек. А мне хочется одиночества – поэтому я здесь.

Мне хочется убрать отсюда эти тяжелые темные шторы и впустить больше света, тем более что вид выходит на море, серое, но величественное в осенних дождях.

Мне хочется разбросать здесь какие-нибудь тетрадки или

провода, но здесь почти нет моих вещей, а те, что есть, прячутся по ящикам. Как-то рука не поднимается наводить беспорядок среди такого убранства.

Я негромко включила музыку, посмотрела сквозь стекло на холодную стихию, села на кровати... Может, зайти всё-таки в гостиную и выбрать какую-нибудь книгу? Или попросить у Джека ноутбук? Впрочем, нет, я забыла, у меня же уже кое-что начатое.

Воодушевленная этой идеей, я начала поиски и вскоре достала заветный сборник из своей дорожной сумки, покоившейся на дне гардероба. Я и не вспоминала о книге все эти дни, но теперь, как ни странно, с удовольствием закопалась в подушках и погрузилась в прерванное чтение.

Пятое из «Десяти томных сердец» принадлежало проклятому юноше, обреченному похищать половину души каждой женщины, испытавшей к нему влечение. Оканчивалась история рождением у одной из его возлюбленных сына, которому суждено перенять отцовское бремя.

Кажется, это был самый длинный рассказ в этой книге. Когда я дочитала его, уже сгущались сумерки. Я снова выглянула в окно – и охнула от восхищения. Шел снег. Мокрые белые хлопья слетали с небосвода и растворялись в черной воде, окрыляя собой темный воздух.

В Гвозде тоже, бывало, шел снег, но редко – не каждую зиму. Зато там вечно накрапывал дождь, а когда он переставал, Замок окутывало липким туманом. Может, поэтому я

так и не сбежала – просто всё время была плохая погода? Ну да, забавная теория.

Тьма и зябкость за окном добавили комнате теплоты и уюта, и я со свежим интересом продолжила чтение.

III

Когда давно, в юности, лет, может, до девятнадцати, я увлекался литературным творчеством. Рассказами, попросту говоря. Правда, законченных у меня почти не было – большинство забрасывал где-то на середине, а в некоторых и вовсе записывал только пару эпизодов. Но это доставляло мне удовольствие и отвлекало от навязчивых мыслей – почти как наркотик.

Где-то половина того, что я писал, было откровенной порнографией, еще четверть – хоррор и ужасы, основанные на реальных событиях. И оставшаяся четверть – что-то более ли менее стоящее, так сказать, мои попытки написать историю со смыслом. Но ни одну из них я так и не довел до конца.

В девятнадцать я познакомился с этой компанией – Артур, Мекс, Якобс, Марк – и ушел в бесшабашный пьяный счастливый разгул. Собственно, разгул был в моей жизни и раньше; иначе: моя жизнь была разгулом. Но это не приносило восторга или удовлетворения. Я был подростком, и я сбегал из Замка с охапкой денег и прожигал их в каком-нибудь баре или стриптиз-клубе, я напивался, укуривался, занимался сексом и убивал людей – но всё это не имело смысла. И ничто иное не имело смысла, как мне казалось. Я был

обычным депрессивным подростком с одной только разницей: для меня не было никаких пределов. И я – малолетний придурок – часто думал о суициде, и играл в русскую рулетку, но удача мне благоволила, и вот однажды здравая мысль (хоть и порядком драматизированная) посетила мою мутную голову: умереть любой дурак может, а вот жить во всей этой грязи и скуке – испытание как раз по мне. Мудрые люди исправили бы эту фразу: «достойно жить» – но я этим не заморачивался.

В общем, я бросил русскую рулетку, тяжелые наркотики (зависимости у меня, как ни странно, почти не выработалось), и вскоре после этого в одном из баров познакомился с Якобсом. Он был спорщиком. Вся его жизнь – это череда пари. Он и шагу не сделает без спора, и если уж поспорит – готов на всё, лишь бы победить.

Разумеется, наше знакомство также началось с пари, да и всё общение с ним состояло из них – в основном шуточных, но иногда и серьезных. Но о чём именно мы спорили в то время, я уже и не вспомню.

Кажется, в уплату проигрыша по пари он свел меня с остальными членами безумной компании. Я безраздельно и безответно влюбился в Мекс, которая уже тогда была с Артуром, и я встретил родственную душу – Марка. Он был в меру сумасшедшим, как и каждый из нас, и он был садистом. Каждый раз, встречая нового человека, он представлял, какая смерть пошла бы ему. Девушки не проводили с ним боль-

ше одной ночи, потому что в постели он терял контроль над собой. Но надо отдать ему должное: в отличие от меня он не запятнал себя ни одним убийством, да и вообще вся его жестокость редко выходила за пределы его головы.

И хотя после знакомства с ними общий образ моей жизни практически не изменился, я абсолютно перестал тяготиться бессмысленностью такого существования. А вместе с приходом внутреннего равновесия ушла необходимость изливать свои переживания в рассказах.

Но теперь, когда я вернулся в этот дом, единственный родной Дом, я вновь ощутил это забытое чувство вдохновения. Но на этот раз не от фрустрации, а от... покоя. Мне просто было здесь спокойно и уютно, несмотря на все ссоры и скандалы (ведь они тоже какие-то домашние и уютные!) – и я почти забывал о внешнем мире. В голове рождались идеи, складывались фрагменты сюжетов, и появлялось желание выразить всё это на бумаге.

Прямо сейчас я лежал на диване в гостиной с ноутбуком на животе и думал. На экране передо мной было девять страниц о летчике и травах. Я не знаю, что это значит. Мой мозг не генерирует сюжеты целиком. Но все эти странички вышли легкими, быстрыми для чтения и напоминали почему-то аромат пряного черного чая.

В воображении сложилось несколько строк диалога, и я потянулся руками к клавиатуре, когда внезапно раздалось:
– Да как ты посмел?!

Я чуть не уронил компьютер, судорожно нажал на сохранение и изумленно уставился на Вренну.

– В чём дело?

– Знаешь, что это? – она потрясла в руке бежевую книжку в мягкой обложке.

Я покачал головой и на всякий случай подальше убрал ноутбук. Как раз вовремя, потому что Вренна швырнула книгу в меня.

– 441-ая страница!

В недоумении косясь на нее, я открыл книгу в указанном месте. «Вырезанное сердце», – гласило название начинавшейся на этой странице новеллы. Я пробежался глазами по паре первых строк.

– Ничего не напоминает? – прошипела Вренна.

Я развел руками.

– Что за беллетристику ты читаешь?

– Что за беллетристику ты пишешь?! – взорвалась она.

Я даже вздрогнул от неожиданности и, уязвленный, невольно покосился на ноутбук.

– При чём здесь то, что я пишу, Вренна?

– А кто, по-твоему, написал это?!

Я даже не находил, что съязвить, и смотрел на нее с беспредельным недоумением.

– Ладно, читай, – приказала она, складывая руки крестом.

Я хотел возмутиться, но потом мне стало любопытно, что могло ее так взбудоражить, и я начал читать. Написано от

первого лица, главный герой – какой-то парень по имени Юра, фоторепортер. Не успел я прочитать и пары страниц, как Вренна опять взбесилась: подскочила ко мне и начала гневно листать книгу.

– Вот! – объявила она, тыкая пальцем в страницу. – Вот! Ничего не напоминает?! Кто мог это написать, кроме тебя?!

Я вскинул брови и стал читать с нового места:

«Я стоял, прижатый спиной к стене, и почти не чувствовал холода лезвия возле моего сердца. Я думал, что нужно закрыть глаза или хотя бы вспомнить всю свою жизнь, как это принято делать перед смертью, но она была слишком прекрасна, и я не мог оторвать глаз».

– Мне обязательно это читать?

– Читай!

– Эх... всё мстишь?..

Я вернулся глазами к книге:

«Я видел, как дрожат алые губы Анитры и как слезы набухают у ее ресниц. Зажмурившись, она занесла клинок для удара... и выронила его из ослабших рук.

– Нет! – крикнула она, бросаясь мне на грудь.

Стивер, наблюдавший за нами, поджал губы и безжалостно заявил:

– Ты знаешь, что тогда будет.

– Да!

Она нежно поцеловала меня в губы, затем оторвалась от меня, подняла с пола клинок и подала жениху рукояткой

вперед со словами:

– Вырежи мое сердце!

Стивер кровожадно усмехнулся, подошел ко мне и отпер оковы, удерживающие меня у стены. Я рухнул на колени, но быстро поднялся и встал между ним и Анитрой.

– Не тронь ее, ясно!

Посмеиваясь, Стивер громко свистнул, и я услышал громкий шепот Анитры: «Нет, пожалуйста!..», а уже через секунду понял, о чем она: в темницу ворвались кораблисты. Стивер властно махнул рукой, и я не успел опомниться, как меня схватили грязные сильные руки и потащили прочь. Я сопротивлялся что было мочи, ударил одно из чудовищ ногой, так что оно отлетело к стене, но его место тут же заняли двое других. А Стивер между тем приковал рыдающую Анитру к стене, где прежде был я, и провел ножом вдоль ее тела, разрезая платье и местами царапая кожу. Он впился поцелуем в ее незащитные губы, а я в ярости сбросил с себя половину кораблистов, но они уже успели утащить меня из темницы, и теперь ее дверь с грохотом затворилась, и я услышал, как внутри запираются засовы.

– Я люблю тебя! – крикнул я, надеясь, что она еще...»

– Ну всё, дальше там бред, – смущенно сказала Вренна, забирая у меня книгу.

Я, вероятно, выглядел немного пришибленным. Тот мальчик, конечно, безбожно матерился, а вовсе не признавался в любви, когда его скрутили кораблисты, да и скинуть хоть од-

ного из них он был, бесспорно, не в состоянии, но в целом... К сожалению, эта сопливая история основана на реальных событиях.

– Как ты мог сделать из моих чувств эту порнографию?!

– Это не я!

– Ага.

– Это не я написал! Слышишь? – я невольно сел ровно, как по струнке. – Не я! И я никому не рассказывал эту историю!

– Да?! Я, наверно, всем растрепала, да?!

– Может, ты, – я облизнул губы. – А может, никто из нас.

– Хочешь сказать, это совпадение? Кто-то придумал такую же историю? – она фыркнула.

– Нет, не думаю что совпадение, – я смотрел на ее лицо, но не в глаза – это было бы слишком похоже на намек. – Но это написала не ты, и не я, – я сглотнул. – И ни ты, ни я никому это не рассказывали.

Она снова фыркнула:

– Что, призрак?

Я молчал. Она вдруг охнула.

– Ты хочешь сказать?.. – я молчал. – Это не смешно, Джек!

А ну признавайся – это ты!

– Нет.

Я наверно никогда не видел у человека таких расширенных глаз. Она медленно села рядом со мной.

– Тогда признайся в чём-то другом.

Я пожал плечами.

– Ты сама поняла.

– Это правда?

Я кивнул.

– А как же та голова?

– Головы все похожи.

– Но как он... Как такое может быть, Джек? Или ты врешь? Я ведь убью тебя, если это неправда. Убью, – она развела руками.

Я почему-то засмеялся.

– Что – так это всё-таки была шутка? Поиздеваться надо мной решил? Небось сам и впарил Игорю эту книгу, чтоб он дал ее мне – как бомбу замедленного действия!

– Что ты несешь?

– Скажи, что это твой рассказ – или кого-то из твоих знакомых! Скажи, что Лени мертв!

– Так, ну хватит, – я поднялся на ноги, взял ноутбук, мышку и поспешил к лестнице.

– Джек!

Сбежал вниз по ступеням и дальше – в винный погреб. Надеюсь, тут она меня не достанет.

Банши | 9

Конечно, физиономия Джона, будто вырезанная из тыквы, маячила в окне и с ухмылкой потягивала херес, окружен-

ная теплым, как поджаренный хлеб, уютом.

– О-о-ох... – простонал чей-то голос. – Боже...

Тут-то я и увидел эту девушку.

Она стояла, прислонившись к дереву, в длинном облачении лунного цвета; ее тяжелая, доходившая до бедер шерстяная шаль жила отдельной жизнью: волновалась, трепетала, махала крылом ветру

– Рей Брэдбери, «Банши»

Наконец я нашла эту дверь. Металлическая, обитая бежевой кожей, с заветным «117» посередине. Теперь, когда все поиски позади, я удивляюсь, как мне хватило упорства. Но, впрочем, я тороплюсь торжествовать, торжествовать еще рано. Торжествовать можно будет, когда я увижу его. Господи, как же бьется сердце. Неужели он правда там, за этой дверью, всего в нескольких метрах от меня, всего в одном звонке, одном нажатии на эту кнопку?..

А если его там нет? Если его вообще... нет? Если я зря надеюсь, и всё это – ошибка и бессмысленность...

Я потянулась к дверному звонку, но рука опустилась при этой мысли.

Тогда, в вечер своего восемнадцатилетия, получив от Джека туманные намеки и в придачу к ним – сумасшедшую надежду, я без остатка отдалась возникшей цели.

Весь следующий день я была занята поиском информации. В качестве автора этого чудовищного биографическо-

го рассказа значилась некая Авелира Флирб, и я перерыла весь интернет, до которого дотягивался Джеков ноутбук, собирая данные о ней. Я всё надеялась, что это окажется псевдоним мужчины. Это и правда оказался псевдоним – но за ним скрывалась всего лишь Анна Дешевская, тридцати девяти лет, из городка Мионт.

Мне позарез нужно было встретиться с нею, но где искать ее сейчас было, хоть убей, непонятно – даже официальный сайт был полгода как заброшен.

Ближе к вечеру, практически отчаявшись, я каким-то чудом наткнулась на желтую статью об успешном баскетболисте, женившемся на дочери популярной писательницы, известной как Авелира Флирб, и о том, как вскоре после свадьбы Авелира подарила молодоженам свою квартиру в центре Сплинта, а сама переехала в загородный дом к югу от столицы.

Как только у меня появился хоть какой-то ориентир, я почувствовала, что не могу больше сидеть на месте.

Кошка Ника осталась у Мекс, как та того и хотела, Джек усмехался мне на прощание как-то невесело и сентиментально, будто мне действительно был повод уезжать надолго, а Артур кивал с пониманием, словно знал всё лучше нас обоих – и меня, и Джека.

– Есть только одна проблема, Вренна, – сказал он мне накануне отъезда. – Тебя теперь знают в лицо.

И Мекс вызвалась поколдовать над моей внешностью. Я,

конечно, сопротивлялась, но недолго – всё-таки все мысли были заняты Лени. Впрочем, даже это не помогло мне спокойно отреагировать на результат ее работы. Единственное, что осталось привычным в моем новом облике – это форма прически: короткое каре с двумя длинными прядями вдоль ушей – так я стригла себя лет в тринадцать. Всё остальное повергло меня в шок.

Во-первых, кричащий макияж. Довольно красивый, не спорю, но меня под ним не то что не узнать – не видно даже. И во-вторых – зеленые волосы. Такого здорового травянистого цвета...

Даже уничтожив водою все косметические ухищрения Мекс, я не могла спокойно смотреть в зеркало. Ужас сменялся восторгом, а восторг – отвращением. Это заняло мои мысли до ночи, а наутро Лени снова узурпировал их.

Критически осмотрев меня, Джек фыркнул и похвалил Мекс:

– А что, здорово. Люди будут глазеть на нее и думать: «О, девочка-панк». И больше ничего думать не будут.

– Я старалась, – кокетливо улынулась Мекс, и Джек отвел взгляд.

До города меня довез Артур.

– Дерзай, – усмехнулся он в напутствие. – Поверь, оно того стоит.

– Что ты знаешь?

Но он лишь добродушно покачал головой и уехал.

Денег у меня было вдоволь (Джек дал без разговоров), я сняла номер в гостинице и начала поиски таинственной Авелиры Флирб.

Во мне только однажды было столько решимости – когда я планировала убить Джека. «Результативность» тех стараний на лицо. В этих – сегодняшних – мне к тому же приходится общаться с людьми. Кажется, затея обречена на провал.

Казалось, вернее. Не прошло и недели, как я договорилась о встрече с писательницей. Она подсела ко мне в ресторане и долго, пристально рассматривала меня. А я – ее. Ее внешность не соответствовала ни одному из имен по моим ощущениям – она не была ни запущенной домохозяйкой, ни богемной дамой в перьях. Наверное, мои представления о людях еще далеки от реальности и основаны на одних только фильмах.

Авелира была полной, уверенной в себе женщиной в огромных очках и со строгим выражением молочно-белого лица. Ее глаз почти не было видно за толстыми стеклами, и поэтому ничего кроме строгости поджатых губ на ее лице не читалось.

– Ну и для чего вы столь настойчиво меня звали, девушка? – начала она сухо. – Обвиняете в плагиате – думаете, вы первая такая умная?

Я почти не дрогнула под таким напором.

– Мне просто нужно знать, где человек, от которого вы узнали эту историю.

– Все мои произведения рождены моим воображением.

– Да мне нет дела до всех – я просто знаю, что это «Вырезанное сердце» вы не придумали! – с ноткой паники воскликнула я.

– И как же вы это можете знать, девушка?

Паника разрасталась подобно шторму. Я замаялась, в ужасе соображая, что же мне говорить, а Авелира разглядывала меня всё внимательней.

– Так откуда? – вкрадчиво повторила она, поправляя очки.

Мне даже живот свело от этой перемены в голосе, но, решившись, я подняла взгляд.

– Где Лени?

Губы Авелиры понемногу расслабились, и лицо стало мягче. Отвернувшись от меня, она порылась в сумке и протянула мне визитку со словами:

– По правде говоря, я ждала вас. Предполагала, что однажды вы можете прийти. Не то что бы я сильно поверила Леону тогда – просто вдохновилась. Да и в чем-то он, видно, приврал, – она усмехнулась. – Но и не всё выдумал.

Практически не слушая ее, я изучала полученную карточку. «Снежев Леонид Евгеньевич, репортер журнала «Фогг», телефон, электронный адрес». Я не знала его фамилии! Отчества и подавно. Я не знаю, он ли это!

– Но боюсь, тебя ждет пара сюрпризов, – говорила между тем Авелира, плавно перейдя на «ты». – Он же...

Я судорожно набирала номер.

– Это его корпоративный, – покачала головой Авелира. –

Он сейчас вряд ли возьмет трубку.

– Почему?

– Насколько я знаю, он уволился.

– Почему? Как мне его найти?

– Не знаю, – Авелира поднялась из-за стола. – Я помогла тебе, чем могла. Удачи в поисках.

Небольшой серфинг по интернету – я нашла телефон редакции «Фогг», позвонила, по ходу разговора выдумала несколько правдоподобных небылиц и наконец – добыла адрес.

И вот, я стою перед тяжелой дверью на холодном крыльце, и небо надо мной уже совсем потемнело, заплыло лиловыми облаками и вот-вот разразится грозой.

В голове носились вопросы, и «Как он выжил?» был едва ли не последним из них – ведь он уже проникал в Замок самостоятельно. Должно быть, как-то смог выбраться и в тот раз. Но для чего он выдумал такую страшную концовку? Да и зачем вообще рассказал кому-то нашу историю? Ее же нельзя, невозможно описать словами – выходит банальная сопливая трагедийка!

И почему он убил меня в конце? Не персонаж, конечно – автор. В рассказе мой двойник Анитра погибает. Джек якобы швырнул мое обезображенное тело из окна, и оно рухнуло под ноги Лени. Что это за чернуха? Не мне брезговать

смертями, но в который раз представлять свою собственную, грязную, от рук не чужого, в общем-то, человека – это как-то слишком. Это как-то выворачивает наизнанку и отдается гулом в висках, черт подери!

Я прикрыла глаза, пытаюсь успокоиться.

Надо вспомнить всё хорошее, что между нами было. Как мы познакомились, как он был отважен, как легко и свободно я чувствовала себя с ним и как думала, что ничто не может нам помешать.

Меня затопила сладкая болезненная дрожь, я поднесла ослабевшую от страха руку ко звонку и, затаив дыхание, нажала.

■

Я аж вздрогнул от дверного звонка и судорожно шелкнул мышкой, ставя фильм на паузу. Экран застыл со смазанным изображением темных искаженных лиц – да, я смотрю ужасы. Сняв огромные мягкие наушники – и как я только слышал звонок? – я перемахнул через поручень дивана, поймал ступнями тапки и пошлепал к двери.

Привычки интересоваться, кто там, у меня нет, так что, мельком глянув в темный глазок и ничего не разглядев, я отпер засов и потянул за дверь, впуская вихрь холодного влажного воздуха. И обмер. Призрак!

Спустя долю секунды я прогнал наваждение и напомнил себе, что ужастик остался в компьютере, а реальные мертвецы не встают из могил. Стоит только приглядеться к этой де-

вущке повнимательнее, и кажущееся сходство пройдет.

Я пригляделся – и невольно повел рукой в поиске опоры.

Она была в точности такой же, как четыре года назад. То же маленькое мраморно-белое лицо, те же серебристые глаза, полускрытые полоской черных ресниц, та же хрупкая лебединая шея. Даже прическа не изменилась – лишь к цвету, прежде темно-серому, добавился мертвенно-зеленый оттенок, но, наверное, это мне привиделось.

Ведь не бывает, чтобы люди совсем не менялись?..

– Лени... – она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, приоткрыв рот, и на белках ее глаз и внутренней стороне нижней губы мерцали отблески теплого электрического света из моего дома.

«Лени»... Мое юношеское прозвище. Никто меня теперь так не зовет, да я и сам отвык от этого имени. Теперь мне привычно «Леон»...

За ее спиной шумел дождь, настоящий летний ливень, он никак не вязался с наступившим ноябрем.

– Секунду, – тихо попросил я, зашел за зонтом, обулся и вышел к ней, прикрывая за собою дверь.

Сказалась ли гнетущая погода, или фильм ужасов впрыснул мне в мозг свою мистическую атмосферу, или сам облик моей необъяснимой гостьи ухватил меня за сердце – не знаю, но в тот момент я сделался мистиком и фаталистом, каким никогда не был. Она ли это? Зачем она пришла? А может, она теперь призрак, или зомби, или вендиго – хотя, в

определенном смысле, вендиго она была и раньше... Может, она жаждет крови или мести? Как бы то ни было, мне было всё равно. Я вышел к ней, и я спустился с нею с крыльца на черный блестящий от дождя тротуар и поднял зонт над нами обоими, так что капли с грохотом отлетали от его натянутых черных лопастей.

А Вренна, если это действительно была она, не спускала с меня темных гипнотических глаз.

Мы молчали несколько минут, и мне казалось, я читаю в ее глазах свои собственные незаданные вопросы – но мы молчали. Наконец я сказал:

– Через два квартала есть тихий ночной бар. Там ни драк, ни пьяниц, ни диско.

Она энергично кивнула, и мы зашагали вдоль бурлящего ручья. Леденящая свежесть, пронизывающая воздух, казалась мне загробным ознобом, а запахи – неуловимые, тягучие запахи ливня – напоминали сладковатый дух разложения.

Я знал, что эта девушка мертва. Я видел ее труп, я видел, вероятно, ее смерть. Люди не выживают, упав плашмя о камни с пятидесятиметровой башни. Люди не выживают, если их череп кажется полукруглым, а крови вокруг них больше, чем дождя на этой улице. Люди не...

Мы вошли в бар. Тепло, мягкая музыка, мерный шум голосов – всё это подействовало на меня отрезвляюще. Я взглянул на спутницу, убедился, что она действительно сто-

ит рядом со мной, что она не прозрачная и не зомби-образная, и пригласил ее за свободный столик. Разве что волосы зеленые, в недоумении заметил я и нервно хехекнул, облизывая губы.

– Ты рассказал писательнице нашу историю, – тихо констатировала Вренна, опустив взгляд на стол.

Я молчал, пытаюсь избавиться от подозрения, что именно слезливое переложение Анны вернуло мою возлюбленную из могилы.

– Ты выдумал... зачем всё это? – она вскинула взгляд. – Почему ты не нашел меня? Как ты?.. Ох...

Я сглотнул.

– Прости, я никак не думал, что Анна напишет это, тем более в том виде, как она в итоге... Я вовсе не бахвалился, мол раскидал десяток кораблистов! Просто мы тогда работали вместе, и когда я только выбрался... я не мог не рассказать. Не только ей, но и... не специально ей. То есть...

– Как ты выбрался?

– Ну я... сам не знаю. Я... – я мысленно обернулся к тем чудовищным минутам, и воспоминания захлестнули меня. – Я опомниться не успел, как оказался на белом столе – операционном столе. Вернее... кухонном, разделочном, да... – я засмеялся. – А затем – кораблисты внезапно потеряли ко мне интерес, и я смог просто встать и уйти. И я выбежал на улицу, потому что меня охватила паника, потому что я почти чувствовал все эти ножи и печи и... я не мог вернуться

и спасти тебя, а вернись я – всё равно не успел бы спасти... Я выбежал из замка, отошел на двадцать шагов – и ты упала у меня за спиной, а твой жених засмеялся из окна башни.

– Я?

– Как ты выжила после такого падения?

– Я никуда не падала, Лени, – она смотрела на меня изумленно, почти возмущенно. – Я... ругалась с Джеком. В общем-то и всё.

– Но, – я улыбнулся, ощущая привкус безумия. – Я видел твой труп.

– А я видела твою голову. Во фритюре. Но кажется, я понимаю, что это значит.

Улыбка всё так же висела на моем лице, а сам я натянулся в ожидании.

– Вместо нас погибли другие люди. Двое других, парень и девушка, внешне напоминающие нас. Трупы... не трудно спутать с кем-то.

– Постой, то есть... Это была другая девушка, бледная худенькая брюнетка – и я поверил, что это ты? Но зачем кому-то... Твоему жениху? Это он всё устроил? Он убил двух не причастных людей и убедил нас с тобой, что мы мертвы?

– Не просто мертвы, а замучены. Да. Это так на него похоже. Ну а двое человек – пустяк для него.

– Ладно, – кивнул я. – Это объяснение. А то я уже всякого напридумывал.

– В смысле?

– Неважно, – я пригляделся к ней. – А ты теперь живешь как обычный человек? Как я звал тебя жить?

– Вроде того, – она смущенно отвела взгляд. – Я еще хотела спросить. Про меня ведь вроде как передавали по ТВ. Ну, мол – я, такая злобная, разгуливаю на воле и выгляжу вот так-то.

– Я не смотрю телевизор. А в интернете я не шел по этим ссылкам – они меня бесили.

Она наконец улыбнулась. Впервые за четыре года я видел ее улыбку, и она вновь пленила меня, как в первый раз.

– Ты совсем не изменилась. Только волосы почему-то зеленые. Зачем? Родной цвет тебе лучше.

– Это маскировка. Иначе бы меня не пустили на поиски тебя.

– Поиски? Это было сложно?

– Еще бы.

Мы медленно склонялись друг к другу через стол.

– А кто не пустил бы? Ты живешь... со своими?

– Да. И нет. Красила меня сумасшедшая женщина, которая считает себя ведьмой. Неудивительно, что такой придурочный выбор.

– Бывает же.

– А ты как живешь?

– Ну, я ушел из «оперативной» журналистики и веду спокойный образ жизни. Редко выхожу из дома. Иногда скучаю по тому адреналину, если честно, но зато никто не пытается

меня препарировать или застрелить или продать на органы.

– Что, и такое бывало?

– Ну, мне, по крайней мере, угрожали.

Поддавшись влечению, я накрыл ладонью ее ладонь и медленно повел рукой по хрупкой кисти, ныряя пальцами к «перепонкам».

– Ты знаешь, я мстила за тебя, – заговорчески улыбнулась она.

– Мстила?

– Да. Правда, безуспешно. Я пыталась зарезать Джека ножом, но он отобрал его у меня. Пыталась пристрелить – но сначала промахнулась, а потом он убежал. В итоге я его отравила, но выжил и выздоровел и живет теперь как ни в чем не бывало.

– Да ты роковая женщина.

– А ты думал. Хотя – я роковая неудачница.

– Да ладно, всё честно. Я жив, и он жив.

Она усмехнулась.

– Ну да. Ладно уж. Пускай живет.

– Так и быть?

– Ага.

Я захотел сказать ей что-то романтическое вроде «Судьба намеренно сберегла тебя от бессмысленного убийства», но вспомнил, кто она, и промолчал.

А затем я сделал то, чего делать не стоило. Я перегнулся через стол к ее уху и прошептал:

– Давай снимем номер в гостинице.

И она согласилась.

И мы были вместе, как должны были быть четыре года назад.

Сколько раз я вспоминал наши долгие мистические поцелуи и как сокрушался, что у нас не было тогда еще хотя бы дня. Когда считаешь возлюбленную мертвой, кажется, что один-единственный секс с ней мог бы что-то изменить.

Мы вызвали такси и быстро добрались до гостиницы. Я оплатил номер для новобрачных и, запершись в нем, мы даже не включили свет. Мы целовались, стоя и лежа, и обнимали друг друга именно так, как должны обнимать те, кто четыре года считали друг друга погибшими. И мы медленно снимали друг с друга одежду и наслаждались каждым сантиметром кожи друг друга, будто продали душу за эту встречу. А когда я вошел в нее, когда чувствовал и слышал ее дыхание, когда ощущал всем телом ее – именно ее! – я понял, насколько правдивы были мои мечты. И уснул, окутанный ее запахом, с чувством долгожданного, безмятежного и счастливого покоя.

Но без нескольких минут шесть утра я проснулся от кошмара, в котором кораблисты были далеко не самым страшным. И посмотрев на часы, я поблагодарил высшие силы за этот кошмар и взмолился, чтобы меня пронесло. Как можно тише я поднялся с кровати и начал собирать по темной комнате одежду, параллельно придумывая оправдания.

Шебуршание, которого я не мог избежать, разбудило мою бедную Вренну, и я увидел отсветы фонарей в ее удивленных глазах.

– Ты куда?

Я остановился, опустив руку с футболкой.

– Прости, прости, Вренна, я должен... – я сокрушенно опустил голову. – Я должен успеть домой до утра. Я должен – к жене. Прости, я женат!

Она медленно изменилась в лице, но ответила спокойно и сильно:

– Ну так я тоже замужем. Это ничего не значит.

Я опешил и чуть было не разозлился.

– За Джеком?

– Да.

– Но ведь... Мне показалось... ты была, ну...

– Ну да. У нас так – фиктивный брак.

Я уронил голову.

– Ну так у меня-то – нет! Прости, умоляю.

Я одел футболку.

Она сидела на кровати, закутавшись в одеяло, и тяжело смотрела на меня.

– Ты хочешь сказать, что я сейчас – эту ночь – была просто твоей любовницей? Ты изменял жене со мной и сейчас вернешься к жене и – забудешь меня?

– Нет, Вренна, – я опустил на одно колено и стал энергично шнуровать кроссовки. – Как я забуду тебя? Это ужас-

но, но я же теперь не смогу без тебя. Поэтому давай встречаться так часто, как сможем.

– Но к жене ты всё равно вернешься, – фыркнула она.

– Вренна... – я поднялся на ноги, готовый накинуть куртку и уйти. – У меня ребенок! У меня дочке три месяца – и тут ты! Что прикажешь мне делать?!

Чёрт | 10

В начале ноября в нашем Доме появился еще один постоялец и наш общий старинный друг, Якобс. Прозвище – в честь марки кофе, которую Якобс ненавидел, как и любой другой растворимый кофе, так как пил только молотый, заваренный в джезве с правильным диаметром дна и всё такое. Вначале я подумал, что его приезд разрядит атмосферу, потому что теперь, когда уехала Вренна, мне снова стало сложно сдерживать себя по отношению к Мекс – но не тут-то было.

Он подъехал на алом внедорожнике, взметая снег и сея панику в наших параноидальных сердцах. Мы с Артуром неподвижно стояли у окна, с ужасом наблюдая, как некто приближается к нашему тайному убежищу. Но автомобиль затормозил возле Дома, и из него вышел чертовски знакомый невысокий субъект с ежиком русых волос и характерной размашистой походкой.

– Да ладно. Это он? – изумился я.

– Черт, да! – радостно усмехнулся Артур и поспешил на-

встречу гостю.

После шумных объятий и взаимных удивлений Якобс начал обычную песню:

– Джеккимор, а ведь я так и думал, что встречу тебя тут! Спорим, не угадаешь почему?

Я фыркнул.

– А чего тут долго думать? Увидел меня по ящику, и решил, что я здесь.

– А вот и нет.

– Ой, не завирай!

– В дом пойдете, чего мы на морозе, – усмехнулся Артур. – Расскажи лучше, как сам? – обратился он к Якобсу.

Тот начал в красках описывать всякую белиберду, но сбился, стоило нам встретить в коридоре Нику.

– Мекс таки превратилась в черную кошку? – с задором уточнил он, проводив зверька взглядом.

Я засмеялся, а Артур чуть закатил глаза.

– Мекс скоро подойдет.

– А... А спорим, когда она меня увидит – отреагирует совершенно повседневно, будто я каждую неделю заезжаю? – он с надеждой посмотрел на нас.

– Может, и так, – Артур пожал плечами, и Якобс перевел просящий взгляд на меня.

– Ладно, – сдался я, качая головой.

– Кто проиграет – выливаем на голову ледяную воду! – возликовал Якобс. – Лады?

– Ох.

– Яков, когда ты уже перестанешь быть таким ребенком? – поинтересовался Артур, опускаясь на диван в верхней гостиной.

Спорщик беззаботно пожал плечами.

– Иногда я спорю о чём-то серьезном и на что-то серьезное. Тогда мне не до ребячества. А сейчас – почему бы нет, а? – он плюхнулся между мной и Артуром и закинул руки нам на плечи. – А знаете, я ведь почти окончил свой главный спор с сестрой, о гибели отца. Я в курсе, где добыть точные доказательства – так что дело за малым.

– Постой, а разве ты не решил уже эту проблему – пару лет назад? – нахмурился Артур.

– Не, Арчи, тогда показалось. Теперь точно решу. Теперь она у меня попляшет.

Под цоканье каблучков к нам поднялась Мекс – в кровавом шелковом платье и с бутылкой пряной мадеры.

– Привет, мальчики, – она поставила вино на столик возле нас, и я, конечно, остался совершенно невозмутим, когда при наклоне сверкнуло откровенное декольте. – Якобс, рада тебя видеть.

– И я тебя, милая ведьмочка.

Я опять остался невозмутим, если не считать вскипающей бури.

Мекс отправилась к стеллажам за бокалами, а Якобс пихнул меня в бок и самодовольно ухмыльнулся:

– Ты проиграл. Кто несет ведро воды?

Я случайно испепелил его взглядом.

– С каких пор ты разучился достойно проигрывать?

Я отвернулся.

– Не прямо сейчас.

– Эй, а когда? Сейчас надо!

Мекс звякнула хрусталем о стол и села возле Артура на поручень дивана.

– Чего не поделили? – невинно поинтересовалась она.

– Да мы вот поспорили, – с готовностью начал объяснять Якобс, – о том, как ты на меня отреагируешь. И Джекки проиграл, а теперь не хочет платить.

– Ты всё споришь, Якобс, – она покачала головой.

– Ну разумеется. Жизнь не жизнь без спора! – он оглядел всех. – Ладно, видимо, за водой иду я. Кажется, где у вас тут ванная я еще не забыл.

Когда он вышел из комнаты, я громко вздохнул. Мекс любопытствовала насчет деталей спора – я рассказал.

– Хочешь, – предложила она, – я скажу ему, что моя реакция была более чем удивленной, просто я так выражаю эмоции?

Артур настороженно поглядывал на нас. Почему, интересно, он не срывается на Якобса, когда тот позволяет себе фамильярности по отношению к Мекс?

Я пожал плечами и отмахнулся:

– Ай, это нелепо.

– Любопытно, – заметил Артур, – связано ли это как-то, что все мы – кто мог – съехались сюда одновременно?

Мы согласились, что это любопытно.

– А еще любопытно, – улыбнулась Мекс, – как там Вренна. Ты не созванивался с нею?

Я покачал головой.

Вошел Якобс, без воды.

Осмотрев его, я скептически поинтересовался:

– Коромысла не нашел?

– А, я подумал, – он усмехнулся. – Прощаю тебе долг.

– Хо, с чего это такая щедрость? Непохоже на тебя.

Он пожал плечами, сел на свое покинутое место между мной и Артуром и объявил, поднимая бокал:

– За встречу?

–

Мы продержались вместе чуть больше недели, и за это время успели несколько раз передрасться, точно мальчишки. Якобс вносил дуновение хаоса в любую компанию и при любых обстоятельствах. Что уж говорить о таких безумцах, как мы...

Около часа назад Мекс поспорила с ним, что из морского залива, омывающего юго-восток Дома, удастся сделать каток, и теперь ей нужно было пройти по тонкому льду, сковавшему воду. Артур, разумеется, допустить такого не мог и поэтому вместе с Мекс возился у берега, устанавливая на замерзшей поверхности разные грузики. Если лед выдержит

их, значит, Мекс победила, и рисковать здоровьем ей для этого не придется.

Кутаясь в куртки, мы с Якобсом наблюдали за ними с крыши.

– Не хочешь к ним присоединиться? – насмешливо поинтересовался он.

Я фыркнул.

– Ты ведь тоже не пустил бы ее на лед.

Внизу на секунду вскипело движение, Артур и Мекс отшатнулись от тяжелого нагромождения, созданного ими, но оно удержалось. Якобс усмехнулся.

– Надо таки придумывать желание. Вот ты бы что ей загадал?

Я смерил его косым взглядом.

– Чтоб остригла когти своей кошке.

– Пф! Гений. Вообще, не понимаю, как ты живешь с ними. Ты же сохнешь по ней с первого дня как увидел. Ладно, уступил девушку другу – это еще можно понять. Но жить с ними под одной крышей? Что за... – и он привел затейливый термин из сексологии.

– Я здесь не так давно, как ты думаешь.

Я мельком вспомнил ту нежданную ночную встречу на этой самой крыше.

– Кстати. Почему это ты ни разу не удивился, что я жив? Вам всем ведь, вроде как, сообщили о моей смерти да еще и фотки какие-то показали, нет?

Якобс посмотрел сквозь меня.

– Возможно. Прости, я плохо фиксирую то, что не связано с моими пари.

Я потерялся на пару секунд, искренне задетый. Потом проглотил это.

– Бывает.

Лед под нестройной конструкцией дал трещину и с хрустом и воплями разломился. Мы резко обернулись, но Мекс и Артур стояли на берегу целые и невредимые, разве что обрызганные.

– Всё, – объявил Якобс и подмигнул мне. – Так и быть, загадаю твое желание.

– И всё-таки, Джек, – обратился ко мне Якобс вечером того дня, после небольшой потасовки, устроенной мною и Артуром. – Я не понимаю, как ты тут живешь.

Я фыркнул, разглядывая разбитые костяшки пальцев – результат моего промаха и встречи кулака с дверным косяком.

– Я собираюсь закончить свой спор с сестрой. Не хочешь со мной поехать?

Его голос показался мне необычно напряженным, будто он действительно пекся о том, каково мне здесь – каждый день видеть Мекс...

Я пожал плечами.

– Когда, куда?

– Э, ну... Я планировал тронуться послезавтра...

– «Тронуться»? – я насмешливо оборвал его, и Якобс

нервно засмеялся. Я недоуменно вскинул брови: – Ты врешь что ли? Чего ведешь себя так неестественно?

– Пф! Да, конечно, на самом деле я пытаюсь выпроводить тебя, чтобы потом избавиться от Артура и замутить с твоей рыжей пассией, – он криво усмехнулся. – Чего неестественного-то? Что, по-твоему, естественно?

– Для тебя? Естественно только спорить, – я откинулся на спинку дивана. Под действием легкого наркотика, витавшего сейчас в комнате, мысли не задерживались подолгу на чём-то одном, и, отвлекшись от разговора, я снова думал о книге, которую пытаюсь писать.

– Только? – возмутился Якобс. – А есть, спать, трахаться – неестественно?

Я с трудом уловил, о чём он, и улыбнулся:

– Разве что на спор. Да успокойся ты уже, хватит к словам придирааться.

У моего летчика наклеивалась романтическая сюжетная линия, которая совсем не вписывалась в изначальную идею. Нужно как-то невзначай упомянуть ее и... Но это же не может не повлиять на него. Хотя, с другой стороны, развитие персонажа...

– Ну так что ты думаешь, Джек?

– А?

– Поедешь со мной?

– Разделяться с твоей сестрой? Слушай, да простил бы ты ее уже.

Якобс слегка помрачнел.

– Там и разберемся. Едем?

– Да что ты?.. – возмутился я. – Завтра я тебе скажу. Лучше дай ноутбук.

–

Уезжать мне не хотелось. Мне давно не было так уютно и спокойно, как в этом Доме. Единственное, что не давало мне покоя – неизвестность по поводу Вренны, и я даже звонил ей несколько раз, но она сбрасывала или отделялась односложными ответами.

Я бы наверняка остался (тем более что и ноутбук в дороге будет почти не зарядить), если бы к настойчивым уговорам Якобса не присоединился Артур. Тогда в мой мозг забралось правдоподобное подозрение: это Артуру чертовски некомфортно жить шведской семьей. Но самому прогонять меня как-то неудобно – друзья же всё-таки. Вот он и попросил Якобса увезти меня под каким-нибудь предлогом. Поэтому Якобс и мялся так нелепо...

И я быстро согласился с неуверенными аргументами Артура.

Мы выезжали в десять утра, в субботу, прорывая носом автомобиля мокрый чистый снег вокруг Дома. На прощанье я стрёбовал с Мекс локон волос, вызвав тем самым очередную вспышку гнева ее благоверного, и в притворной панике спрятался от этого гнева на пассажирском сиденье.

Я перебирал красные шелковистые волоски, а Якобс слева

от меня вальяжно рулил.

– Фетишист, – шепнул он, пихнув меня локтем.

– Не, лучше говори чернокнижник, – усмехнулся я, не отрываясь от локона. – Мало ли, что я ними сделаю.

– И что же?

– Не знаю пока. Но прядь чужих волос – это же всегда полезно?

– Кажется, ты слегка заразился их безумием. Красный маг, Огненная ведьма – а ты кто будешь?

– Каннибал-людоед. И волосы в качестве приправы, – я запнулся о собственные слова и скривился. – Будем считать, что я этого не говорил.

Когда мы подъезжали к Штаман-Рейну, и за рулем уже несколько часов был я, заснеженный силуэт города заставил меня думать о Вренне. Нашла ли она своего принца? Как он встретил ее? И что выйдет из всего это?..

Ох и проклинала она меня наверное... – я усмехнулся. – Но не я придумал этот фокус, я лишь сгримасничал, если можно так выразиться. Когда пять лет назад у моих родственников наконец кончилось терпение, и они решили укротить моё свободолобие и отвадить меня от праздных прогулок и общения – они поручили это Алите, так как она была и есть мой непосредственный «надзиратель».

Но я знал небольшую тайну Алиту – вернее, две тайны: небольшую, по имени Вадим, и большую, по имени Алексей – и она не могла угрожать мне. С другой стороны, оста-

вить всё как есть она также не могла, потому что ее непосредственный «надзиратель» – Мморок, и он бы определенно заметил, что его приказ не выполняется. Пострадали бы все.

Мы с нею трезво поразмыслили, и она предложила такой выход – я действительно обрываю контакты со своей дружной компанией, а она сообщает Ммороку, что они мертвы. Объясниться с дружной компанией я не успел, и она, как и подобает друзьям, обеспокоилась моим внезапным исчезновением и предприняла всяческие поиски. Это не могло не привлекать внимания, и в какой-то момент Мморок бы явно обнаружил, что они живы-здоровы. Поэтому Алита – со свойственной ее юности кровожадностью (Вренна и не представляет) – взяла старую видеозапись убийства, сделала серию фотоснимков изуродованного трупа, добавила несколько моих фотографий и отправила в конверте в Дом с издательским замечанием о бессмысленности дальнейших поисков.

Мне же, когда я осел у Вренны и периодически посещал светские ужины у кузенов и тетушек, не уставали напоминать о гибели моих приятелей, так что я и сам засомневался и иногда с трудом подавлял желание отомстить сестрице.

В итоге такая возможность представилась – правда, отыгрался я на Вренне. А она в ответ едва не свела меня в могилу. Такие вот мелкие семейные дразги.

Я широко зевнул и с усилием сосредоточился на дороге,

на которую начинал слетаться мокрый снег.

– Знаешь тут хорошие гостиницы? – неожиданно громко прозвучал вопрос Якобса.

– А разве мы не к твоим?.. Ну да, есть тут парочка.

Я снова зевнул и обогнал тащащуюся впереди фуру.

Первая из хороших гостиниц, где я останавливался прежде и в которую мы заглянули сейчас, оказалась запертой и словно обесточенной. Как и большинство домов вокруг. Мы поехали в центр, но и там многие отели были безжизненны. Наконец одна из гостиниц руками швейцара открыла перед нами свои двери, а девушка за стойкой регистрации, подозрительно осмотрев нас, ввела в компьютер данные из качественно подделанных паспортов.

Мы отправились в пустынный ресторан, заказали ужин, и я озадаченно осмотрелся.

– Где это все? Неужели конец света так близок?

Якобс фыркнул:

– Конец света?

– Ну, падение Договора, бесконтрольные кораблисты крушат всё вокруг, – я невинно пожал плечами.

– А ты, значит, антихрист?

Теперь фыркнул я.

Нам принесли пиво.

– Спать хочется, – констатировал я, отхлебывая пенистый напиток. – Какая у нас программа на завтра?

Якобс нахмурился.

– Ну, я позвоню, договорюсь о встрече с одним человеком... Спорим на подзатыльник, я первым опустошу кружку?

–

Всё следующее утро я пытался выяснить у Якобса, куда же мы направляемся и каковы наши планы, но он отвечал крайне туманно и уклончиво, а то и вовсе вместо ответа предлагал новый нелепый спор. Когда мне осточертела гостиничная койка, я заявил, что отправляюсь в город – бродить по памятным местам юности – и Якобс практически запаниковал.

– Что-то ты мутишь воду, – подозрительно буркнул я, но он быстро отмахнулся:

– Дурак, тебя же теперь каждый второй в лицо знает – по ящику же крутили. Да и в интернете. Лучше лишний раз не высовываться.

– Н-да, не лучший я компаньон. Так с кем мы сегодня встречаемся?

– А, старый знакомый моей сестры. Он подъедет сюда... где-то через час. Спорим, по пятому каналу боевик?

– Я-то откуда знаю? Достали твои бессмысленные споры. Я подключил ноутбук к розетке, поймал гостиничный вай-фай и решил наконец посмотреть, что же за информация обо мне гуляет по бескрайней сети.

Фотографии как фотографии. Кстати почти везде одни и те же. Море чудного бреда – от моей смерти в разные годы по разным причинам до гомосексуальности. Что за вздор?

Здесь же Вренна... Вроде выглядит точно как сегодня, а может и нет – за последние годы она совсем не изменилась. Даты публикаций в основном новые – ну правильно, пошла же мода. Только в каком-то интернет-журнале «Фогг» статья четырехлетней давности. С фотографиями. Теми самими.

Забавно, выходит, что мы с нею светимся в интернете уже не первый год, но миллионы увидели нас всего пару месяцев назад. Ну вот, уже не зря расстреливал кораблистов – стал звездой. Я мысленно фыркнул.

Посмотрим, что тут про нас пишут?..

В номер ворвался Якобс.

– Нужно!.. Пойдем, нам перенесли место встречи.

– Да? – я с неохотой закрыл ноутбук.

– Ага, собирайся, идем. Э... можешь взять ноут.

– Зачем? Мы что, сюда не вернемся? – я осмотрел разбросанные по комнате вещи и прикинул, сколько их собирать.

– Э... Возможно. Можешь взять всё.

– А ты?

– Э... и я могу... – он еще раз смущенно пробежал взглядом по комнате и неуверенно вышел.

Вместе с чемоданами мы вышли из отеля, загрузились в машину и поехали черт знает куда. Неадекватно напряженное и неловкое состояние Якобса забавляло меня, и я сидел, вальяжно раскинувшись на пассажирском месте. Неудивительно, – думал я, – он же собирается прикончить родную сестру. Мстительный придурок.

– Это что, место встречи? – изумился я, когда мы остановились у богемного клуб-бара «Фламинго», покинутого, как и добрая половина города.

– Идем.

Якобс открыл багажник.

– Зачем нам с собой чемоданы?

– Э... Ну да. Ни к чему, – закрыл багажник, включил сигнализацию. – Идем.

Дверь оказалась незапертой, и мы медленно вошли в едва теплый полумрак «Фламинго».

– Здесь... где-то должен быть путь в подвал, – хриловато и боязненно сообщил Якобс.

Мы прошли мимо пыльных столиков и высоких кресел с вычурными спинками, заглянули за несколько тяжелых бархатных драпировок, обнаруживая там будуары, взломали служебную дверь и по затхлому коридору добрались до крутой узкой лестницы без перил.

– Такое несоответствие, да? – громко прошептал я, но Якобс молчал. – Ну, я про навороченный зал и такие старые ступени и всё тут...

Открывшийся нам вид подвала только подтверждал мои слова. Черeda тускло освещенных комнат (Якобс включил мерцающий свет), заваленных допотопной утварью и инструментами, выющиеся по стенам провода и трубы, чьи-то тонкие лысые хвосты, мелькающие по углам.

– Отличное место для убийства, – невольно заметил я и

прикусил язык, отхваченный внезапно проснувшимися опасениями.

Я слышал дыхание и шаги Якобса справа и чуть сзади от себя и с трудом заставлял себя не оборачиваться. Наконец он обогнал меня, и мы свернули налево. Прошли по крошечному-черному коридору, снова вынырнули в свет, опять свернули... И я совершенно ясно увидел, как Якобс резко обернулся ко мне, как блеснул его мокрый лоб под веером ярких волос, и ко мне полетела рука с пистолетом.

По голове разнеслась звонкая боль от удара. Я потерял связь с телом на долю секунды, но упасть не успел, и, покачиваясь, отступил на пару шагов.

Несколько секунд мы в напряженном изумлении пялились друг другу в глаза. Потом он сообразил, что я вот-вот приду в себя, быстро свалил меня на пол, подтащил куда-то, и я услышал, как сзади, на моих руках, щелкнули наручники.

Еще некоторое время – может, полминуты – я блуждал взглядом по темноте, потом закрыл глаза, ударяясь всеми чувствами о неожиданное предательство. Пытаясь отделаться от чувства нереальности. Пытаясь пересмотреть свое положение на новом координатном поле.

Не получалось.

– И что это значит? – спросил я, скривившись от головной боли, вспыхнувшей с новой силой при звуках моего голоса.

– Уж прости. Такой был спор.

Вот как. Мозаика начала складываться.

– И... ты проспорил? Или спор о том... сможешь ли поймать меня? – с долгими паузами продолжил я.

– Проспорил. Долг для меня святое, ты знаешь.

Я не видел его. Ни лица, ничего. Судя по голосу, он стоял где-то за мной, а теперь, судя по звукам, сел.

– И, – главный вопрос, – кому ты... проиграл?

Якобс молчал. Паршиво.

– Ну, там долгая цепочка... В общем, можно сказать, что твоим...

Меня накрыло тошнотворной волной, и когда она схлынула – запульсировала голова, по телу пробежала спазматическая боль, осталась в сердце. Несколько его ударов отдались по всему телу, затем оно просто ныло. Иногда чувствую себя дряхлым стариком.

Я молчал, мысленно прокручивая короткий диалог. Что ж, я должен был ожидать подобного... Игрок вроде Якова ни перед чем не остановится. Глупо обвинять его в чём-то: он никогда не скрывал своей сути.

– Джеккимор?

Я заставил себя откликнуться: «Что?»

Послышалось шебуршание – он встал – шаги, и вот он высится надо мной. Сел на корточки, так что наши лица оказались на одном уровне.

Черт подери, на его физиономии был самый обыкновенный для него задор, и больше ничего! Я мысленно взвыл, но продолжил невозмутимо, насколько мог, смотреть на него.

– Предлагаю спор.

Я не выдержал этого и отвел глаза. От ударов сердца снова расплзались круги боли, как от капель.

– Спорим на твою свободу, что ты отгадаешь слово, которое я загадал?

Я проклял вселенную и пожелал провалиться куда подальше, прежде чем понял, в чём суть.

– То есть, – сипло уточнил я, – я ставлю на то, что не угадаю?

– Точно, – его глаза по-кошачьи светились. – Я загадал, можешь называть своё.

Я успел мысленно перебрать варианта четыре, а затем понял, что, в общем-то, от слова тут ничего не зависит.

– Тарелка, – сказал я.

Якобс вздрогнул и захохотал, так что я едва не лишился сознания – от громогласности его смеха, бьющего по моей раненой голове, и от выющегося внутри страха, что он просто издевается надо мной.

– Охренеть как близко, – отсмеявшись, пораженно заявил Якобс. – Я загадал рюмку, – он выжидательно посмотрел на меня, но мне было не до смеха. – Просто понимаешь, о тарелке я тоже думал, но в итоге остановился на рюмке, – всё равно не до смеха. – Ладно.

Он поднялся, быстро обошел меня и стал возиться с наручниками.

– Ты выиграл, – скорее сам для себя констатировал он. –

Теперь у меня два противоречащих долга, которые нейтрализуют друг друга, так что я могу...

Наручники один за другим наконец щелкнули, и я смог посмотреть на свои драгоценные руки.

Якобс помог мне подняться, я подозрительно покосился на него, и мы пошли обратно по мрачному лабиринту.

– Поразительно, – сказал я, медленно отходя от шока. – Пистолет, наручники – ты всё это время носил их с собой?

– И впрямь поразительно, – ответили мне из темноты, но не Якобс – он замер у меня за спиной, и я, похолодев, тоже остановился.

В освещенную часть коридора выступили пятеро мужчин – с интеллигентными лицами, в джинсах, расстегнутых куртках, шарфах... но их взгляды явно давали понять, что внешность обманчива.

– Впрочем, нас предупреждали, что возможно такое развитие событий, – продолжил говоривший, непринужденным движением руки доставая из рюкзака за спиной укороченный автомат. – Господин Яков Гельман, оружие на землю, пожалуйста.

Дорога к сердцу | 11

Часы напролет я рассказывала Лени обо всём, что происходило со мной после нашего с ним расставания, всё время сбивалась, скакала по времени. В какой-то момент мы кос-

нулись совсем недавних событий – моего пребывания в гостях у друзей Джека, и в том числе моего дня рождения.

– Что? Постой! – опешил Лени. – Тебе восемнадцать?

– Ну да.

– Но... то есть... Тогда тебе было?.. – он смотрел на меня с необъяснимым ужасом, и мне стало не по себе.

Я развела руками.

– Четырнадцать? – наконец выдавил он.

– Ну да, – я нахмурилась в недоумении. – А когда впервые увиделись – тринадцать. Я же тогда как раз ко дню рождения готовилась, помнишь?

У меня душа ушла в пятки от того, как исказилось его лицо при этих словах.

– Да что не так? – прошептала я, беря его за руку – рука дернулась в бессознательной попытке отстраниться от меня, но он сдержал этот порыв и через силу улыбнулся мне – отчего мне стало еще более неуютно.

– Просто, – он облизнул губы, глядя на меня широко распахнутыми немигающими глазами. – Это означает, что... ты была совсем ребенком. Я думал, тебе никак не меньше шестнадцати, – он запнулся, словно ему перехватило дыхание, и опустил взгляд. – Выходит, я *совратил* тебя.

– Совратил? – я будто попробовала слово на вкус – и оно оказалось из ряда вон. – Да у нас же ничего не было.

Он сверкнул глазами:

– Я бы не назвал те поцелуи «ничем».

– Я бы тоже, Лени! Я!.. Они очень много для меня значили, правда, ты не представляешь, сколько я их вспоминала, – я закрыла глаза, чувствуя, как заливаюсь краской. – Но... «совратил»? «Была ребенком»? Нет, Лени. Иначе бы ты не воспринимал меня как девушку, не так ли?

Он оставался мрачен и в чём-то винил себя.

– Слушай, да что значат эти цифры? Я уже в одиннадцать лет неплохо так целовалась с Джеком и...

– Что?

Что-то во мне оборвалось – и в нём, кажется, тоже.

Мы с ужасом смотрели друг на друга. Его взгляд постепенно чернел и пустел, наливаясь ревностью – а я чувствовала, как к глазам подступают слезы. Потом – через эти слезы – я разозлилась и фыркнула:

– И что ты притворяешься, что не видел нас и не знал? Ты вообще женат!

Еще две или три секунды он пронзал меня страдальческим взглядом, но затем мои слова подействовали, и он отвел глаза.

Но на меня уже нашел кураж, и я не спешила останавливаться:

– Ты же и любишь ее, небось – раз женился! Спишь с ней каждую ночь, да, как подобает порядочному мужу? Сейчас со мной, а через полчаса с ней, да?!

– Если тебя это успокоит, – пробормотал он, не глядя на меня, – я женился по залету.

Я внутренне побушевала еще немного, да и затихла – мне было слишком страшно потерять его еще раз.

Мы долго молчали, каждый думая о чём-то своем. Слышался шум ноябрьского ветра за окном, телевизор в соседнем номере... Мой взгляд блуждал по его красивым рукам с квадратными ногтями, по мягкому полосатому свитеру, по светлым волосам...

– А сколько ему лет? – тихо спросил Лени. Я подняла голову. – Джеку, – пояснил он.

Я задумалась на секунду.

– Двадцать пять.

Он взял мою руку и начал перебирать пальцы.

– А как ты думаешь, сколько мне?

Я внимательно посмотрела на его лицо. Он выглядел старше Джека. Вообще, он ужасно постарел за эти четыре года. По лбу пролегли две тонкие вертикальные морщинки, у правого виска вилась одинокая седая прядь, и все грани лица казались тверже, взрослей.

– Тридцать? – осторожно предположила я.

Он печально кивнул:

– Двадцать семь. Все дают больше.

Мы снова замолчали.

Я вспоминала те безумные, накаленные минуты, когда Лени видел нас с Джеком, когда...

О, как много они, видимо, значили для моего будущего – для того, кто я! Страшно подумать, ведь если бы хоть что-

то пошло тогда не так – Лени не пришел бы, или не попался кораблистам, или я не заметила бы его, или мне не удалось бы обмануть Джека – и я была бы сейчас совершенно другим человеком. Мало того! Если Джек говорит правду, и его «теракт» – своеобразное извинение передо мной, то это могло бы повлиять на судьбу всего мира!

Но эта мысль мелькнула во мне вспыхнувшим астероидом и угасла, и я нырнула с головой в свое прошлое – в центральный зал Гвоздя.

Эта была наша вторая встреча, и я просто умирала от стыда, представляя, что он должен был чувствовать тогда, и как всё это выглядело с его точки зрения.

За две недели до этого, когда я развешивала по этому самому залу воздушные шарики, я обернулась, чтобы взять скотч – и увидела его. Лени.

Я уже говорила, что это невозможно передать словами. Я даже не буду пытаться подбирать эпитеты или определения.

Просто – бесконечные годы до этой встречи единственным свободным (не связанным, не окровавленным, не орущим, не умирающим) человеком в моей жизни был Джек. И хоть он и был моим женихом, хоть и вел себя со мной весьма развязно, явно собираясь в скором будущем стать мне мужем не только по бумажке – никаких романтических чувств я к нему не испытывала. А романтики мне хотелось, вероятно, как любой девочке в тринадцать лет. К тому же Джек, режиссируя мое развитие, не скупился на любовно-эротиче-

ские романы.

И вот, посреди этой тьмы, этого затворничества, нарушая все мои представления о том, *как должно быть*, появляется красивый молодой мужчина, будто не знающий, что здесь он – жертва. Он улыбается, шутит, заигрывает со мной и, в общем, чувствует себя абсолютно в своей тарелке.

Мы провели вместе несколько часов, украшая зал, и это было настолько немислимо и незабываемо, что я даже сомневалась в реальности происходящего.

Когда он сказал, что пора уходить, я вызвалась провести его до самой границы, а там мы остановились и еще долго не могли разойтись.

– Может, пойдешь со мной, принцесса? – улыбнулся он, поведя рукой в сторону города.

– Мне нельзя...

– Тогда, может, позовешь меня на свой день рождения?

Я засмеялась смущенно и, кажется, ужасно покраснела.

– Я была бы... счастлива снова увидеть тебя...

Он просиял.

– Вренна... – меня, разумеется, прошибло электричеством, когда он назвал меня по имени. – Ты даже не представляешь, какая ты... настоящая! Не знаю, как такое возможно, но в тебе больше души, чем в большинстве девушек, которых я знал.

Возвращаясь домой, я не шла, а плыла, не замечая ничего вокруг, а потом весь вечер порхала по замку, окрыленная...

Но уже на утро я пришла в отчаянье, осознав, что мы не можем быть вместе и что вряд ли даже увидимся еще хоть раз. Тогда я долго плакала, но приехал Джек, заранее подарил мне электронную арфу с мощной акустической системой, и сердечные переживания отошли на второй план.

Теперь пара слов о любом празднике в традиции Венгеделей. Разумеется, он не обходится без жертвоприношений. Есть несколько классических методов убийства, и самым пафосным из них является извлечение сердца. Сердца у людей довольно надежно защищены ребрами, и вырезать их простым ножом не слишком удобно. Поэтому мы используем старинные аналоги аппаратуры, которая сейчас применяется при пересадке сердца. Две металлические пластины загоняются между ребер, пробивая хрящи, закрепляются там и с помощью специального механизма медленно вручную раздвигаются. Для человека со средней шириной грудной клетки расстояние между ребрами должно получиться сантиметров двенадцать. При грамотной и аккуратной работе на этой стадии жертва еще вполне жива, в сознании и даже крови потеряла немного. Затем, когда дорога к сердцу открыта, оно выдирается клещами или – в идеале – голый рукой. Я так никогда не делала, но Джек пару раз при мне пачкал руки.

И последний этап этого ритуала, который в наши дни не выполняет, кажется, никто – съесть это сердце сырым. Безумие: его же ни прожевать, ни переварить! Поэтому традиционно полагается отдавать эти свежие сердца кораблистам на

какую-нибудь быструю готовку и затем съесть. Но для меня Джек придумал другой подход. Если жертвоприношения приурочены к праздникам, а праздники должны радовать, то пусть завершением ритуала будет мороженное или тарелка мандаринов, которых в обычные дни мне не получить.

Итак, мне исполнялось четырнадцать. Центральный зал был заново украшен кораблями (мои шарики за две недели почти все поникли и сдулись), между колоннами сверкали хрустальные шестиугольники маленьких столиков, ломящихся от сладостей и фруктов. Ближе к середине огромной комнаты стоял длинный обеденный стол с официальными мясными блюдами. Изысканного вида кораблисты играли джаз на импровизированной сцене в углу. А в самом центре зала раскинул лепестки величественный Каменный Лотос.

Тонны крови, разлитые за века на этом рукотворном цветке, не испортили изящество резьбы, а миллионы сердец, наколотых на шип, торчащий из сердцевины наподобие пестика, не убавили его остроты. К каждому из восьми лепестков кожаными ремнями был пристегнут человек (верхняя часть туловища у всех обнажена). Так как шум и крики мы с Джеком не любим, мы приказали обеззвучить их, в результате чего некоторым залепили рот изоляцией, а некоторым, не церемонясь, вырвали язык. Какими соображениями руководствовались кораблисты, применяя тот или этот способ обеззвучивания, я не представляю.

То, что Лени был одним из тех несчастных, я узнала лишь

через час (а то и больше) после начала «торжества». А вплоть до этого мы с Джеком чудно проводили время. Я соскучилась по нему за месяцы, что он был в отъезде, и хоть его взрослые поцелуи и не приносили мне удовольствия, праздник они нисколько не омрачали.

Господи, мне страшно подумать, как всё это выглядело для Лени! Сначала он узнает, что приглашен на день рождения не в качестве гостя, а в качестве обеда. Потом девушка, к которой он явно очень равнодушен (иначе б не пришел!) на его глазах лижется с каким-то ублюдком. И, наконец, они на пару в течение четверти часа методично и безжалостно извлекают сердце женщины через лепесток от него!

После всего, что он пережил в моем Замке, неудивительно, что у него поседела прядь и что он выглядит старше своих лет.

Когда я наконец заметила его – это было словно удар электричеством. Я запаниковала. Даже то, отпустить его или нет, не было однозначным: потому что – ну как, ведь я должна убить всех восьмерых. Но он пришел якобы по моему приглашению... Разве я способна на такую подлость?

Но это было не единственной проблемой.

Джек. Он ни за что не поймет и не разрешит мне его отпустить.

Я испугалась пришедшей мне в голову идеи, попыталась отогнать ее, но идея была настырной. И с каждой секундой казалась всё более и более разумной.

Джек отошел к хрустальным столам, взял что-то в руку и обернулся ко мне:

– Иди сюда. Или хочешь отделаться от них и спокойно праздновать? – рука с гроздью винограда опустилась обратно к блюдам.

– Я... – я неловко шагнула к нему. – Джек, мне... Я теперь на год старше – взрослей, и... мы... могли бы...

Я рискнула взглянуть на него, и он медленно расплылся в улыбке. Окончательно отпустил виноград, приблизился ко мне, коснулся:

– Продолжай.

Я сглотнула, внутренне приходя в ужас, и кивнула на лестницу в конце зала:

– Может... пойдём наверх?

Пока мы поднимались, я мысленно приказала кораблистам следовать за нами, и, когда мы оказались у входа в мою спальню, толкнула Джека внутрь и оставила их держать дверь.

Времени у меня не было: Джеку не составит труда перебить мой приказ, поэтому я кинулась обратно в зал, судорожно распорол ремни на лепестке Лени, сказала ему бежать и мысленно запретила всем кораблистам Замка причинять ему вред.

Джек, когда он спустился в зал, был, разумеется, в гневе, ничего не понимал и, так как я ничего не объясняла, насупленно прячась по углам, вскоре уехал.

Удивительно, но Лени хватило безрассудства вернуться через несколько дней. А затем еще раз и еще...

Мы смотрели фильмы, разговаривали, описывали друг другу наши разные миры. Я объяснила ему, что Джек мой жених и одновременно дядя – он ужаснулся – я не поняла этой реакции. Он рассказал мне об аморальности и генетических последствиях кровосмешения, а я ему – о его необходимости для сохранения нашей власти над кораблистами.

Потом я, конечно, сказала, что вовсе не люблю Джека, что эти поцелуи – пустая формальность, такая же отвратительная, как и убийства. Ну да, я лгала, что якобы и то, и другое для меня душевная мука, но эта ложь была настолько естественной, что я сама ее почти не осознавала.

Таким же искренним и непосредственным был и наш первый поцелуй – и всё, что между нами было. И я была поражена, насколько головокружительными и нежными были для меня ласки Лени по сравнению с прикосновениями Джека.

...Когда он умер – когда Джек убедил меня в этом – всё мое существо переполнилось одним желанием – жадной мести. И такой удушливой, всепоглощающей ненавистью, от которой чернеет в глазах. Вся эта темная энергия оформилась в осознанное и твердое намерение во время нашей свадьбы. Я хотела смерти Джека. И спустя примерно год, после нескольких неудачных попыток, мне удалось его провести.

Якобы смирившись, якобы даже простив его, я наладила отношения и как-то утром предложила выпить вместе чаю...

предварительно разбавив его двадцатью белесыми каплями без вкуса и запаха (пузырек с ядом добыли для меня кораблисты). Я внимательно наблюдала за дорогим мужем, и не успел он допить свою кружку, как начал тяжело дышать и держаться за грудь. Он взглянул на меня напряженно и, видимо, всё понял по моему лицу.

– Я отойду...

Он поднялся из-за стола, достаточно уверенно дошел до двери, взялся за косяк и скрылся за стеной. Через пару минут я последовала за ним. Он лежал на полу, у стены, в нескольких метрах от двери и беззвучно корчился от боли.

Я подошла, остановилась над ним, наблюдая сверху. И тщетно ища в душе торжество или удовлетворение.

Сжимая зубы, Джек поднял на меня расширенные от боли зрачки. В его взгляде было всё, что я мечтала увидеть в такой ситуации: страх, мольба, злость – но это не доставляло мне удовольствия. Я ощущала преддверие пустоты, будто рану, сквозь которую что-то неуловимо ускользало от меня.

– Джек... – я опустилась на корточки возле него, и его взгляд оставался прикован к моим глазам. – Ты же отлично понимаешь, за что я так с тобой, – я пересела на колени, взяла его за руку, убрала прядь волос с его глаза. Мне начало щемить за ребрами от его неотрывного взгляда, от тишины, от того, как он мелко вздрагивал каждую секунду. Я наклонилась и поцеловала белый мокрый лоб. – Прощай, Джек.

Вопреки ожиданиям, у меня не было сил смотреть на это,

и я ушла к себе, оставив его умирать.

В конечном счете, доза оказалась недостаточной, но мучился он удивительно долго. Когда через несколько часов я спустилась, чтобы забрать тело, Джек был в точно таком же состоянии, как я его кинула – только более измотанный. Я не знала, что делать. Ожидание его смерти оказалось одним из страшнейших моментов моей жизни. Я плакала перед окном, когда внезапно заметила его автомобиль, отъезжающий от Гвоздя.

В следующий раз мы увиделись в Сплинте, когда он забирал меня оттуда в Картр.

Но прежде, до того, как мама увезла меня из Замка, в моем распоряжении были долгие месяцы одинокого размышления. И помимо всего прочего, я думала о том, что было бы, останься Лени жив. И с горечью приходила к выводу, что, вероятно, мы бы перегорели... ведь, если верить литературе, такая сумасшедшая влюбленность редко длится больше года. А учитывая, насколько отличаются наши жизни и как мало я знаю о нём (спросят, каким он был, а я и не знаю, что рассказать), наши чувства вряд ли прожили бы и месяц...

Это не было знанием или уверенностью. Просто ощущения, которые периодически посещали меня и опустошали до ноющей боли в груди.

Теперь, когда я сидела рука об руку с тем, кого несколько лет считала покойником, эта мысль вернулась ко мне – и вызвала настоящий ужас.

Я ведь и сейчас ничего о нём не знаю. Более того, он ведет себя совсем не так, как мне помнится и представляется естественным для него. Он чужой мне человек... И чего я надеюсь наверстать упущенное?..

Мёртвый рыцарь | 12

Кажется, мне еще удавалось сохранять мужество в первый день. Я просто не позволял себе думать обо мне самом, о том, что меня ждет. И я непрерывно беспокоился о Якове, спрашивал о нём, когда мне приносили обед и ужин, но эти молчаливые ублюдки не отвечали.

Кажется, мои родственнички нашли прекрасную замену кораблистам. Крепкие вымуштрованные парни в черно-белой униформе отлично справляются с ролью прислуги, особенно за такие деньги, какие Вентедели могут предложить.

Я замер с вилкой в руках и перестал жевать, внезапно осознав, где я. Права была Вренна, кулинарные изыски сводят на нет всякое различие между сортами мяса. Вот что это у меня в тарелке, скажите на милость? Вроде котлеты из домашнего фарша, то есть свинина и говядина – а может, и нет? И есть как-то сразу расхотелось, хотя раньше не заморачивался.

Так я и не доел обед. Когда забирали полупустую тарелку, снова допытывался, что же с Яковым. Но им, видно, запрещено говорить со мной.

К ужину я сильно проголодался, как что отсутствие аппетита не помешало хорошенько наесться. Впрочем, то, что мне предлагали, было не слишком похоже на обычную работу кораблистов. У тех что ни блюдо – то с изюминкой, каждое – небольшое произведение кулинарного искусства. То ли для заключенных у них особая кухня, попроще, то ли не подчиняются они больше, и в том числе не готовят, так чтостряпня людская. Но вот из чего она – всё равно вопрос. За правильные деньги человек человека зажарит и не всхлипнет.

Ночь была тяжелой. Я ведь еще думал, что смогу заснуть. Долго так, наивно, пытался. Но ночь – это вообще жуткое время...

Когда меня начали одолевать первые страхи, я решил – чтобы отвлечь себя, надо разобраться, что это за комната.

Морская Корона – чудное сооружение. Снаружи, как и все Замки, покрыта уродливыми наростами, но поверх – покрашена в белый, и еще мраморные колонны тянутся по ней ввысь, периодически трескаясь под давлением разрастающихся бугров. А внутри евро-ремонт. Кондиционеры. Спутниковая тарелка.

Комната, где меня заперли, была удивительно миниатюрной для такого здания. Три на четыре метра, наверное. Гостиные, в которых я жил здесь раньше, изредка заезжая, представляли собой многокомнатные квартиры с арками вместо дверей. И самая маленькая из тех комнат – совме-

ценная ванная – была, кажется, больше моей нынешней «клетки».

Впрочем, я зря жалуясь.

Вот в моем Замке есть настоящие темницы – в подвале, темные, жуткие, с решетками и орудиями пыток – господи, зачем я об этом вспомнил?!

А здесь – отличная комнатка... даже уютно... – я вдруг едва не задохнулся от приступа паники, но кое-как подавил его, включив холодную воду и побрызгав себе в лицо.

Тут была мягкая кровать, стол с парой стульев, диван, унитаз, раковина, душевая кабина, небольшой пейзаж на стене... Это и есть ванная, понял я. Ванную комнату с огромной джакузи преобразовали в тюремную камеру первого класса. Хотя, говорят, в Швеции... – меня снова ни с того ни с сего прошибло холодным потом.

Я опустился на кровать.

Перед глазами стояли сверкающие скальпели, и щипцы, и жгуты, и железная дева, и что-то, о чём я только читал. Вкрадчиво начинало ныть сердце.

Я вспомнил их крики, вспомнил как-то всё разом, одновременно – так и не подумаешь специально, а тут они едиными образом встали передо мной, во всей своей красе и со всеми подробностями – мои грехи.

Я медленно лег и уткнулся лицом в подушку.

Как же страшно. Всё это – ждет меня?.. Мморок хорошенько выберет, как мне отомстить. Мморок не хуже меня

разбирается...

Снова всплеск ужаса. Болезненной волной прокатывается по телу и парализует сознание. Господи, да со мной же никогда такого не было. Так бояться – бессмысленно, непродуктивно, это никак мне не поможет, и я никак не могу повлиять... такой страх – это слабость. Хватит уже. Имей мужество. Сядь. Они наверняка следят за тобой.

Я сел. И стал методично перебирать в голове разные пытки. Представляя всё в лицах. И стараясь не меняться в лице во время этих приступов.

Сценарии все были приблизительно похожие. И умерев раз десять от рук Мморочка, я, кажется, свыкся с этими ощущениями и переживал уже не так сильно. Но продолжал прокручивать всё это в голове. Я же много знаю. И физиологию, и статистику – ну, то есть, когда кричат, когда умоляют...

Ну вот, к вечеру второго дня я уже думал об этом с идеальным хладнокровием. Сердце, мучившее меня до обеда, угомонилось. Зато теперь я, кажется, начал чувствовать то, о чём думаю. Представляю гарруту – болит шея, вспоминаю испанский сапог – сводит ногу. Хотя вряд ли Мморочка опустится до таких средневековых методов.

Следующая ночь преподнесла мне еще один подарок. Страх смерти.

Вот я выдумываю, выдумываю, да – боль, муки – а дальше-то что? Я умру? И что будет? Исчезну? Как будто меня и не было, и не было и этого мира, потому что я не смогу

знать о нём, я ни о чём не смогу знать. Для меня ничего не будет, даже взгляда, даже мысли, пустота, отсутствие, небытие. Или ад? Вечные муки, вечное возмездие?

Я лежал на спине и тупо смотрел в черный потолок.

Я раньше и не думал о религии... Я раньше и не думал так глубоко о смерти...

Где-то на этом на меня снизошла благодать: я отключился. Разбудили новые миньоны – притащили завтрак. Чтоб их! Теперь мне точно не уснуть.

Поел. Мысли метались беспорядочно – всевозможные страхи. Всё тело болело. К горлу подступил огромный ком, и меня вырвало. Слабонервный!

Я весь день просидел на кровати, уткнувшись лицом в собственные ладони и что есть силы заглушая навязчивые мысли воспоминаниями – хоть какими. Это почти не помогало. В любом воспоминании мой мозг находил отсылку к предстоящему, и я снова захлебывался страхом.

У меня и так, вероятно, нестабильная психика, а теперь я сходил с ума окончательно. И я совсем не ел. Настоящий физический голод как будто напоминал мне, где всё-таки реальность. И отвлекал себя от дурных мыслей тем, что смотрел на полные тарелки и говорил себе: «Да, я голоден. И вот еда. Но я не подойду к ней. И не поем. Хотя я голоден. И вот еда. И ее скоро унесут. Но я не подойду к ней». Безумие.

На четвертый день, вскоре после того, как унесли нетронутый завтрак, ко мне зашел он сам. Мморок.

Как выяснилось, все мои старания были напрасны. Сколько я не представлял этого момента, сколько не готовился морально, а всё равно чуть не умер от холодного страха. Мморок сел рядом со мной.

– Ну что, зятек, как поживаешь?

Я, не мигая, смотрел в пол.

– Я смотрю, ты совсем не кушаешь. На вот, возьми, я тебе принес, – он достал пачку чипсов.

Я заставил себе моргнуть, повернуть голову и встретиться с ним взглядом.

– Ну? – сипло спросил я.

– Что ну? – Мморок улыбнулся и настойчивее протянул мне подачку.

Я взял и повторил, не в силах сформулировать нечто большее:

– Ну?

– Что, боишься, зятек?

Ну почему, почему всё так ярко и страшно, будто не было тысяч воображаемых диалогов? Господи, неужели сейчас – сейчас! – всё это начнется?! Да не может такого быть!.. Я едва сдерживался, чтобы не начать кричать и биться о стены.

Снова опустил дрожащий, наверно полоумный взгляд.

Иметь бы мужество не показывать страх, не терять рассудка... Кто бы мог подумать, что я окажусь таким слабым.

– Ну-ну, – он похлопал меня по плечу. – Ты это зря. Думаешь, я буду тебя пытаться? Думаешь, я мстительная сволочь?

Вовсе нет. От твоей смерти, сколь бы то ни было мучительной, баланс не выправится – к сожалению. А нам с тобой надо именно что исправлять твою ошибку, мальчик.

Я молчал, в общем-то, боясь поверить в услышанное.

– Нет, свое я, конечно, взял... да и возьму еще, если честно, но едва ли это сравнимо с твоими страхами, а? Я ведь знаю, фантазия у тебя богатая. И твой нынешний вид полностью подтверждает мои предположения: ты самостоятельно помучил себя лучше, чем кто бы то ни было вообще мог. Скажешь «нет»? – Мморок усмехнулся.

Я молчал. Неужели я настолько предсказуем? Да нет, наверно, тут какой-нибудь наркотик. Распространили газ по комнате... Кто знает.

– О, Дриммор, неужели я перестарался, и ты так и не обретешь дар речи? – оскалился он.

Нужно было что-то сказать. Я покосился на него и тоже – через силу – оскалился.

– Я просто не хочу перебивать вас, зятек.

– Ждешь, значит, когда я всё объясню. Что ж, поешь для начала – тебе сейчас принесут. А я зайду к тебе через час, тогда и поговорим. Ты как раз оклемаешься немного, я думаю.

Он снова похлопал меня по плечу, обнажил ряд шикарных керамических зубов и на этом оставил меня. Мне принесли обед, и я жадно поглотил его, а следом за ним и чипсы. Когда посуду унесли, я поймал себя на том, что с нетерпением

ем жду его, Мморока, возвращения. Мой психоз возродится, если этот ублюдок сейчас же не разъяснит мне всё.

Но он сдержал слово. Вновь явился ко мне, уселся с важным видом за стол, локти разложил. Я сел напротив.

– Ладно, Дриммор, ладно, – примирительным тоном начал он. – Скажи, вот как бы ты сам попытался решить сложившуюся проблему?

– Проблему?

– Хе. Разве тебе еще не приходилось сталкиваться с *их* агрессией? Хорошо спрятался в человеческом мире?

Я невольно усмехнулся и, видимо, настолько красноречиво, что Мморок понял – сталкивался. С *их* агрессий я уже сталкивался.

– Видишь ли, – продолжил он, – у нас осталась буквально пара недель. Затем они обретут полную свободу. И набросятся на мир.

– Как вы поэтично изъясняетесь.

– Зря язвишь. Это всё происходит по твоей вине, между прочим. Или ты рад?

– Счастлив, – фыркнул я.

– Неужели? Дриммор... Джек. Давай уже поговорим серьезно. Ты же в своем уме – по крайней мере достаточно, чтобы понимать... И потом, у тебя есть сердце – уж прости за «поэтизм». У тебя есть друзья, и они погибнут от рук кораблистов, если ничего не изменить. Это-то тебя должно волновать.

Я сдержал вздох. Чувствуется, он действительно много знает, и это не общие слова.

– Так как бы ты решал эту проблему?

– Ну, у вас уже, видно, есть какой-то план – так что к чему этот треп... Давайте, выкладывайте.

– Я хочу услышать твои мысли.

Я прокрутил эти самые мысли в голове. Нельзя это говорить... Но сил у меня не было. И промелькнула наивная надежда: может, с ним можно договориться? Может, он поймет мои идеи и поможет?

– Убить их всех, – просто ответил я.

Мморок засмеялся:

– Металлики наслушался? Убить всех кораблистов?

Я разозлился на себя, но решил уж досказать.

– Нужно уничтожить корабль. Здесь, в Морской Короне, центральный. Не знаю, что это, но... может, вы знаете?

Мморок сверлил меня своими бледно-голубыми глазами – одновременно и насмешливо, и внимательно. Было что-то странное в его взгляде.

Я продолжил, сам удивляясь, как сухо звучит мой голос. Я будто сам уже не верил в свои идеи – раньше я не мог говорить об этом без жара.

– Если убить корабль, они перестанут рождаться. А существующих мы как-нибудь да истребим.

– Корабль есть в каждом Замке.

– Но если убить в Морской Короне...

– Думаешь?

Передо мной снова забрезжила надежда. Он с таким серьезным видом, даже с участием делал эти уточнения и замечания...

– Думаю, – подтвердил я, понемногу загораясь. – Ведь Договор достаточно было заключить с одним только... Кораблем. Он правит всеми, без него они... потеряют волю и ослабнут. И даже если не перестанут плодиться, нам будет легко убить корабли других Замков.

Я встретился с ним взглядом. О черт, он насмехался! Меня прошило отчаяньем.

– Прекрасный план, Дримми. Но чем тогда станем мы?

– Людьми, – я развел руками.

– Да что ты? Боюсь, ненадолго, – он мрачно ответил на мой непонимающий взгляд. – Мальчик, если нас не казнит государство, найдутся маньяки, ты же понимаешь.

– Можно прятаться.

– Ты, наверно, так же думал и на мой счет, а? Однако как только ты мне понадобился, я тебя нашел, – он улыбнулся с притворным сожалением.

Я невольно закатил глаза и сдался – что толку ему что-то объяснять?

– Но кое в чём я всё же с тобой согласен, – продолжил Мморок. – Местный корабль действительно имеет ключевое значение. Чтобы исправить последствия твоей юношеской горячности, мы должны заново заключить Договор, – я хму-

ро покосился на него, и он усмехнулся. – Я расскажу тебе очередную версию нашей любимой легенды, хорошо? – я не возражал. – Когда наш дорогой предок пробрался сюда, в этот самый Замок, когда его армия сражалась с кишачими тут кораблистами, он стал обследовать здание и спустился в подвал. Разумеется, никаких лестниц тут тогда не было, но по структуре Замки всегда напоминали швейцарский сыр, так что разнообразных ходов и туннелей хватало. И знаешь, что он обнаружил на нижних ярусах? Давай, угадай.

Опять он за свое. Я молчал.

– Ты тысячу раз видел этот самый пресловутый Корабль. Ну же?

Я фыркнул, не утруждаясь даже мыслями по этому поводу.

– Это наши кристаллы, Дриммор. Их матка, их сердце. Вероятно, его уничтожение истребит их. Но это совершенно недопустимо. Родерик встретил – вернее, просто наткнулся, нашел – эти гигантские живые сталактиты. Вряд ли он что-то понял, но вышло так, что у них произошел контакт. В чём состоял Договор, ты знаешь. Но вот что любопытно: все дальнейшие истории, которые мы слышим – о другом Родерике, его сыне. Всё, что говорится о первом – кратко упоминаются похороны, а вся ломка в духе сбросить ораву кораблистов со скалы или оставить их служить и восстанавливать королевство – этим уже мучился Родерик-младший.

Я старался не поддаваться его вкрадчивому тону и не при-

нимать эти байки близко к сердцу, но тревога тем не менее нарастала.

– Как ты, я думаю, уже догадался, старший из тех двоих погиб в результате контакта.

Мморок красноречиво сверлил меня взглядом, но я почему-то с удивительным спокойствием проглотил эту информацию. Всё-таки не зря я терзался страхами все эти три дня – теперь, по сравнению с теми пытками, которые я выдумывал, какая-то абстракция в духе похищения инопланетянами вызывала скорее недоумение. Хотя, если он оставит меня с этим и уйдет, наверно я себя еще накручу.

Мморок, однако, предпочел иную стратегию, не менее действенную.

– Я зачитаю тебе рассуждения одного нашего предка по этому поводу, ты же не против?

Он достал из кармана сложенный лист А4, развернул, и я увидел там черно-белую копию старинной книжной страницы.

– А, не, это не то, – он отложил бумагу, порылся в кармане, достал красный телефон, ключи, угловатый темно-синий телефон, наконец нашел другой лист и спрятал всё лишнее, но я вцепился взглядом в его карман.

– А это, простите, не мой ли?..

Мморок неловко замялся.

Я настойчиво протянул руку. Он неохотно отдал мне второй, темно-синий.

– И Якова тоже, пожалуйста, – процедил я, крепко сжимая свой мобильник и протягивая вторую руку.

– Он не твой.

– И не ваш, тем более.

– Ладно, – Мморок нехотя вернул мне и красный.

Оба телефона были отключены – вероятно, разряжены – но совершенно нетронуты. Холод и тяжесть родного устройства, почти что питомца, растрогали меня, и я раскис. А Мморок между тем развернул бумагу с обычным напечатанным текстом – наверно, современной адаптацией той средневековой страницы – прокашлялся и начал:

– «Мы считаем трагичным беспамятство нашего рода, забывшего о той жертве. Мы так же хотели бы мысленно воссоздать те обстоятельства, при которых ушел великий Родерик Суан ван Вентедель. Задумаемся для начала, что сподвигло его на «беседу»? Могла ли это быть случайность, пустое любопытство? Мы категорически настаиваем, что нет. Находясь в тяжелом военном положении, Корабль должен был желать переговоров. Особым воздействием он сообщил Родерику Суану ван Вентеделю свою разумность и предложил «беседу». Тогда в теле Корабля разверзся ход, что напоминал водоворот в открытом море, и твердость его наружности сменилась живой материей неземного толка».

Я невольно прижал руку к виску, пытаюсь понять на слух этот идиотский перевод.

– «Обнажив свою кисть от доспеха, Родерик Суан ван Вен-

тедель проник ею в тело корабля, ибо только так возможно было общение. Но Корабль сообщил великому рыцарю, что этого мало. Тогда он снял и другую часть доспеха с руки, и погрузил ее глубже, но Корабль повторил сказанное. Так повторялось, пока Родерик Суан ван Вентедель не оказался целиком в живой материи Корабля. Тогда тот согласился на «беседу», но времени осталось мало. С каждым словом, что произносил великий рыцарь, материя, подобная воде, попадала в его горло вместо воздуха. В дюжину раз меньше часа они говорили, и мало было такого времени, чтобы всё правильно обсудить, но Родерик Суан ван Вентедель сумел. Но когда «беседа» была кончена, и Родерик Суан ван Вентедель покинул тело Корабля, его трахеи были заполнены густой влагой, и дышать он не мог».

Я поймал себя на том, что сконцентрировался на дыхании и отслеживаю каждый вдох, чувствуя какую-то мешающую слизь в глотке. Мморок остановил чтение, и я притворился – по возможности – что никакого впечатление его притча на меня не произвела.

Он долго смотрел на меня, потом невесело усмехнулся:
– Уж прости, зря я запугиваю тебя. Давай теперь вкратце по существу, и я не буду больше тебя дергать. Можешь считать это казнью, расплатой – чем угодно – хотя, на мой взгляд, в этом есть определенная честь, и не каждому дано так уйти.

В моем мозгу отпечаталось только слово «казнь».

– Ты заключишь новый Договор – такой же, как и прежде – и все будут слагать легенды о Дримморе Вентеделе. К сожалению, когда ты «войдешь» в Корабль, я никак не смогу влиять на твои... на вашу «беседу», поэтому предупреждаю заранее: если мне покажется, что Договор изменился, что ты пытаешься меня надурить – то во-первых, я знаю, где ваше уютное приморское гнездышко с садами на крыше, не говоря уж о Якове, который отдыхает в такой же камере на этаже ниже (не знаю, насколько тебя волнует его судьба). А во-вторых, следующим претендентом на эту почетную миссию будет твоя Вренна, ты понял?

Я опешил и, кажется, не смог этого скрыть:

– Ничего так, что она ваша дочь?

– Мы все тут родственники, – он демонически улыбнулся.

В конце концов, он добился своего – меня захлестнуло отчаянье. Он был абсолютно прав – даже учитывая всю неясность и мерзость этого загадочного и, вероятно, неотвратимого «контакта» – идея нового, собственного, Договора с кораблями взбудоражила меня. Это возможности, о которых раньше нельзя было и подумать, такой простор для мысли, такой шанс изменить мир! Пусть даже после меня... Хотя по правде, я не совсем мог себе представить мир без себя, и не углублялся в эту тему.

Наверно, у меня странно светились глаза, по мере того как я осознавал это, и Мморок решил заранее пресечь всякую попытку самодеятельности. И теперь получалось... я стою на

пороге бескрайних возможностей, до которых только руку протянуть – но я не двинусь с места и позволю тупо казнить себя, да еще и разрушу всё, чего сам добивался, потому что иначе – ну понятно. Просто если я хоть на секунду допускаю то, что «иначе» – то мне сводит душу.

И вот, передо мной бездна шириной полметра, за которой стена с красной кнопкой, и я рухну вниз, не нажав ее. И от этого сводит тоже...

Я вернулся к реальности, и обнаружил, что Мморок как раз выходит из комнаты. Я позвал его. Его лицо выражало отвратительное умиротворение.

– Могу я поговорить с Яковом?

Он задумался на пару секунд.

– Хорошо. Могу даже дать тебе какое-нибудь оружие для «разговора».

Когда он ушел, меня снова едва не вырвало. Во рту сидело солоновато-потное послевкусие чипсов, и меня мучило от всего происходящего, но кое-как желудку удалось сохранить в себе содержимое, чтобы то дало мне хоть какую-то энергию.

Якобса привели минут через пятнадцать, и, кажется, он выглядел значительно лучше меня. Но он был в наручниках, и вместе с ним мне вручили скучный охотничий нож. И оставили нас вдвоем в запертой комнате.

Я заглянул ему в глаза и увидел там, наверное, грусть.

Положил нож на стол, рядом с ним – дурацкий красный

мобильник, сел на кровать и закрыл глаза. Мне стало легче, оттого что он был здесь – мне было легче уже оттого, что он в принципе всё еще был – был жив. Но и просто не быть сейчас одному в этой комнате оказалось ужасно приятно.

– А откуда у тебя мой телефон? – спросил он через несколько минут. Я открыл глаза и увидел, что он сидит на столе, болтает ногами и, опустив голову, рассматривает нож и мобильник.

Я оставил без внимания вопрос и просто стал пересказывать всё то, что только что услышал от Мморoka. Якобс в отличие от меня не потерял чувства юмора и, в общем-то, отлично отжигал – и я впервые за четыре дня смеялся.

Потом нам принесли ужин и по моей просьбе сняли с Якобса наручники и – уже без моей просьбы – забрали у нас нож. Мы посмеялись над тем, что столовые ножи у нас всё равно есть.

Когда захотелось спать, я понял, что Мморок сейчас тоже потешается: ведь провожать Якобса в его камеру никто не собирался, а кровать тут была одна, причем довольно узкая.

У нас постепенно иссякал заряд, и сквозь шутки просвечивалась тоска. Мы пожалели, что нет травки или алкоголя, пожалели, что нельзя заказать доставку, попробовали включить телефоны – оба засветили экранами, но Якобсов умер на месте, а мой заплакал о своем энергетическом голоде. Поймал сеть и забулькал сообщениями от оператора о пропущенных вызовах.

Я сосредоточился. Несколько от Артура, несколько от Вренны, и десятки – с одного и того же незнакомого номера. Интригует. Мы переглянулись.

– Я заколюсь вилкой, если он, – я тряхнул телефоном, – съедет раньше, чем я дозвонюсь.

– А я, – Якобс тоже показал на мой телефон, – отомщу за тебя и утоплю его в унитаза.

Я кивнул – и нажал на вызов.

Гудок... гудок... гудок...

– Джек? – знакомый мужской голос.

– Да. Кто это? Телефон садится – что вы хотели сказать? – выпулил я.

– Э... Это Игорь. Я хотел сказать, чтобы ты и Вренна ни в коем случае не появлялись восьмого числа в Морской Короне, так как мы ее взорвем, вот.

Я завис. Нет, лучше сказать, я растворился в невротической бессмыслице.

– Эй, алло, ты здесь?

– Да, – я почувствовал, как по лицу расплывается дебильнейшая улыбка.

Видимо, что-то было подозрительное в моем голосе, потому что Игорь насторожился.

– Ты что, там?

– Да, – откликнулся я с тем же дебильным тоном и интонацией.

Я почти воочию увидел его нахмуренную озадаченную

физиономию.

– Да не парься, – сказал я, – взрывай.

Игорь молчал. Я позвал его – не помогло. Посмотрел на экран телефона – и увидел, что телефона у меня больше нет, а есть бесполезный прямоугольный камушек.

Якобс рядом со мной громко сглотнул.

– Слышал?

– Ага.

– Знаешь... – пробормотал он через минуту. – Они ведь всё равно меня в итоге бы убили, так что...

Я кивнул.

– Интересно, во сколько они взорвут, – заметил я еще через пару минут.

Весь сон прошел. Я сидел на кровати, прислонившись лопатками к холодной стене, и чувствовал, как по лицу расплзается нездоровая усмешка. Всё идеально. Если Игорь не успел услышать, что я здесь, или если они не придадут этому значения – что вероятно – всё идеально. Они всё же послушали меня...

И, закрыв глаза, я с блаженством представил, как искажается самодовольная физиономия Ммороча при первых отголосках надвигающегося взрыва.

Город-призрак | 13

I

Молочно-белые столбы снега застывали в воздухе почти

неподвижные, и казалось, если обернешься, увидишь позади тянущийся вдаль фигурный тоннель в форме своего тела, оставленный тобой при движении. Но Вренна не оборачивалась.

– Это красивая легенда, Лени – с улыбкой рассказывала она, бредя рука об руку с Леоном по полуденному вторничному бульвару, тихому и безлюдному, ведь все давно на работе. – О том, откуда взялись кораблисты. Никто точно ничего не знает, а единственный документ – летопись того времени – описывает всё больно чудно, чтобы этому верить. Но легенда правда красивая.

– Ну же, – с любопытством подгонял ее Леон, но Вренна не спешила переходить к сути дела, с кошачьим удовольствием погружаясь в воспоминания.

– Я читала ее в детстве. Какое-то переложение, наверно... Думаю, есть более взрослые варианты со всяким анализом, что бы это могло значить и какие физические явления могли быть так поняты нашими предками.

– Ну, в общем, – она смущенно улыбнулась, зная, что давно его заинтриговала. – Были там всякие соперничающие княжества, как водится в Средневековье. И случилось так, что одна их битва проходила на берегу моря. Правда, какого моря – непонятно, но Джек говорил, скорее всего, Балтийского. И вот, бьются они, бьются – и вдруг видят: странно засветился горизонт над морем, и оно будто начало подниматься. По типу цунами, но никаких волн к ним в итоге

не пришло. Ну, они не очень много внимания на это обратили и вернулись к своей схватке. А тем временем край моря как бы изгибался, отслаивался от реальной воды и уходил куда-то вверх вопреки шарообразности Земли. Это снова привлекло их внимание, но опять ненадолго. Наконец, на этой отслоившейся плоскости начали появляться странные объекты, и они приближались. Сначала это были светящиеся точки, потом они стали напоминать небольших светлячков, стремящихся к береговой линии, а когда они сошли с «неба» туда, где море осталось нетронутым и нераздвоенным, продолжать битву стало просто невозможно – до того красивыми были эти штуки. Опустив оружие, воины заворуженно любовались ими – то ли качающиеся на волнах цветы лотоса, то ли огромные белоснежные бабочки, зачем-то севшие на воду.

Когда они оказались в нескольких сотнях метров от берега, стало ясно, что это корабли – но совершенно неземной красоты, и это восхитило воинов еще больше, ведь многие из них были мореплавателями и знали толк в судостроении. Наконец, корабли причалили, и люди хотели было рассмотреть их вблизи, как вдруг, словно пух с одуванчика, сорвалась с мачт, палуб и парусов вся сверкающая белизна – разлетелась по воздуху и осыпалась на землю уродливыми тварями, потрясающими воображение. Они были столь же отвратительны вне корабля, сколь прекрасен был корабль вместе с ними.

Автор пишет, белизна и сверкание корабля объяснялись крыльями этим существ – тонкими, полупрозрачными и испещренными жилками – точь-в-точь как у насекомых, только в тысячи раз больше. Находясь на корабле, твари сидели везде где ни попадя и покрывали собой всю его поверхность, вот только видны были лишь их крылья. Блестящие белые жилки вспыхивали на солнце, и создавалось впечатление какого-то чудесного цветка или ангельского судна.

Собственно, сами корабли теперь тоже едва ли можно было так назвать. Это были какие-то бесформенные темные коряги, условно состоящие из днища и мачт, хотя мачты ветвились и бугрились, и возможно все это больше напоминало измученное болезнью дерево, вернее его бетонно-каменную копию. Впоследствии эти «корабли» легли в основу наших Замков, и сейчас эта структура, похожая на накипь или лишайник, то и дело проступает через кирпичи и облицовку, за которыми ее скрывают архитекторы...

А несчастные воины между тем пришли в ужас от внезапно объявившихся уродцев. Они-то размякли от такой красоты, а тут – внезапно! А дальше версии расходятся, – Врена развела руками. – Одна говорит, что твари были не только уродливы, но и агрессивны. Они коварно набросились на людей, и те принялись отчаянно защищаться. По другой версии всё иначе. В ужасе и отвращении от одного вида этих существ средневековые воины сами кинулись на них с оружием, и это уже тварям пришлось отражать неожиданные ата-

ки. И чего, собственно, хотели они изначально – никто так никогда и не узнал.

Так или иначе – война была начата. Ну а что было дальше, ты наверно и так знаешь. Мой дражайший предок по имени Родерик пробрался в стан кораблистов, нашел там их короля и каким-то образом заключил с ним Договор, последние аккорды которого вроде как скоро отзвучат, – и Вренна засмеялась, радуясь возвышенной концовке, которую ей удалось сочинить на ходу.

– Как ты складно говоришь, – улыбнулся Леон.

– У меня аристократическое воспитание.

– Да уж в этом я не сомневаюсь! – со смехом признал он.

Впрочем, смех смехом, а тема была щекотливая. Не тема ораторских способностей, конечно, и даже не тема родovitости – а известные аспекты ее воспитания...

Хоть Леон и старался изображать, что ему нет дела до ее прошлого, до ее жутковатых интуитивных реакций на «обычный» мир, до ее презрительно-надменного отношения к каждому незнакомцу – напряжение и озадаченность сквозили порой в его взгляде и словах. И так же со Вренной: она вроде и пыталась принять этот «обычный» мир, с его порядками, с его бесчисленными обитателями, которых положено считать за равных – но всё выходило как-то бестолково, и она только раздражалась от своих попыток.

Это не говоря уж о различии жизненных аксиом, вложенных в них в детстве. Иногда это различие порождало забав-

ные казусы (например, в продуктовых магазинах), а иногда едва не доводило до разрушительных ссор.

Но сложнее всего было с темой греха. Она была одной из самых табуированных, но, тем не менее, то и дело вкрадчиво подплывала к поверхности озера молчания, где ее утопили, и зловеще маячила под блестящей водной гладью. Никакой религии тут, конечно, не подразумевалось – только собственные ощущения, муки совести, комплекс вины, ночные кошмары... Леон негласно приписывал многие странности в поведении подруги ее подавленным и запрятанным в подсознание страхам и переживаниям. Она более ли менее угадывала в нём эту мысль и обижалась: «Я же говорю тебе, мне всё равно. Я не придаю убийству никакого значения, и нет по этому поводу у меня никаких переживаний! – мысленно спорила она. – Черт возьми, и почему, интересно, я должна чувствовать себя виноватой – я жила полностью так, как положено! Нечего судить меня по своим правилам, они не менее вымышленные, чем мои!» Но они молчали и улыбались друг другу, оттягивая момент истины.

Проплывая по кисельной тишине, они свернули за угол, и там, укрытая маленькими шапками сугробов, сидела на коленях завернутая в шали старушка с жестяной банкой перед собой. Остановившись, Леон порылся в карманах, отсыпал ей мелочи, выслушал ее безграничные благодарности и обещания молиться за него... Вренна, не удержавшись, фыркнула. Они побрели дальше, недовольно глотая загустеваю-

щий от молчаливой напряженности воздух. Атмосферу нужно было срочно разрядить, и оба почти одновременно беззаботно указали друг другу на вывеску первого попавшегося по дороге магазинчика – и радостно направились туда.

Это оказалась букинистическая лавка, замшелая и уютная, в лучших традициях кино и комиксов. Там даже были старые креслица, в которых можно было устроиться и изучить какой-нибудь коллекционный томик. Хозяин лавки ко-со смотрел на Вренну и Леона, видимо, понимая, что они просто греются и ничего покупать не будут, но затем вышла его жена и предложила кофе. Чтобы не злить хозяина, Лени купил у него какой-то старый номер журнала и преспокойно уселся рядом с Вренной возле снежного окна.

Тепло, уют и ароматный кофе подействовали магически – остатки взаимного раздражения испарились, а любые вопросы об убийствах или подсознании мгновенно показались сущей мелочью, не стоящей малейшего беспокойства.

– Меня такая странная мысль посещает последнее время, – заговорил Леон, задумчиво глядя на холодные хлопья за стеклом. – Вот просто... ну вот о чём сейчас моя жизнь? Нет, не прямо сейчас, сейчас-то мне очень хорошо с тобой, – он ласково улыбнулся Вренне и снова перевел взгляд вдаль. – Ну, вообще. Дом, семья – семья, офис. Статьи какие-то бессмысленные. Вроде не желтая пресса, но и не сильно белая, – он усмехнулся. – Вот пытаюсь вспомнить – и не знаю, о чём я писал последнее время, – он внимательно

посмотрел на Вренну. – Я тебя гружу?

– Нет, мне интересно. Продолжай.

– Вот раньше я знал, чем я занимаюсь. Это было опасно, это было драйвово! Это было... ну, нужно, наверно. Я давал миру знать о том, что происходит в горячих точках, там, куда нормальные люди не полезут.

Вренна ухмыльнулась, смутилась, зарделась, погрузнела – всё вместе буквально за пару секунд. Леон печально усмехнулся ей в ответ.

– А теперь – я не понимаю, зачем я живу. Стоит узнать о каком-то происшествии, о каких-то разборках – и первая мысль: а почему не я всем это сообщаю? А вторая – может, там еще есть свободное местечко, и я смогу что-нибудь да разузнать свежее?

– Это, видимо, что-то значит – психологически, – вкрадчиво улыбнулась Вренна, и Леон развел руками – мол, да, куда даваться, психология всегда с нами.

– И вот я думаю, – продолжил он, и в интонации, прежде безукоризненно искренней, проскользнули нотки актерства – заранее заготовленной речи, – может быть мне вернуться на прежние рельсы? Ну... – он замялся и покосился на Вренну. – Что ты думаешь?

– Я? Ну... я и почему ты ушел со старых рельсов не знаю, – нахмурилась она – а потом смутилась. – Это... видимо, очень плохо с моей стороны, да? И я должна бы тебя отговаривать, потому что это опасно, и всё такое... Но, – она сверкнула

глазами и слегка раскраснелась, держа его взгляд, – по-моему, твоя тяга к опасности – это жутко сексуально!

Леон засмеялся от приятного смущения и внезапного приступа счастья, и она прильнула к нему, перегибаясь через поручень кресла.

– И знаешь, Лени, – продолжила она, разгорячившись, – ты... Ты ведь это серьезно сейчас? Или так просто рассуждаешь, как о мировой гармонии?

– С-серьезно, наверное. Ты меня пугаешь.

– Просто мне показалось сейчас, что ты... стал – как раньше. Ожил...

– «Ожил»? Я что, был мертвым?

– Прости.

– Постой, в смысле?

– Ну просто... ты сам говоришь – что всё бессмысленно, что это не твоя жизнь. И это чувствуется! – Вренна снова села ровно и вцепилась Леону в ладонь. – Ты не такой как тогда... Я... Что я могу знать об этом? – со внезапной горечью тихо воскликнула она. – Люди меняются... чувства – трудно сохранять... Всё понятно, об этом пишут книги, но это всё равно бестолково. Мне хорошо сейчас с тобой, но – я мечтала... о чём-то ином. О... другом – отчасти другом – человеку. Но ты изменился, и я пыталась... – она сглотнула – и проиграла небольшую внутреннюю борьбу, – перестроиться на тебя нового... но всё же скучала по тому тебе, по той части тебя, которая, как мне казалось – умерла... Но если

ты говоришь сейчас серьезно – и если я вообще хоть что-то понимаю правильно – то тот человек может вернуться... да?

Леон что-то пробормотал, не отрывая от нее изумленного и восторженного взгляда.

– Слушай, – хрипловато заговорил Лени, наклонившись к ней и будто боясь спугнуть редкую птицу искренности. – У меня есть сумасшедшая идея, и она совершенно не хочет убраться из моей головы. Пожалуйста, давай попробуем сделать это вместе? – он выдохнул и продолжил тверже: – Через две недели, на восьмое декабря, назначен *ваш бал*. Это открытая информация, и СМИ ее мусолят как хотят. Вся соль в том, что абсолютно все уверены, что именно на этом балу всё решится. Это *final battle*. Кульминация. Но там никто не сможет быть. Никто не сможет проникнуть туда. Вренна... Я так туда хочу! – и он откинулся на спинку кресла, зажмурившись от одолевавшей его профессиональной страсти.

Несколько минут Вренна сидела беззвучно, порываясь периодически что-то сказать или возразить, но так и замирая с открытым ртом. Наконец она виновато склонила голову:

– Боюсь, я не смогу помочь тебе. Прости, но я не смогу провести тебя туда. У меня, скорее всего, совсем не осталось власти над ними. Я не смогу защитить ни тебя, ни себя. Прости.

– Я... Вренна, я же не это имел в виду! – изумился Лени, подхватывая ее падающий взгляд. – Я же умею обманывать их! Я же пробирался к тебе тогда – сам – помнишь?

Она недоверчиво посмотрела на него.

– Но... но как ты это делал?

Он нервно облизнул губы.

– Я всё расскажу тебе и, обещаю, отменю всё, если пойдем, что что-то идет не так – но сначала скажи: ты со мной? Не как орудие или «крыша» – а как подруга и союзник – ты со мной? – он пригвоздил ее взглядом к креслу, почти пугая своей одержимостью.

И она почти готова была испугаться – начать откладывать решение, просить времени на подумать, отнекиваться – пока внезапно ее не захлестнула собственная волна гордыни и самонадеянности.

Она медленно и хищно кивнула.

– Да. Я имею полное право там находиться. Черта с два они не приглашают меня на мой, в том числе, бал!

И воздух между ними заискрился от бесшабашной решимости, излучаемой обоими.

II

На тонких белых пальцах, отбрасывая отсветы и тени, покоилось два тяжелых светлых камня. Один из них напоминал острый сахарный кристалл, выращенный в домашних условиях – белый, сверкающий и колючий. Другой, в оправе и с цепочкой, был похож на лунный камень – или просто на переливающуюся пластмасску в бижутерии. Вренна сжала камни в ладонях, и первый впился в кожу, как иголками, а второй залил руку холодом. Разомкнула кисти – и пятна от ши-

пов кристалла побелели, покрасней и исчезли.

– Как-то не похожи они на могучие артефакты, – прибор-мотала она, замороженно, вразрез со словами, глядя на камни.

Леон нервно курсировал по комнате – из угла в угол.

– Ну вон тот, метеоритный, работал, – неуверенно заявил он.

– Иногда, – язвительно улыбнулась Вренна.

– Почему это – «иногда»? – фыркнул Леон почему-то обиженно.

– Ну, – Вренна поймала его за руку и усадила рядом с собой на диван. – Ты приходил ко мне сколько? Шесть раз? И два раза из них тебя ловили, – она попыталась улыбнуться, переводя всё в шутку, но Леон мрачнел с каждой секундой.

– Один раз. Кораблисты ловили меня один раз. Другой раз – меня поймал он лично.

Вренна задумалась, медленно, с дрожью погружаясь в воспоминания о том времени. Каменный Лотос, тела на мраморном полу... Она сглотнула.

– Лени, я ведь... – она посмотрела на его щеку – он напряженно повернулся к ней, но смотрел тоже куда-то мимо глаз, – я приказывала им не трогать тебя. Не вредить тебе. П-пускать ко мне...

Леон дернулся как от боли – раздраженно, гневно:

– Да черта с!.. Ну тогда ничего не выйдет! Черт, Вренна! Я же – всё это время думал, что сам мог!.. Что это я разга-

дал, нашел, как пробраться туда! Я... Выходит, я всем был обязан тебе? Я – просто твой протеже? А так, без тебя, я – обычный беспомощный... как вы называете тех, кто заявляется в Замок и идет на мясо?

– Журналисты.

Он резко встал.

– Лени, послушай!

Она отложила камушки-артефакты на стол – они глухо бряцнули – и тоже поднялась.

– Пошутила про журналистов, хорошо? Не взрывайся, пожалуйста. Я не виновата, что моя забота бьет тебя по самолюбию!

– Я не!... прости.

– Я действительно защищала тебя от них – ну а ты как думал? Я думала, это очевидно, – она взяла его за руку. – Но... вопрос в том, что я защищала тебя не все разы. Мы же были незнакомы сначала. Мне бы и в голову не пришло как-то выгораживать незнакомца. Так что я понятия не имею, как ты пробрался ко мне в первый раз, Лени. Как?

– А потом... Блин, но ты же сама позвала меня?

– В смысле?

– Ты позвала меня прийти на твой день рождения. Ты украшала зал к нему, и потом мы шли по лесу – и ты меня пригласила! Но потом меня встретили только кораблисты...

– Я не могла тебя «пригласить» – ты что, смеешься?

– Смеюсь?! – он выдернул руку. – О да, мне было так ве-

село!

– Лени, ты издеваешься? Ты правда хочешь меня сейчас обвинить, что я – что? – коварно заманивала тебя?..

– Нет, я!.. Нет. Я просто очень тогда испугался. Я думал, что ты меня предала – но не долго: ты быстро доказала обратное. Спасибо.

Вренна взялась за голову, стала тереть виски и бродить по комнате.

– Мы же просто пытались обсудить эти долбаные камни – что ж такое?

– Правильно. Давай обсудим, – Леон поднял камни со стола и принялся крутить и сжимать в руках. – Так значит, ты говоришь, что защищала меня на всех свиданиях.

– Ну разумеется!

– Не раздражайся.

– Сам не раздражайся! Ну?

– Первый раз я пробрался в Замок сам, с помощью этой штуки, – он поднял «сахарный» амулет к глазам. – Второй раз, когда ты – забыла? Не знала, что позвала меня?

– Я тебя не звала! – воскликнула она в сердцах, всплеснув руками. – Я же знала, как там всё будет! Я что дура, тебя звать?!

– Тогда почему я пришел, скажи пожалуйста!

– Почему ты пришел?! – и ее глаза внезапно заволоклись слезами.

Тишина затянулась на несколько бесконечных минут.

Леон сел и стал размеренно перекидывать амулеты из руки в руку.

– Второй раз ты не защищала меня. Но я был с этим камнем, как и первый раз. Это точно. И всё же я попался. Почему так?

– Почему? – жалобно повторила Вренна.

– Я не знаю. Давай накидывать варианты. М?.. – теперь уже он улыбнулся, пытаясь подбодрить ее. – Ну, какие идеи? Может, на твоём мероприятии у них были... гораздо более строгие приказы?

– Да нет... я не знаю. Я никаких особых приказов не отдавала.

Леон горько усмехнулся.

– Ну тогда, значит, я просто везунчик? Камень – ни при чём? Мне просто повезло, да? Просто случайно удалось пробраться?

– Нет, это фантастика. Это... почти невозможно.

– И что же тогда? Камень сломался?

– Может, он одноразовый? Может, ему нужно время на перезарядку?

– Но это же не мобильник...

– А что это? Откуда он у тебя? – и Вренна вцепилась в него внезапным пытливым взглядом.

– Это... ну я стащил его, по правде говоря. Из археологического музея. Это называется «осколок корабля». Якобы осколок того самого корабля, из-за которого кораблисты так

называются. Ну, тех кораблей, о которых ты рассказывала. Не знаю. Говорят, кораблисты чувствуют эту штуку и воспринимают тебя как своего. И не трогают.

– Стащил – чтобы пробраться в мой Замок?

– Да.

– А как ты тогда мог быть уверен, что оно сработает?

– Никак, – он невольно ухмыльнулся. – Ну, я был молодой, глупый.

– Мало что изменилось.

– Я совсем не старею.

Она наконец улыбнулась, но почти тут же снова посерьезнела.

– Лени, как ты мог снова полезть в мой Замок после того, как твой амулет не сработал?

Он фыркнул:

– И что ты хочешь услышать в ответ?

Она смутилась и отвернулась.

– И вообще, – придирчиво заметил он, – кто два дня назад говорил, что я наконец оживаю и снова становлюсь тем бесстрашным дураком, в которого она влюбилась?

– Ну я же сказала, что ужасно с моей стороны – не отговаривать тебя...

– А кто сказал, что имеет полное право тусить на этой вечеринке и не собирается упускать такую возможность?

– Но как мы туда попадем? Не предлагаешь же ты?..

– Не предлагаю, – мрачным эхом отозвался он.

– И ты обещал отказаться от этой идеи, если что-то пойдет не так.

– Да.

Она помолчала – и снова заняла.

– И что же, мы так просто сдадимся?

– Не знаю.

– Но я правда должна быть там!

– И я.

– Может, эти штуки уже работают? Зарядились? Тем более что у тебя одна новая.

– Может.

– И потом, может я вовсе и не лишилась своей власти.

– Да?

– Последний раз, когда я общалась с кораблистами – всё кончилось нормально. Всё вообще было нормально. Они меня – слушались, – Вренна заносчиво скрестила руки. – И вообще! Я всегда всё делала по правилам. Если у кого-то и должна была остаться власть – то у меня, – и она насупилась, почти по-детски поджав губы.

Леон внимательно и тяжело смотрел на нее – с досадой, разочарованием (не в ней, а просто), но и с затаенной безумной надеждой.

– Не предлагаешь же ты?.. – повторил он ее недавний вопрос.

– А что? – буркнула она.

– Но нельзя же так: мы ни в чём не уверены, это слишком

опасно...

Она сверкнула на него глазами.

– «Слишком опа-асно». Я имею полное право там быть. Я туда поеду! – и, выхватив из его рук второй амулет – медальон на цепочке – она крепко сжала его в кулачке.

– Ладно, – мягко улыбнулся Леон, вдруг успокаиваясь и приходя в состояние приятного равномерного воодушевления. – Я определенно с тобой, – и для пущей убедительности подбросил свой волшебный камушек – тот завертелся в воздухе в полуметре над его ладонью и вернулся обратно, больно вонзаясь углами в податливую кожу рук.

III

Они были в Штаман-Рейне к четвертому числу. Утренний поезд привез их на заледенелый перрон и покатил дальше, увозя сотни пассажиров прочь от этого проклятого места. Когда рассеялся едкий дым, струящийся за вагонами, и стихло дребезжание рельсов, Леон и Вренна напряженно побрели вдоль путей.

– Никогда еще не видел такой пустынный вокзал, – заметил Леон и тут же пожалел об этом – слова с жутковатым эхом отразились от замороженной брусчатки и долго пульсировали в воздухе.

Когда они затихли – послышался другой звук. Мерное дребезжание колесиков по неровному грунту. Самый естественный и привычный звук для вокзала – казалось бы. Но Леона передернуло, и он стал судорожно оборачиваться в по-

исках источника вкрадчивого перестука.

Метрах в пятидесяти позади них тащился тощий мужчина, тонконогий и в коротком красном пуховике. Огромный черный чемодан ковылял по каменной плитке вслед за ним.

Леон поудобней перекинул через плечо тяжелую сумку с фотоаппаратурой, крепко взял Вренну за руку и направился навстречу незнакомцу.

Они остановились друг напротив друга – с опаской и в легком замешательстве. При ближайшем рассмотрении неизвестный оказался осунувшимся брюнетом лет за тридцать, с немытыми волосами и темными кругами вокруг глаз.

Пересилив себя, Леон вежливо поздоровался и начал обмениваться с незнакомцем перекрестным огнем осторожных вопросов. Признавшись наконец, что он журналист (и прирав, что из журнала Фогг), Леон надеялся разговорить чужака, но тот только сильнее нахохлился, втягивая голову в красную куртку, и буркнул:

– Да что вы тут всё выведываете? Сколько можно, журналиги... Видел я одного из вашего Фогга – шляется по городу, работать не дает.

– А кем вы работаете? – ухватился Леон за тему, не в силах сдержатъ любопытство. – Я имею в виду...

– Да пошел ты, крыса газетная! – фыркнул мужчина и, пихнув Леона локтем в бок, быстро покатил прочь вместе со своим гигантским багажом.

– Стой! Скажи хотя бы, где ты видел того журналиста? Эй!

Но в ответ раздавалось только гроыхание чемодана по брусчатке. Леон тихо выругался.

Покинув вокзал, они с Вренной побрели по опустевшему городу. Планируя свой приезд, они и подумать не могли, что тут будет так безлюдно, что даже такси не удастся поймать. И снять номер в гостинице... Еще недавно захватывающая, теперь их операция выглядела совсем не такой многообещающей.

Здесь не было ни души... Они брели и брели – мимо закрытых ларьков и погашенных рекламных табло, мимо брошенных легковушек и запертых магазинов. В какой-то момент за ними увязалась печальная дворняжка, и Вренна начала неожиданно кричать на нее, оттолкнув Леона куда-то себе за спину. А потом ужасно покраснела, смутилась и чуть не расплакалась со стыда. А дворняжка убежала, поджав уши...

Через несколько кварталов от вокзала, постепенно начиная замерзать, они внезапно увидели силуэт в окне первого этажа. Силуэт сперва испуганно отпрянул, но потом вернулся к стеклу и приветливо помахал им. Заскрипела оконная рама, и распахнулась форточка.

– Эй, привет! – крикнул им из дома девичий голос. – Вы кто?

– Журналисты! – осторожно крикнул в ответ Леон.

– Зайдете?

Леон взглянул вопросительно на Вренну, и она кивнула.

Он громко согласился – силуэт исчез из оконного проема и через пару минут появился в дверях подъезда. Это была молоденькая женщина, в шарфе с бахромой и угтах, с накинутой на плечи шерстяной шалью и с черными пятнами какой-то грязи на лице.

– Заходите, – радостно улыбнулась она, кивая на дверь.

В недоумении, но без особой опаски Вренна и Леон последовали ее совету. Вслед за девушкой они прошли в комнату, откуда она увидела их, и девушка закрыла форточку. Прямо возле окна на паркетном полу стоял этюдник, к которому крепилась внушительных размеров деревяшка с листом бумаги и черно-белым сумрачным пейзажем. Продолговатые кусочки угля валялись на полу вокруг треноги.

– Вы только приехали, да? – улыбнулась девушка, убирая со лба прядь красных волос и оставляя еще одну черную полосу от грязных пальцев. – Замерзли? Хотите чаю?

Леон с благодарностью согласился, и они вместе с Вренной уселись на потрепанный диванчик в углу комнаты.

– А я как раз хотела сделать перерыв, – щебетала художница, ставя чайник и заполняя стол предметами вроде салфеток и сахарницы, – и смотрю – вы идете. Я обычно не стала бы так зазывать незнакомцев на чай, да, но тут, знаете, так пустынно и стремно, что не хочется быть одной.

– А вы тут живете? – осторожно полюбопытствовал Леон.

– Ну, сейчас да, но вообще это не мой дом. Просто отсюда же все разъехались, потому что тут был полный трешак, а

сейчас всё уже успокоилось, но никто не спешит возвращаться. Поэтому я пока тут и рисую. Это, по-моему, прекрасная возможность. Такой сумасшедший город, – она села напротив гостей, отхлебнула из своей чашки и снова запачкала лицо, убирая волосы с глаз. – Но вы и сами, наверно, знаете, иначе бы не приехали сюда, да?

– Конечно, – с преувеличенной теплотой кивнул Леон и ненароком покосился на Вренну – она выглядела чересчур шокированной даже для такой неожиданной ситуации. – Я Леон, кстати, – улыбнулся он.

– Василиса.

И Василиса, руководимая искусно подвешенным языком Леона, рассказала им, как два месяца назад в Штаман-Рейне почти полностью замерла жизнь, когда горожане бежали, поддавшись панике, оставляя жилье и имущество. Как до этого месяц за месяцем здесь нагнеталась атмосфера, как пропадали сперва обитатели крайнего восточного района, а потом и всего города – пропадали тихо и незаметно, словно просто уезжали куда-то втайне от семьи. Как затем всё чаще на улицах стали замечать чудных уродцев – то ли зверей, то ли карликов (но впрочем, всем понятно, кого на самом деле). И как, наконец, похищения стали происходить среди бела дня и на глазах у свидетелей – молчаливая мутноокая тварь просто хватала несчастного посреди улицы, скручивала ему конечности, как могла (в зависимости от устройства своего тела) и уволакивала вниз по переулку. Иногда людям

удавалось заступиться за жертву и прогнать или прикончить кораблиста – иногда нет... Иногда после такой схватки оставался пяток никому не нужных трупов.

Вскоре после бегства перепуганных жителей сюда стали являться мародеры. Многие из них тоже попались в лапы, клешни и щупальца чудовищ и канули в Лету. Многим, впрочем, удалось награть добра по-быстрому и скрыться из города.

Спустя еще несколько недель начали распространяться слухи о затишье в Штаман-Рейне. Якобы кораблистов всё меньше и меньше, якобы они вовсе перестали встречаться. И вот, мало-помалу сюда стали заглядывать любопытные носы журналистов, фотографов и художников, спешащих запечатлеть этот временный город-призрак. Так сюда попала и Василиса.

– А что здесь говорят о том, что будет восьмого числа? – поинтересовался Леон между прочим.

– А разве что-то будет восьмого? – удивилась рассказчица. – А, ну я что-то слышала, какой-то бал, да? А он восьмого? Я просто не помню. Ну он же там, у них, в Замке. Какая разница, что там будет. А что, думаешь, нас это как-то затронет?

Вренна тихо фыркнула себе под нос, а Леон жизнерадостно улыбнулся, вторя беззаботной манере собеседницы:

– А, черт его знает, говорят, там будет что-то реально важное. Думаю, оно может как-нибудь отразится на городе, а мо-

жет, и нет. Но лучше быть поосторожнее.

– Ну да. Надо будет тогда седьмого уехать что ли... И не забыть перед отъездом оставить тут хозяевам денег за проживание – я же не бродяжка какая-нибудь.

Вренна в кои-то веки подала голос:

– А почему ты уверена, что они свалили, а не мертвы?

– В смысле? Ну, посмотри, тут же чисто, ни крови, ни следов борьбы.

– Их могли схватить на улице, – буднично пожалала плечами Вренна. – Да и проливать здесь их кровь кораблистам не нужно: поврежденные тела же не ценятся.

Повисла неловкая, гнетущая тишина. Леон судорожно искал слова, чтобы разрядить обстановку. В конце концов, он кое-как рассказал, что они вдвоем с Вренной по заказу редакции в течение полугода собирали статистику похищений и разбоев со стороны кораблистов – и Василиса осталась вполне удовлетворена таким объяснением, но непринужденный характер беседы вернуть не удалось, и вскоре они покинули временное пристанище художницы.

Всю вторую половину дня Вренна и Леон гуляли по пустынным улочкам, и Леон, проникшись атмосферой города-призрака, фотографировал направо и налево, иногда подолгу залипая над одним и тем же ракурсом одного и того же дома. Часа в четыре, проголодавшись, они спустились в заброшенный ресторанчик в подвальном помещении и долго со смехом ели конфеты и консервы, а уходя, по примеру

Василисы, оставили деньги возле кассы. Когда начали стужаться сумерки, они стали искать подходящий для ночлега дом – и вскоре остановили выбор на здании банка с профессионально взломанными замками (мародеры здесь уже постарались).

– Главное поменьше трогать всё руками, – усмехнулся Леон, с опаской осматривая помещение. – Особенно сейфы.

Здесь топили батареи, было тепло, и они устроились ночевать в зале ожидания. Посреди ночи Вренна проснулась от неожиданного кошмара – вздрогнула и резко распахнула глаза, но двигаться не стала, чтобы не будить Леона. Они вдвоем лежали на длинном узком диване: головами друг к другу, а ногами к разным краям, и рука Леона, закинутая наверх, касалась волос Вренны.

Сон потерял четкость очертаний почти тут же, как она очнулась. Все события дня странно перемешались в нём: Вренна ходила по мертвому Штаман-Рейну, по заброшенным кварталам и квартирам – точно таким, в какой поселилась Василиса – то ли ища, то ли скрываясь от кого-то. Периодически она натывалась на трупы или на кораблистов и тогда временно оказывалась в своем Замке, бродила по коридорам, но снова возвращалась в город-призрак. Иногда выяснялось, что скитается она не одна, а со странной сущностью, казавшейся то Лени, то Джеком, то ею самой. И хотя ничего принципиально жуткого или пугающего в этом сне не было, Вренна проснулась в отвратительно тревожном состо-

янии и заснуть повторно толком не смогла.

Устав лежать неподвижно, она попыталась встать как можно осторожней и тише, но кожаная обшивка дивана коварно заскрипела при ее движениях – и Леон проснулся. И сразу как почувал ее тревогу и начал допытываться, в чём дело.

– Просто дурной сон, – отмахнулась Вренна.

– Да? – он прищурился, и Вренна прочитала в его взгляде: «я же говорил, что у тебя комплекс вины, погруженный в бессознательное – тебе нужен психоаналитик». Но Леон лишь посмотрел на экран телефона и сказал: – Еще только полтретьего. Ложись?

– Я пробовала. Не спится.

Он тоже сел.

– Что-то я тоже как будто выспался. Странно. Может... я могу как-то поднять тебе настроение? – он нежно взял ее за руку.

Вренна прислушалась к себе и покачала головой:

– Прости. Я... пойду поброжу по зданию – а ты спи, ладно?

Он нехотя согласился, и она отправилась «бродить». На самом деле просто перебралась в соседний зал ожидания и устроилась в кресле там. Вскоре она поймала себе на том, что ждет, когда Лени последует за ней и предложит «поднять настроение» еще раз – но он не шел. Она заглянула обратно к нему и увидела, что он спит. Разочарованная, она вернулась

в свое кресло.

Навязчивые мысли крутились по спирали, всё набирая обороты, да и к тому же неприятно сосало под ложечкой. Их самонадеянные, абсурдно-бесстрашные намерения казались ей всё безумней и бессмысленней. Будь она одна в этой операции – она бы плюнула и бросила затею. Ну не стоит оно того! Не стоит какой-то глупый напыщенный бал того, чтобы подвергать Лени (а возможно и ее саму) такой опасности.

Но мозгом операции была не она, а Лени – и он был просто бесконечно воодушевлен всем происходящим. Вренна представила, как скажет ему, что хочет от всего отказаться, увидела потерю и горечь в его только что горящих глазах – и поняла, что никогда не повторит этот опыт в реальности.

Как-то незаметно для себя она уснула, свернувшись клубочком между подлокотниками кресла, а проснулась уже поздним утром от мягкого голоса Леона.

Клетка | 14

I

«Ну вот, опять вернулась осень», – с разочарованием думали этим утром тысячи умов, и мысль взвивалась к высшим сферам. А в миллионе километров к западу думали: «О, какой снегопад» – и потоки электромагнетизма начинали бессмысленное сражение в поднебесной.

«Сегодня всё должно решиться». С этой мыслью проснулись восьмого декабря и Мморок, и Джек, и их родственники

под сводами Морской Короны, и кое-кто из просвещенных горожан. Свиваясь единым веретеном, мысль заскользила к потолку, сквозь окна, выше, выше... Сливаясь с еще одной – безмерной, чужой, необъятной.

«Сегодня всё должно решиться, – думало существо, заключенное в стенах Замка вот уже больше тысячи лет. – Сегодня я освобожусь!» – кричало оно мысленно, и не может быть, чтобы сферы оставались глухи к энергии такого могучего разума.

–

– Идем? – нетерпеливо позвал Леон, и Вренна медленно кивнула, не в силах оторвать взгляд от решеток. Впереди, в паре метров от нее, у стены стояла стальная клетка с небольшим зарешеченным окошком. Из-за металлических прутьев не мигая глядело четыре глаза. И сердце сжималось от этого зрелища.

А самое ужасное, что дальше, позади этой клетки, точно такими же был заставлен весь периметр коридора!

Вренна с ужасом осознавала, что просто не в состоянии пройти между ними.

Она наконец перевела взгляд на Леона и увидела, что он крепко сжимает в руке свой амулет. Его волнует только безопасность... «Это всё правильно, конечно, и зря я всегда привязываюсь к этим тварям, но черт возьми – я семнадцать лет жила с ними под одной крышей, они мне если не семья, то добрые питомцы!» – мысленно воскликнула она, но тут

же ответила сама себе: «За исключением тех случаев, когда они ненароком пытались меня прикончить».

Она снова посмотрела на гигантского таракана за решеткой, и ей почудилась тоскливая мольба в его белесых глазах, но она сморгнула – и кораблист вновь выглядел бесстрастным.

– Лени, – позвала она для проверки, – как тебе кажется, что он чувствует?

Леон неохотно присмотрелся к твари и поморщился.

– Ненависть. Так и хочет прогрызть решетку и кинуться на нас.

Вренна удивленно покосилась на него, но спорить не стала. Стараясь не обращать внимания на ряды клеток по сторонам, она быстро пошла по коридору.

Какие же все они покорные, – уныло думала она, сворачивая из зала в зал и всюду видя пустоглазых узников. – Даже не пытаются сопротивляться, а ведь им было бы так просто пробить эту решетку и оказаться на воле.

Она чуть не спотыкнулась на ровном месте от внезапной мысли и остановилась, изумленно оглядывая маленькие тюрьмы.

– Лени, действительно, а почему они не вырываются? Они же... они же должны быть уже свободны от наших приказов?

Леон смерил ее мрачным взглядом:

– Давай ты даже думать не будешь о том, чтобы они стали вырваться, ладно?

Вренна смутилась, замолчала, пошла дальше – но думать не перестала.

В следующей комнате – с декоративной штукатуркой на стенах и плиткой под камень на полу – Леон внезапно остановился и начал потрошить сумку с фотоаппаратурой.

– Надо их тут снять, – твердо пояснил он.

Достав камеру, штатив и откалибровал множество настроек, он прицелился и начал щелкать. Пронзительная вспышка озаряла сумрачный зал раз за разом, и кораблисты стрекотали и шипели, сворачивая головы и втягивая хвосты. Кто мог из них повернулся к решетке спиной, но некоторые были слишком непропорциональны и застревали, пытаясь скрыться от света. И Леон снимал именно их.

– Ну хватит, – не выдержала Вренна. – Ты их мучаешь.

– Что? – мрачно изумился Леон, медленно оборачиваясь. – Я – их – *что*?

Вренна насупилась, скрестила руки на груди, отвернулась.

Он сделал пару снимков, остановился и резко взглянул на нее.

– О чём ты там думаешь?

– Ни о чём я не думаю.

Он выжидающе изучал ее спину, складки куртки, приподнятые плечи – так, что она ощущала тяжесть его взгляда и наконец обернулась – с примирительным выражением:

– Лени, тебе не за что их ненавидеть.

Его брови язвительно взлетели, из легких исторгся нерв-

ный смешок. Вренна поежилась от его разъедающего взгляда, но продолжила:

– Они толком не живые, понимаешь? Они не чувствуют, не думают. Они всё равно что роботы с заложенной программой. Разве есть смысл мстить роботу?

– Мстить? Я просто их фотографирую, – без интонации отчеканил он.

– Но... им неприятно это. Ты их злишь – это нам, в конце концов, навредить может. Понимаешь? Они взбесятся и выйдут из равновесия.

– Взбесятся? Роботы – взбесятся?

– Не придирайся к словам, – нахмурилась она. – Просто отключи вспышку, ладно?

– Здесь не получатся хорошие кадры без вспышки.

– Но ты уже много наснимал.

– Надо отсматривать, хороших кадров мало будет.

– Лени, пожалуйста!

Он закатил глаза и стал убирать штатив. Вренна облегченно вздохнула.

Вскоре они добрались до запасной лестницы, насквозь пронизывающей всю высоту замка, и поднялись на четыре пролета. Точной карты никто из них не знал, но Вренна ориентировалась по аналогии с Кривым Гвоздем, и пока эта логика работала.

На третьем этаже кораблистов не было, ничто не омрачало изысканные интерьеры, и слышался мерный гул голосов – от-

куда-то справа. Леон уверенно направился туда. Вренна шла чуть поодаль от него, невольно накручивая себя. Сначала она злилась из-за только что завершившейся сцены, потом стала просто бояться за него. Ничем хорошим визит журналиста на бал Вентеделей закончиться не мог, и с каждым шагом ей становилось всё труднее молчать об этом.

Минув несколько сквозных комнат, они оказались в широком коридоре, ведущем прямо к центральному входу на торжество. За тяжелыми распахнутыми дверьми ослепительно сверкали люстры и сновали элегантные силуэты. Это был последний момент, когда еще можно было передумать...

И, поправив сумку на плече, Леон широкими шагами рванул вперед.

– Лени! – Вренна схватила его за руку.

– Что? – он обернулся с недоумением поверх едва скрываемого восторга.

– Ты... ты с ума сошел туда идти?! Они убьют тебя!

Он стал само изумление.

– Не предлагаешь же ты мне всё бросить? Отступить сейчас, в двух шагах от потрясающего репортажа? – он развел руками в ответ на ее возмущенный взгляд. – Вренна, мы же всё это обсуждали! Зачем, как ты думаешь, я сюда ехал?

– Но... – беспомощно пролепетала она, чувствуя, как его рука неумолимо выскользывает из ее пальцев. – Лени, это сумасшествие!

– Сумасшествие сейчас сдать, – выдохнул Леон и кив-

нул на двери в конце коридора: – Ты со мной?

Он требовательно смотрел на нее. Вренна прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Идти туда в таком состоянии было невозможно, ей нужно было вернуть свой собственный кураж, вспомнить, почему она согласилась на эту авантюру.

Бал, на котором она должна быть по праву рождения... С изумлением Вренна обнаружила, что эта мысль больше не вызывает в ней никакого трепета.

Последний раз она была в этом Замке в детстве, во время церемонии посвящения. Двенадцать следующих лет она провела в Кривом Гвозде, ни разу не покидая ареал. Джек периодически ездил на разные семейные мероприятия, но ее с собой не брал, и где-то в глубине нее всё еще жила детская обида за это, но... сейчас, глядя сквозь распахнутые двери в глянцево-сверкающий зал, Вренна испытывала лишь острое желание развернуться, уйти и никогда сюда не возвращаться.

– Ты... может, ты всё-таки передумаешь? – она жалобно взглянула на Леона.

– Нет, – он помотал головой с таким изумлением и категоричностью, будто он был солнцем, а она ни с того ни с сего предлагала ему встать на западе, а сесть на юге.

Вренна сокрушенно уронила голову и развела руками:

– Ну, пойдём. Но это полное безумие.

Леон слегка нахмурился, не понимая ее внезапной нерешительности и недовольства, но допытываться не стал. Рука об руку они ступили в зал.

Сразу за дверьми, прислонившись к стене, стоял мужчина в черной униформе с наушником в ухе. Он вздрогнул при виде внезапных посетителей, как-то рефлекторно хотел преградить им путь, но оставил эту затею – красноречиво пожал плечами: мол, идите, если хотите. Леон с Вренной вошли.

Огромный зал был заполнен густой оживленной толпой людей, по меньшей мере половина которых была официантами и охранниками – нанятыми работниками. Вренна изумленно оглядывалась по сторонам и видела их на каждом углу.

– Не понимаю... – прошептала она. – Кто они? Что они здесь делают? Почему они согласились пойти сюда?

– За деньги, полагаю, – пожал плечами Леон. – Разные бывают у людей ситуации. А твои родственники вряд ли скупались.

– Но почему – так?

Сама идея того, что люди могут быть прислугой в Замке Вентеделей, казалась абсурдной. Все эти черно-белые костюмы, вышколенная осанка, тревожные живые взгляды – всё казалось какой-то пародией, прелюдией к спектаклю.

– Кораблисты вышли из-под контроля, а твоим родственникам... – спокойно объяснял Леон, но Вренна его перебила:

– Это очень плохо.

– Почему? – удивился Леон.

– Здесь столько живых людей... Мне кажется... они хотят устроить жертвоприношение.

Вренна провожала глазами снующих туда-сюда официан-

тов и чувствовала, как уходит опора из-под ног. С каждой секундой массовое убийство казалось всё менее диким, жизни этих парней и девушек – всё менее ценными...

Она резко посмотрела на Леона, пытаясь уцепиться сознанием за что-то твердое и однозначное. Но он не замечал ее терзаний. Он оглядывался по сторонам и видел нечто совершенно иное.

Кадры.

Вот стройная женщина в сочно-желтом шелковом платье с загорелой спиной открытой чуть ли не до ямочки между ягодицами. Вот мальчишка-официант с ворохом рыжих волос – держит на подносе дюжину бокалов шампанского и испуганно шарахается от любого звука – кажется, вот-вот всё разольет. Вот у колонны несколько мужчин средних лет в модных и дорогих костюмах – курят сигары, ведут светскую беседу и сдержанно смеются. А вот ребенок – девочка лет восьми в темно-синем костюме в духе Шанель, нелепо смотрящемся на детской фигуре, длинные темные волосы завиты мелкими кудряшками, хорошенькое личико искажено капризной гримасой. Она дергает мать за шлейф платья и канючит – та резко садится на корточки напротив ребенка, хватая ее за плечи, встряхивает и что-то раздраженно объясняет.

Леон осмотрелся в поисках места для штатива, но потоки людей в зале перемещались слишком хаотично. Он открыл молнию на сумке, достал из ее темных недр увесистый фото-

аппарат, насадку, нашейный ремень, скрепил всё это, надел – и изготовился к бою: поднес видоискатель к правому глазу.

Жадно и часто защелкал затвор, по мере того как Леон медленно продвигался вперед. Он поймал себя на мысли, что Вренна права: всё это действительно выглядит фальшивым и опасным. Он вроде бы снимает якобы обычный богемный вечер, но почему тогда так возбужденно колотится сердце и кровь мечется по телу, словно он марафонский бегун? И кажется, вот-вот чья-то холодная и цепкая ладонь опустится со вкрадчивым осуждением на плечо.

Внезапно всё пространство кадра заняло миловидное женское лицо с ямочками на щеках, матово-бежевое и нежно-бархатистое, обрамленное пышными каштановыми волосами, отливающими золотом в свете хрустальных люстр. Леон вздрогнул, перестал снимать, но камеру опускать не спешил.

– А ты фотограф, да?

Леон сглотнул, нажал кнопку спуска, запечатлевая красивое зловещее лицо – и убрал фотоаппарат.

– Нет, я шахтер, – он усмехнулся. – А ты тоже летишь на этом самолете?

Девушка недобро улыбнулась.

– А я всё ждала, когда же здесь появится любопытный мальчик – я так вас люблю, – и она потянулась рукой к подбородку Леона.

– Эй, полегче! – Вренна отдернула Леона к себе, враждеб-

но глядя на конкурентку.

Та опустила взгляд на нее, с пренебрежением поднимая тонко подведенные брови и надевая удивленную маску.

– Ой, прости, я тебя не заметила. Кто ты, маленькая?

Краем глаза Леон увидел, как задергалось в бешенстве веко подруги и вся она задрожала от негодования – но быстро взяла себя в руки и почти мгновенно изменилась до неузнаваемости. Обычно ссутуленные плечи резко расправились, голова гордо поднялась, честность и эмоциональность в ее лице сменились вежливой и злой улыбкой, и Вренна внезапно оказалась своей на этом празднике жизни.

Ступая вперед к незнакомой родственнице, Вренна отчетливо и вкрадчиво представилась.

Соперница фыркнула, стараясь сохранить высокомерную улыбку:

– Как-то непохоже.

– Да что ты? Сама-то ты кто?

– Ризька.

– Ризька? Та, которая третья жена старика Вердолла? Сколько ему сейчас – восемьдесят пять? – оскалилась Вренна.

– А ты – та малолетка, которую с пяти лет имеет этот извращенец Дриммор?

– Спокойнее, девушки!.. – попытался встрять Леон.

Вренна вспыхнула.

– Это бред! Что за нелепые сплетни!

Риэцца засмеялась.

– Да ладно, тебе нравилось! Ты же и замуж за него потом вышла – а насильно папочка Мморок тебя бы за этого придурка точно не выдал.

– Много ты понимаешь!

– Ну, ну, Вренна... – Леон осторожно взял ее за локоть, пытаюсь успокоить. – Ну что вы так набросились друг на друга... Мы же... Мы же с тобой для того сюда и пришли – чтобы снимать и разговаривать...

– Что?! – Вренна вырвалась из его рук. – Разговаривать с ней?!

– Ну, милая...

Риэцца снова засмеялась, а Леон продолжал:

– Ну, Вренна... Почему бы не взять у нее интервью?

– О, мне есть что тебе рассказать, – расплылась в улыбке

Риэцца.

– Что? – не поверила ушам Вренна. – То есть, кажется, ты и без меня тут прекрасно справишься, да? Может, мне пойти домой?

– Ну, Вренна...

Она схватила его за руку и потянула за собой, но он неуверенно сопротивлялся.

– Ах вот как?! – она отдернула ладонь, как ошпаренная. – Ну удачного тебе репортажа!

И не успел Леон опомниться, как она скрылась в толпе. Он рыпнулся было за ней, на поиски, но его перехватила и

притянула к себе Риэцца:

– Так что ты говорил об интервью? Рассказать тебе про одного красавчика, который делал мне фотосет в бикини и без? – улыбнулась Риэцца, приближаясь к Леону. – Я потом скормила ему его же ногу под винным соусом.

–

Вренна вернулась к злосчастным дверям, к нерадивому охраннику, явно непонимающему, что он здесь делает, и остановилась в нерешительности. Внутри нее всё клокотало от раздражения и ревности, но уйти и бросить Лени здесь? Пожалуй, это несоразмерные вещи. Здравый смысл настойчиво подсказывал ей, что всё на этом балу не так просто, как кажется, и скоро гости снимут миролюбивые маски, и Морская Корона захлебнется кровью.

Как бы ни была она сейчас обижена на Леона, оставлять его тут одного нельзя.

Вренна тяжело вздохнула и обернулась к кишашему жизнью залу. Как его тут теперь найти?..

Она покосилась на охранника (он почему-то внимательно наблюдал за ней), отошла на несколько метров, прислонилась плечом к стене и набрала номер Леона. Телефон не прозванивался. Взглянула на экран – нет сети. Фыркнула: прямо как в Кривом Гвозде. Надо подняться на пару этажей.

Вернулась к дверям, чтобы выйти из зала, и охранник решительно преградил ей путь.

– Туда нельзя.

Вренна поморщилась от резкого запаха дезодоранта, идущего от выросшей на пути фигуры, и отступила на шаг, в недоумении глядя вверх на лицо двухметрового вышибалы.

– В смысле? Я пришла оттуда. У вас что, инструкция никого не выпускать?

Охранник молчал, твердо стоя посередине дверного проема.

Она внимательно изучила его с головы до ног, решая, может ли он быть ее родственником – и пришла к выводу, что нет, никак. Про такого великана обязательно ходили бы сплетни (мол, с кем это блудила его мамаша?)

– Прости, – аккуратно подступилась к нему Вренна – и поймала себя на мысли, что не может здесь обращаться на «вы» к простолюдинам, как бы внушительно они ни выглядели. – А ты... почему здесь? В смысле, на балу. Разве это не опасно?

Охранник скрестил руки на груди, пытаясь не вступать в диалог.

– Ну, окей, тебе заплатили – или обещали – кучу денег, но... как же все пословицы о сыре в мышеловке? Разве не разумней было бы держаться отсюда подальше?

– Сама-то ты чего сюда пришла? – с досадой буркнул он, и Вренна с удивлением осознала: он не понимает, кто я. Месяц назад она боялась выйти на улицу, а теперь на балу Вентеделей Вентедея в ней не признают. Это магия зеленых волос (которые, впрочем, уже почти потеряли искусственный цвет)

или интерес населения к ней настолько угас за этот месяц? Или просто здесь всех судят по одежке, а ее джинсы и куртка явно не походят на изысканные платья родственниц...

– Я – так... Можно я задам несколько вопросов? – она мило улыбнулась, изо всех сил стараясь повторять поведение Леона, когда он хотел выведать информацию.

Охранник не расплылся в ответной улыбке, но и не прогонял ее.

– М... Ты давно здесь? В Замке? – начала она.

– А что?

– Ну я... я просто подумала, ты не против ответить на несколько вопросов?

– Ты журналистка что ли?

Ее кольнуло при этом слове, и она непроизвольно снова взглянула на телефон, но он по-прежнему не ловил сеть. Попроситься «только позвонить»? Ага, конечно.

– Я просто пытаюсь разобраться... – вздохнула она. – Так ты скажешь, или это тайна?

– Да нет... полторы недели я тут.

В его строгом и сухом взгляде начали появляться искорки интереса.

– А кораблисты – они всё это время были в клетках?

– Да.

– И всё время – такие тихие?

– Ну да.

– Странно.

Он подозрительно прищурился:

– Кто ты?

Ну наконец, в нём зародились сомнения. Правильно, для обычного человека поведение кораблистов не дифференцируется как «странное» и «не странное»...

– Я Вренна, – она холодно взглянула ему в глаза, и он вздрогнул. Она кивнула на коридор: – Можно?

И, не дожидаясь ответа, устремилась вперед, но двухметровая фигура не сдвинулась с места.

– По... по инструкции мне никого нельзя выпускать... – пробормотал он где-то над головой.

Вренна снова отступила – и смерила охранника надменным, возмущенным взглядом. Он старался не смотреть на нее, но выглядел очень собранным и напряженным, готовым к любой внезапной атаке. Здоровый мужик испугался девчонки, раза в три меньшей его по весу... А ведь власти у нее уже ни на грош, да и все коралибсты за стальными решетками – чего ему бояться и что ей задирать нос?..

Вренна подавила спесь, ее лицо приняло спокойное выражение.

– Значит, инструкция «всех впускать, никого не выпускать»?.. – она смотрела на опущенные веки охранника, пытается заставить его поднять глаза, но он упорно глядел в пол. – Понимаешь, что это значит? А ведь ты тоже тут. Что, думаешь, как-нибудь да обойдется?..

Он молчал.

«Ай», – подумала она, мысленно махнув на него рукой, и развернулась на пятках, чтобы уйти, но он внезапно остановил ее подавленным голосом:

– Они... они сказали, это прощальный бал... Прощальный бал, после которого Вентедели станут обычными людьми и будут жить в Штаман-Рейне...

Вренна обернулась. Охранник наконец встретился с ней взглядом:

– А что на самом деле?

Вренна удержалась от язвительных замечаний и лишь развела руками:

– Это я и пытаюсь выяснить, – она приподняла брови: – Может, всё-такипустишь меня позвонить? – и она снова кивнула на коридор.

Охранник замялся на пару секунд – и отступил в сторону.

– Спасибо, – фыркнула Вренна, молниеносно проходя мимо него и снимая блокировку с телефона.

Минут за двадцать она обошла всю доступную часть замка и не обнаружила сети нигде – зато обнаружила десяток твердолобых сторожей, отказывающихся пускать ее дальше. Раздраженная и разочарованная, она вернулась к своему новому знакомому. Он посмотрел вопросительно.

– Сети нигде нет.

– Я слышал, они ставили тут глушители.

– Гений, а ты сразу сказать не мог?

И она быстро прошла мимо него в недра зала.

Попытки понять всю картину происходящего и найти из него выход вызывали панику и отчаянье, и Вренна сосредоточилась на одном простом пункте: отыскать Лени. Разнородная толпа, бурлящая в зале, закрывала обзор, и различить человека в десяти метрах от себя было невозможно. Маневрируя между людьми, Вренна пересекала зал снова и снова – но безрезультатно. Куда бы ему деться из запертой коробки? Очевидно, он где-то здесь, но найти его никак не удавалось. И с каждой минутой разумные доводы в сознании Вренны сдавали позиции, уступая место гнетущей тревоге.

После получаса бесплодных скитаний ее вырвал из нервной меланхолии гневный окрик:

– Дура, ты что здесь делаешь?!

Потеряв на секунду дыхание, Вренна резко обернулась в смутной надежде, что наконец нашла его... но голос был знаком ей слишком хорошо – его ни с чем не спутаешь. Она знала, кого увидит, за долгие мгновения до того, как подняла на него взгляд.

– Джек?... ты тоже здесь...

Она сглотнула, дожидаясь, пока пройдет странное головокружение и звон в ушах, и ослабятся безжалостные тиски, перехватившие все ее внутренности при его виде и голосе.

Болезненность его лица на несколько секунд отвлекла ее от насущных переживаний. Он сильно похудел, под глазами чернели мешки, белки глаз были испещрены красными прожилками, и, если бы не чистые волосы и не гладковыбритая

кожа, она обвинила бы его в очередном приступе неопрятности и наркомании – но так его облик вызывал настоящее беспокойство.

– Всё в порядке?

Он рассмеялся – с нотками истерики:

– О да, просто великолепно.

Она подумала спросить его, не видел ли он Леона, но не рискнула. Эти двое – явно не те, чью встречу ей было приятно представлять. Поэтому она решила выяснить у него кое-что другое:

– Ты в курсе, что здесь происходит?

– Здесь? Ничего особенного. Просто восстанавливаем Договор, – он поднес ко рту сигарету и жадно затянулся.

Вренна смутно замечала в его облике какую-то дополнительную странность – помимо общего нездорового состояния – но пока не могла сфокусироваться на ней. «Восстанавливаем Договор», – прокрутилось в ее памяти.

Ее вдруг осенило – и она ужаснулась очевидности этой мысли:

– Через жертвоприношение?

Она с напряжением посмотрела в чертовски знакомые глаза – и пропасти зрачков посередине синих радужек конвульсивно расширились.

– Так ты знаешь?

«Опять наркотики», – мысленно вздохнула Вренна, наблюдая за его странными реакциями.

– Ну, видишь ли, нетрудно догадаться, когда здесь столько наивных овечек, – она повела рукой на зал.

Джек сморгнул и внезапно зашелся нечеловеческим хохотом – задорным и бездушным – так что Вренна даже отшатнулась.

– Так ты про них, – все еще смеясь, констатировал он. – Думаешь, их покромсают? Ну а что, пожалуй да, отличный способ закрепить результат, – после новой волны неадекватного смеха он наклонился к ней и вкрадчиво, как откровение, прошептал: – Но знаешь, ты можешь не беспокоиться: они будут отомщены.

И, резко распрямившись, безумно светя глазами, он снова страстно, будто последний раз в жизни, затянулся – и запулил окурок в толпу.

– «Отомщены»? – не поверила ушам Вренна. – Что за бред?

Но Джек и не думал ее слушать. Он разглядывал ее, словно незнакомку, словно объект искусства – и на глазах его едва не наворачивались слезы.

– Господи, – бормотал он, – я ведь только и радовался, что ты не здесь – а ты приперлась...

– Джек, да что с тобой?! – с ужасом в голосе воскликнула Вренна. – Что ты принял? – внезапно ее взгляд соскользнул с его лица и с изумлением замер на груди. А затем медленно пополз вниз. – И во... во что это ты вырядился?!

Он посмотрел на себя и с отвращением фыркнул, времен-

но избавляясь от сплина.

Им обоим было сложно в это поверить, но на нём было красное театральное трико и черный золоченый камзол со стоячим воротом. Кроме того, он был босым.

Пройдясь несколько раз взглядом по его своеобразному наряду, Вренна предпочла остановиться на ступнях, чтобы не цепляться за что-то другое.

– Скажи хотя бы, почему босиком?!

– Снял туфли, – хмыкнул Джек. – Жали.

– Туфли?!

– Да, черт возьми! Идиотские туфли на каблуке и с бантиком! Ты что здесь делаешь, скажи мне! Какого черта?! Ты должна сейчас счастливо и непринужденно трахаться со своим воскресшим Лени!

Она снова отшатнулась и невольно обернулась по сторонам: не реагирует ли кто на его вопли – но нет, в зале было достаточно шумно.

Вренна вернулась к бушующему Джеку и сложила руки на груди:

– Так, что здесь происходит?

Его вдруг охватила апатия, он уронил голову и затих. Потом вздрогнул, притянул ее к себе за локти и посмотрел с надеждой:

– Слушай... уходи, а? Прямо сейчас, ты еще успеешь, давай!

– Меня не выпускают. Никого не выпускают, Джек.

– В смысле?

– У дверей охранники. У них инструкция – никого не выпускать. И их там несколько кордонов: я обошла одного – а дальше, у лестниц, еще стоят. Не веришь – сам сходи, попробуй выйти.

– Ну меня-то понятно не выпустят.

– Почему тебя – понятно?

– Главная роль, видишь ли, – фыркнул он, отпуская ее. – Я восстанавливаю Договор.

Вренна вскинула брови и поморщилась:

– У тебя мания величия.

Он лишь горько усмехнулся.

– Никого не выпускают, говоришь... А ты зачем тогда пришла? Дура! Дура, и всё тут...

Несколько минут она продолжала тщетно допытываться, в чём же дело, но он лишь причитал и ругался. А потом внезапно схватил ее за руки и прижал к себе. Обхватил грубовато, как дети хватают котенка и большую мягкую игрушку, и уткнулся носом в макушку.

– Эй... – опешила она, но тоже осторожно обняла его. По всему телу резонировали частые дробные громкие удары его сердца.

– Знаешь, – прозвучало над головой, и всё вокруг загудело от напряжения, с которым слова вырывались из его легких, – а всё же я рад тебя увидеть... сейчас... – И он сдавил ее еще крепче.

– Джек, – она начала брыкаться, и он спустя пару секунд неохотно отпустил. И остался стоять какой-то совершенно опустошенный. – Джек, – повторила она уже с неловкой нежностью, беря его нездорово горячее лицо в ладони. – Ты совсем сходишь с ума. Посмотри на себя. Зачем ты это одел? Что за трагедию ты придумал? Какая главная роль? Всё же в порядке, Джек. Ничего не случится. Чего ты боишься?

Пока она говорила, он смотрел вдаль и в пустоту, а теперь встретился с нею взглядом и усмехнулся с горечью:

– Скоро увидишь.

– Что увижу?

– Воплощение моей шизофрении. Видимо.

Его взгляд опустился чуть ниже и теперь был явно устремлен на ее губы – бледные и сухие.

– Джек... – хотела было запротестовать она, но он наклонился к ней и помешал закончить фразу.

А в нескольких метрах от них Риэка закинула руку за шею журналиста и кивнула в их сторону:

– Смотри-ка, это не твоя там?

И Леон автоматически перевел камеру туда, куда она показывала. Вздрогнул, как от удара током, судорожно отключил запись, но отвернуться не смог и с мазохистской неотрывностью наблюдал. А в памяти одно за другим вспыхивали ее уверения, что «это просто такие порядки», что «она вовсе его не любит», что эти поцелуи – «ощущение слюны, и вызывают только отвращение»... А перед глазами эти двое

бесконечно касались губ друг друга с омерзительной нежностью и самозабвением.

Ритуал | 15

I

Тяжелые шторы, висевшие по окружности в центре зала, резко вздернулись, собираясь огромными складками под толчком, и я обомлел от ужаса – в трех метрах от меня открылось Оно. Полупрозрачная скала, слизистый айсберг, жидкий кристалл. Меня несильно, но настойчиво подталкивали в спину, но я заостенел на месте и был не в состоянии хоть на шаг приблизиться к этой махине.

Давление на лопатки усиливалось, слышался ледяной голос Ммороба, плакала Вренна, порываясь к отцу, и я едва удерживал себя от крика и тщетной попытки бегства, когда где-то на границе сознания прозвучало:

– А может, лучше раздеть его? Он, кажется, неплохо сложен.

– Я что, зря, по-твоему, подбирала этот костюм?

А затем:

– А может, пусть он сам входит, а не его ведут – было бы эпичненько.

И меня затопила такая волна отвращения, что весь страх куда-то ушел. Я резко обернулся к говорившей – черноволосой дамочке с большой камерой, установленной на штатив. Я рванул было к ней – высказать всё, что думаю о ее творчестве, а заодно, наверное, и дать по морде – но меня удерж-

жали. В глазах темнело от гнева.

Дамочка ужасно довольна усмехнулась. Мои эмоции нужны были ей на записи.

Под аккомпанемент из разглагольствований Мморока мой троюродный брат не глядя на меня шагнул к этой живой холодной водянистой субстанции и старомодным мечом рассек ее непрочную податливую скорлупку, похожую на пленку икры, в высоту своего роста. Содержимое смачно брызнуло на него, и он вскрикнул. Мне снова стало плохо, что я почти оперся на державшие меня руки.

Брат обернулся, коротко взглянул на меня и поспешил уйти. За его спиной тащился мокрый театральный плащ.

Из разверзшейся раны сочилось нечто. Без цвета. Без запаха. Без имени. Оно то струилось как вода, то стекало густыми блестящими каплями, то выплескивалось отдельными кусочками прозрачного холодца.

Я дернулся, и руки сомкнулись на моих локтях железными клещами. Я не мог оторвать глаз от медленно бурлящего пореза и просто задышался от страха. От аритмически колотящегося сердца расходились привычные круги боли.

Меня подтащили к дыре и стали пытаться впихнуть. Весь мир сошелся на мне, стальных руках и бесконечности густой прозрачной дряни. Каждый миллиметр ближе или дальше от этой бесконечности, плюющей в меня слюной и ошметками, был головокружительной победой или сокружительным поражением. Но эта война была заранее проиграна. Спустя веч-

ность меня окунули лицом в эту слизь и, пока я справлялся с шоком и отвращением, втокнули туда целиком.

В уши, в нос, в глаза – сквозь зажмуренные веки – хлынула леденящая мерзкая жидкость. Она пропитывала одежду, облепляла кожу, просачивалась в поры, путалась в волосах. А потом что-то оглушительно булькнуло в моей голове, и на меня обрушился шквал шума, света, ощущений, запахов! Я попытался вдохнуть – и захлебнулся; вкус слизи вывернул меня наизнанку, но я уже почти не осознавал этого. Перед глазами проносились сотни бессвязных изображений, звучали крики, голоса, свистел ветер, стучали друг о друга камни, меня что-то било, поднимало, я летал, умирал, рождался, становился то женщиной, то кораблистом, то пауком. За несколько секунд передо мной промелькнула тысяча жизней, а затем я потерялся в темноте от сумасшедшей головной боли.

■

Небольшая царапина, конечно, не могла причинить ему боли, как и ничто другое, но ощущение собственного «расползания» в пространстве казалось противоестественным и неприятным. Коллективный разум кораблистов – он же их «король», он же просто Корабль – не видел происходящего вокруг него, потому что в зале не было ни одного его воплощения, но зато он прекрасно понимал логику событий, и поэтому ждал, что с минуты на минуту в него – в его суть и плоть – ворвется некое человеческое создание, и между ни-

ми произойдет небольшое сражение.

После недолгого копошения на границе осязания долгожданный гость проник в него. И Корабль ответил тем же. Люди – открытая система. Всё их тело пронизано бесконечным количеством отверстий, побольше и поменьше, они постоянно погружают что-то в себя, пропускают по своему нутру и извлекают наружу. Поэтому люди – всё равно что открытая книга, стоит только коснуться их.

Выражаясь человеческим языком, «король» обнял гостя и сказал:

– Добро пожаловать. Кто вы? Представьтесь, пожалуйста. Я бы тоже представился с удовольствием, но, к сожалению, мне нет имени. Поэтому я вкратце расскажу вам свою жизнь, хорошо? Надеюсь, это даст вам некоторое представление о том, кто я, и в некоторой же степени поможет вам простить мне мою безымянность.

Далее следовало быстрое, но подробное изложение нескольких тысяч лет скитаний по космосу и сотен лет нетяжелого, но слегка неожиданного и, пожалуй, не то чтобы унижительного, но... обидного рабства на земле. Вернее, оно должно было следовать. Увлечшись описанием одной милостивой, но глупой и заносчивой кометы, Корабль совсем поздно заметил, что сознание гостя стремительно расщепляется, а ведь ему нужна была беседа, а не монолог!.. И Корабль суетно и наскоро выжал из мозга человечка все сведения, лежавшие на поверхности.

И – о ужас!

Правильно ли он понял?

Он увидел летучую машину, из которой на его гнездо сыпались черные яйца и покрывали землю огнем! Можно ли верить этому? Можно ли вообще верить человеческому сознанию? Ведь то, что они представляют, может быть не воспроизведением реальности, а чем-то случайным, вымышленным, фантастическим! Разве не абсурдно и не потрясающе видеть то, чего нет?

Но это было не единственным знаком.

Чуть глубже под коркой скрывалось: «...ни в коем случае не появлялись *восьмого числа в Морской Короне, так как мы ее взорвем, вот*». И еще: «...не освободились окончательно, а мы уже знаем, что Договор не восстановить и можем нарушать его – *сейчас самое время для атаки*». А еще глубже: «*Я предлагаю истребить кораблистов, пока они слабы и безвольны!*»

Не выдержав такого глубокого проникновения в себя, человек задергался в объятиях «короля», и поток его мыслей, чувств и воспоминаний, текший по жидкому телу, начал истоншаться и конвульсионно пульсировать, грозясь вот-вот оборваться. Нужно было спешить.

Не церемонясь больше, Разум взял в свои виртуальные руки истощенное сознание и безапелляционно предъявил ему цепь ярких и однозначных образов, как бы говоря:

– Я больше не буду вам подчиняться!

– Ты вытащишь меня отсюда!

– Мои дети отныне свободны и не связаны ни службой вам, ни вашей кровожадностью!

Словно вода сквозь пальцы, ускользало внимание этого нерадивого дипломата. Вцепившись в его присутствие, Корабль транслировал новые и новые изображения, запахи, звуки и ощущения – но от каждого из них сознание человека только травмировалось, всё сильнее наклоняясь, будто тяжелая ваза с душой. Вместе со всей своей «речью» Разум читал расплывчатые черные круги, плывущие перед гостем – признак его отдаления. И вот, он сомкнул глаза. Трансляция замкнулась на «короле». Чернота поглотила всё зрение несчастного. Где-то внутри него, в глубине, в бессознательном, еще слабо копошилась жизнь, точно червяки, задыхающиеся в дождь под землей, но оболочка как тела, так и разума лишилась всякого движения.

Если оперировать людскими категориями, он умирал.

«Это что же получается, – с несвойственным ему напряжением бессловесно подумал Корабль, – он не сможет выполнить наш свежий Договор?»

«И я умру?..»

Уж в чём-чём, а по части жажды жизни он был близок к человеческим существам.

Будь у него побольше времени на раздумья, он бы, вероятно, с отвращением отверг эту идею. Но восьмое число наступило, а его единственный, как казалось, шанс вот-вот со-

всем затеряется в своей персональной темноте. И Корабль решился.

■
– Ты снимаешь?

– Да. Да! Не лезь!

– Возьми крупным планом!

Вренна рванулась было к ним в страстном желании выбить из рук эту чертову камеру, но ее крепко удерживали чьи-то руки. Она судорожно огляделась, сама не зная в поисках чего – и с ужасом увидела еще одну камеру в небольшом отдалении. Ублюдок! Как он смеет!.. так пользоваться ситуацией...

Вопреки ее желанию взгляд вернулся к кристаллообразной форме, поглотившей Джека. Сквозь ее мутноватую структуру виднелись темные очертания человеческой фигуры. Фигура слабо шевелилась, медленно, скорее в силу инерции, передвигаясь к центру... существа. Вренна зажмурилась, но изображение не уходило с сетчатки – даже наоборот: оно будто разгоралось, вопило о себе, пульсировало вместе с ударами крови об ушные перепонки.

Вренна попыталась вырваться из стальных объятий, чтобы закрыть лицо руками – не удалось...

Словно сжимаемый в ладонях лимон, чем-то горьким сочилось сердце. В конце концов Вренна безвольно повисла на державшем ее живом каркасе.

Вокруг стоял страшный гул голосов. Споры, опасения,

предвкушения сливались в единый бессмысленный гомон. Но внезапно весь он затих, и лишь удивленное жужжание камер продолжало колыхать воздух. А затем зал взорвался новым ураганом возгласов и разговоров.

Вренна открыла глаза и почти одновременно с этим почувствовала, как распустились сдавливающие ее объятия.

– Джек...

Он лежал возле выплюнувшего его существа, в луже из его слюней и слизи, и они продолжали стекать на него из разверстой раны над ним. Вренна бросилась к нему, на секунду замерла возле тела, с отвращением глядя на тающие ошметки «существа» – и плюхнулась в лужу возле Джека.

Она была не одной такой – тот же Мморок, сидя на коленях, отчаянно пытался докричаться до Джека. Но она абсолютно не замечала его, как и весь шум, царивший в зале.

Только этот странно неживой вид. Только белые опухшие щеки... открытый недышащий рот... раскинутые руки, до предела натянувшие шутовские рукава... кисти, будто выдутые из этих рукавов, как стеклянные сосуды из трубки стеклодува...

Он почти потерял сходство с собой. Он был... как утопленник. Белесый и раздувшийся. От этого мутило, и кружилась голова, и Вренна едва справлялась с наплывом темных пятен перед взором, когда внезапно – он дернулся! Его грудь судорожно сжалась и расширилась, заставляя трещать ткань камзола, потом заерзала и выгнулась шея, он уронил голо-

ву набок и зашелся жутким кашлем, сотрясавшим всё тело. Мучительно пытаясь прервать приступ и глотнуть немного воздуха, он закашливался сильней и сильней, а все вокруг лишь беспомощно наблюдали за его судорогами, не зная, что делать, и не желая прикасаться к странной субстанции, облеплявшей его.

Вдруг кашель оборвался на полузвук, Джек выгнулся, будто в нём что-то двигалось, и через пару секунд с новым приступом из его рта хлынула волна мутно-желтой слизи, растворенных остатков пищи и голубоватых лоскутков кристалла. В отвращении толпа отпрянула от него.

Брезгливо отряхивая колени, поднялся на ноги Мморок. Он жаждал узнать, сработал ли его план, удались ли переговоры, но от Джека ответа не было (да его было бы и мало), и он послал нескольких младших родственников проверить это на каком-нибудь кораблите.

В рассосавшееся пространство вокруг мучительно извивающегося Джека протиснулись с разных сторон два человека с камерами – дама Вентедель и Лени... репортер Леонид Снежев.

Не в силах ни скрыться от происходящего – шумного, грязного, горького – ни повлиять на него, Вренна в конце концов до того зашла в истерическом рыдании, что не заметила окликов и мягких прикосновений. Только настойчивое теребление за плечи вернуло ее к настоящему, и она позволила Леону поднять себя с мокрого пола. Отведя ее немно-

го в сторону, он просто обнял ее – и она продолжила бестолково реветь – но теперь уже в его сочувственных объятьях.

С некоторым усилием он на время отпустил все мысли – о сногшибательном материале, о смертельной опасности, о ревности, травящей кровь, об ужасе всего произошедшего, о чувстве вины: как мог он делать репортаж из ее жизни и боли?! – он просто забылся на несколько минут и отдался физике. Правильной тяжести свисавшей с плеча камеры, вибрации тонкого стана у груди и под ладонями, мягкости волос – и тому, как от них отражается его горячее дыхание.

И возврат к реальности оказался для него не менее жестким рывком, чем для нее.

– Кхе! Простите!

Это был сухой и раздраженный мужской голос под самым ухом. Леон изумленно оглянулся. Вренна, оказавшись менее прикрытой его телом, сжалась и задрожала сильнее.

Невысокий мужичка, тонкий, бледный, длинноносый, остро смотрел на нее, не обращая больше ни толики внимания на Леона.

– Вренна, – настойчиво позвал он ее, – Вренна! – она наконец оторвала лицо от куртки Леона и мучительно подняла пустой взгляд на этого персонажа. – Ты меня слышишь? Да что это такое – я спешу вообще-то! Ты не представляешь, как мало у нас времени!

И не успел Леон опомниться и как-то помешать происходящему, как незнакомец размахнулся и с приличным шлеп-

ком вlepил Вренне оплеуху. Леон потерял дар речи на секунду – но это удивление не шло ни в какое сравнение с шоком, гневом и замешательством, проступившими на мгновенно прояснившемся лице Вренны.

Будто ожив, она резко высвободилась из объятий Леона, шагнула к обидчику и не стесняясь в выражениях разразилась неслыханной бранной тирадой. Тот опешил, даже чуть отшатнулся, но быстро обрел самообладание, вздернул подбородок и довольно усмехнулся:

– Добрый день, принцесса.

– Да ни черта не добрый!

– Он станет еще паршивей, если ты не дашь мне сказать.

– Ну?

– Мы тут всё взрываем! Как хотел вон он, – и он ткнул пальцем в направлении уже менее терзающегося Джека.

Вренна проследила его жест, промолчала, а взгляд ее вернулся в глаза Игорю полным мрачной сосредоточенности.

– У тебя пятнадцать минут, чтобы убраться отсюда – и увести всех, кого считаешь нужным.

– Не взорвете ж пока ты тут.

– Знаешь, всё может быть! Зимин и Хоньев постараются задержать подрывников, но надолго не получится. Выбирайся отсюда, ясно? Здесь скоро камня на камне не будет.

Она кивнула, сдержав клонувший в живот страх, и Игорь, кивнув в ответ наподобие поклона, убежал, расталкивая пугающихся людей.

Расширившиеся серые глаза поднялись на Леона и несколько секунд панически пульсировали. Потом она сморгнула и собралась с духом.

– Возьми его, пожалуйста, и вытащи отсюда, – тихо и твердо приказала она, обернувшись к истерзанному Джеку. – А мне нужно сказать им...

Леон взглянул на порученное ему тело, и его передернуло. Он хотел было запротестовать, но посмотрел на сосредоточенную, удивительно повзрослевшую Вренну – и проглотил свои возражения.

– Разве ты успеешь убедить их? – настороженно спросил он.

Вренна молчала, словно не слыша его.

– Так, – его вдруг сдавило страхом. – Ты же собираешься уходить отсюда независимо от них, так? Пообещай мне, что через десять минут пойдешь...

– Лени! – рявкнула она, свирепо сверкнув глазами. – Возьми его, и выбирайтесь отсюда – оба – прямо сейчас! Что тут неясного?!

Воля Леона пошатнулась, и он кивнул. Несколько бессвязных скользких мыслей мелькнули одновременно в сознании: так ли чувствуют себя кораблисты, когда она им приказывает? Неужели я действительно брошу ее здесь одну? Она так дорожит этим... Джеком? Я ведь могу и не успеть спастись с мертвым грузом – а ей важно, лишь бы вытащили этого ублюдка.

Но он прогнал все эти соображения, как помехи с экрана, быстро подошел к телу, ухватил за подмышки, приподнял и, стараясь не обращать внимания на стекающие по рукам жидкости, потащил к выходу.

Вренна тем временем сосредоточенно вглядывалась в толпу. Люди вокруг казались одновременно взбудораженными и притихшими – они ожидали ответа на главный вопрос: удалось ли Джеку восстановить Договор. Те из них, кто наблюдал странную сцену между Вренной и Игорем и видел, как Леон утягивал Джека – выглядели напуганными и враждебными, но их было немного. Обращаться к ним не имело смысла, решила Вренна. Они не захотят ей верить.

Все остальные были озабочены только тем, вернулась ли к ним власть и положение. Мморок отправил нескольких ребят к клеткам с кораблистами, и теперь все ждали их возвращения. Вентедели перебрасывались негромкими замечаниями, нервно постукивали пальцами, щелкали зажигалками. Молодой парень, почти подросток, осмелел и приставал к официантке. Но в целом в зале становилось всё тише и тише с каждой минутой. Еще немного, подумала Вренна, и будет слышно, как бьются в нетерпении их сердца.

Что касается обслуживающего персонала, они были близки к панике. Что бы ни привело их сюда, они, очевидно, не ожидали, что окажутся в кругу прирожденных убийц, вернувших себе долгожданные права и привилегии. Девушка, которой домогался подросток, закричала, и он полоснул ее

ножом по бедру. Словно горячее от искры, вспыхнул весь зал, и люди принялись с воплями метаться от колонны к колонне. Раздалось четыре выстрела, и несколько человек упало с дырками в головах.

– Спокойствие, господа, – призвал зычный голос из середины зала.

Вренна обернулась туда – и наконец обнаружила того, кого искала. Мморочка. Если кто-то и может повлиять на происходящее, то это он.

Кто-то из obsługi притих, кто-то запаниковал сильнее – и получил свою пулю. Пары магазинов хватило, чтобы призвать гостей к порядку.

Вренна яростно пробиралась сквозь толпу. Спотыкнувшись о тело, она рывкнула на придурка, рассматривающего рану, растолкала группку женщин, закрывавших проход, до полуобморока напугала и без того рыдающую девчонку-бармена – и наконец добралась до помоста, на котором находился Мморок с подручными.

«Восемь минут? – взглянув на часы, подумала она с нервным смешком, – восемь минут на первый разговор с отцом за пятнадцать лет – если не первый в жизни? Отлично!.. ну что, была ни была!»

– Мморок! – крикнула она вверх, отчаянно жалея, что не вписывается по дресс-коду: больно уж грозно выглядели стволы в руках его окружения.

Он опустил взгляд – холодный, сильный, не старый. И

Вренна сжалась под ним.

– Можно поговорить? – уже гораздо менее уверенно попросила она.

Мморок явно узнавал ее, и это было одновременно и пугающе, и приятно. Он повел рукой, приглашая ее подняться на помост. Поколебавшись, Вренна залезла на полуметровую сцену и, робея, подошла к отцу.

– Кажется, всё вышло не слишком приятно для тебя, – холодно заметил он. – Впрочем, я не думал, что ты привязана к Дриммору: слухи говорят об обратном... Как он, кстати?

Вренна почувствовала, как контроль над диалогом ускользает от нее. Если вступить сейчас в милую семейную беседу, начать жаловаться, какой он плохой и невнимательный отец – все оставшиеся минуты пройдут даром. Поэтому Вренна только фыркнула с пренебрежением на все его «участие».

– Мморок, у меня к вам серьезный разговор – не до сентиментальностей. Вы знаете, кто такой Сказочник?

Мморок мрачно нахмурился, недовольный таким отпором, затем пожал плечами и кивнул.

– Серьезный разговор? Что ж, пожалуйста. Сказочник? Да, слышал о таком. Антон Сказочкин в миру, если не ошибаюсь?

Вренна медленно раскалялась от этой бессмысленной многословности.

– Его люди подготовили теракт, – как можно бесстрастней

бросила она. – Здесь и сейчас. У нас всех порядка шести минут на то, чтобы выбраться из Замка.

Ледяная маска вежливости наконец сошла с лица Мморочка – и он посмотрел на дочь в искреннем недоумении.

– Ну, во-первых... – начал он неспешно, загибая палец, но тут на входе в зал появился один из парней, посланных на разведку – и Мморок начисто забыл о Вренне. – Ну? – нетерпеливо спросил он, когда молодой Вентедель подбежал, распихивая толпу, к помосту. Десятки пар глаз были обращены на него, но, забравшись на сцену, он заговорил смущенно и тихо, так что слышать могли только Мморок и те, кто стоял совсем близко.

– Там что-то непонятное происходит. Мы открыли одну из клеток и приказали кораблисту оставаться внутри, но он вышел. Лайорр испугался и стал стрелять в него – кораблист увернулся несколько раз и напал на Лайорра. Мы его пристрелили, кораблиста в смысле, и тут окружающие стали бегать в клетках. Тогда мы...

– Всё ясно, – мрачно подытожил Мморок. – Договор он не заключил.

– Но они... – наивно заспорил докладчик, но Мморок махнул на него рукой и властно повернулся к Вренне.

– Не справился твой муж, а?

Вренна сжала губы, наливаясь гневом от его небрежности.

– А знаешь, – продолжил Мморок, со странным, изучающим интересом глядя на нее, – о чём мы с ним договорились

незадолго до бала?

– Послушайте! – взорвалась Вренна. – Да какая сейчас разница? Неужели так сложно предположить, что Замок правда взорвется?! У нас считанные минуты!

На сухом и бесстрастном лице Мморoka мелькнула злоба, и он резко наклонился к Вренне и крепко ухватил ее за запястье:

– Мы условились с Джеком – вернее я ему обещал – что, если он не выполнит моего поручения, эта обязанность ляжет на твои плечи!

Вренна почти пропустила это мимо ушей, не вникая, как вдруг смысл сказанного дошел до нее, и она вспыхнула от возмущения.

– То есть засунуть меня в эту чертову рвотную хрень?! Из всего многообразия выбора ты предпочтешь послать туда дочь?! – Вренна сорвалась на крик и окончательно потеряла контроль над собой. Всё дальнейшее показалось бы ей верхом абсурда и неприличия, будь она в здравом рассудке, но ее накрыло волной истеричной ярости и страха. Разум ушел на второй план, и вперед вышел инстинкт самозащиты.

Мморок хотел было ей что-то неторопливо и детально объяснить – судя по приподнявшимся бровям и открывающемуся жесту руки – но Вренна уже перешла в атаку.

– Ты! Как тебя зовут? – она схватила за руку парнишку, пытавшегося минуту назад рассказывать, что же стало с кораблями.

– Каэрттал... – неуверенно отозвался он, отстраняясь и пытаюсь вывернуться из ее хватки.

– Киря! – она фамильярно забросила руку ему через плечо. – Киря, ты же такой же, как я, да? Руки по пояс в крови, но душа не просрана? Киря, слушай, знаешь – один чувак из тех, кому мы сворачивали шеи за милую душу, нашинковал этот замок динамитом, и минут через пять мы тут все сгорим заживо, если никуда не смоемся. И вселенная, конечно, будет страшно торжествовать, что вот так вот запросто, одним махом, избавилась от сотни мерзких кровопийцев – да только хочется как-то не вселенской справедливости, а жить! – она широко улыбалась и слизывала с губ слезы. – А тебе, Киря?

Он косился на нее с ужасом и недоумением. Толку от него не было, и Вренна с отвращением оттолкнула его, так что он свалился с помоста.

– Папа! – зашла она с другого конца, кладя руки отцу на плечи. – Папочка! – она захохотала, смех плавно перешел в рыдания, но всё это длилось не больше десяти секунд. Затем она взглянула в изумленные глаза Мморoka и лукаво ухмыльнулась: – Неужели никогда не хотелось, чтоб тебя так называли? «Папочка», – она передразнила саму себя, и внезапно стала предельно серьезной, так что даже белки глаз, только что красные – побелели и охладились. – А ведь они все доверяют тебе, – тихо заметила она, кивая на толпу в зале. – Ты их лидер, их патриарх... а сейчас из-за твоего

неверия и невнимания – все они погибнут, – Вренна мрачно усмехнулась. – И не останется твоего рода. И никаких планов ты не сможешь воплотить. Отправить меня в чрево этой твари? – она вскинула брови с наплевательским бесстрашием. – Ну, вперед! Может, ты даже успеешь. Но только это ничего не даст. Все вы сдохнете к моменту, как оно меня выплюнет.

– Вренна, – наконец сумел вставить Мморок. – Что?.. что ты несешь?!

Вренна взгляделась ему в лицо и с ликованием заметила, что ей наконец удалось сорвать с него личину высокомерия и бесстрастия.

– Я тебе уже всё объяснила, – она пожала плечами.

– Откуда у тебя такая информация?!

– От тех, кто взрывает. Они посоветовали мне убираться отсюда.

– Они здесь? – Мморок невольно огляделся по сторонам.

– Они уже снаружи, – твердо заверила его Вренна.

– Они не могли выбраться.

– Они – могли, – Вренна фыркнула. – Ну что, может, прикажешь своим вышибалам свалить и выпустить всех наружу?

Мморок вернулся взглядом к ней – холодным и жестким взглядом.

– Ладно, – сказал он. – Он учти: если окажется, что ты врешь мне – ты пожалеешь, и я не посмотрю, что ты моя дочь.

– Ты, кажется, и раньше не смотрел.

– Раньше это были пустые угрозы, – бросил он через спину, поворачиваясь лицом к публике: – Дамы и господа!

Вренна прыгнула с помоста и побежала сквозь толпу к дверям. Она сделала всё, что было в ее силах, чтобы помочь им. Теперь главное, чтобы это не обошлось ей слишком дорогой ценой.

II

Объятый огнем, мощный, уродливо-величественный Замок, известный как Морская Корона, складывался, словно карточный домик. С каждым взрывом пласты стен вздрагивали и оседали вовнутрь. Последние мгновения Замка были идеально выверенным танцем, огненным вальсом хаоса. И на это зрелище нашелся свой зритель.

Робин, прижимая к ушам огромные наушники, завороченно внимал плодам своего труда. Кажется, даже пуля между глаз сейчас бы не отвлекла его и не умерила его восторга. Только по окончании какофонии взрывов он бы заметил дыру в черепе и соизволил скончаться. Но на целость его черепа никто не посягал, так что пиротехник мог вволю наслаждаться зрелищем разрастающегося пожара. Когда отзвучало эхо последнего взрыва, и стал слышен треск гигантского костра, Робин медленно стянул наушники.

Несколько десятков машин прогремело по бугристой лесной тропе мимо него. В небе над лесом шумели, взлетая, три или четыре вертолета. С поляны перед Робинком слышались людские голоса и нервный смех.

А от пылающего остова Морской Короны надвигался гул. Полторы сотни человек в панике бежали от огня, оглушенные, спотыкались о корни деревьев, падали, бежали дальше, едва не наступая друг на друга. Достигая поляны, они замирали в нерешительности, заметив вооруженных подрывников, и постепенно среди деревьев нарастала толпа.

В основном это были охранники, официанты, повара – разнообразная прислуга, работавшая на Вентеделей последние месяцы. Некоторые из них были на грани срыва от ужасов последнего часа, но большинство, впрочем, крепко держалось за свое сознание и уверенно смотрело вперед. Вообще, для толпы в критической ситуации они вели себя на удивление разумно и слажено – все-таки трусы и истерички не решились бы работать на Вентеделей. Единственным деструктивным элементом, разлагающим эту группу людей, были сами Вентедилы, затесавшиеся местами среди беглецов.

Большинство «господ», конечно, легко выбрались из этой передраги на автомобилях, сам Мморок с ближайшей охраной и другие «сливки» семейства воспользовались личными вертолетами. Тех, кто остался сейчас в лесу, просто бросили, уехав без них, либо их машины угнали особо находчивые слуги. Ужас, уязвленность и беспомощность исходили от этих людей почти осязаемыми потоками.

– Спокойствие, уважаемые, – улыбнулся всем прибывшим один из коллег Робина, убедительно поправляя автомат, ви-

сящий на ремне за спиной. – Если у кого-то из вас есть оружие, а я вижу, что есть, – он снисходительно кивнул недавним охранникам, – рекомендую сдать его моим друзьям.

«Друзья» вальяжно подошли к толпе и посмотрели выжидательно. Бывшие охранники растерянно переглянулись – и сдались. Покорно передали «друзьям» всю свою огневую мощь и остались без нее, словно голые.

– П-простите... – осмелела девушка из третьего ряда, в белом фартуке, запачканном от пробежки по лесу. Она протиснулась вперед сквозь толпу. – А что произошло? К-кто вы? И что с нами будет?

Дружелюбный человек с автоматом рассмеялся. Выражение его лица не давало понять, чего ждать от этого смеха, а глаза были скрыты за темными солнечными очками. Девушка явно дрогнула от такой реакции на вопросы.

– Как тебя зовут, милашка? – прозвучало возле ее щеки, чье-то нетрезвое дыхание окутало ее, точно облаком, тяжелая рука легла на плечо – и, фыркнув, молоденькая повариха резко извернулась, отпрыгивая от приставучего «друга».

– Макс-придунок, – засмеялся его брат по разуму и смачно откусил яблоко.

Третий «друг» попытался-таки ответить на назревшие вопросы, но в этот момент где-то на периферии народоскопления зародилась вспышка паники – и внезапно пошатнула всю поляну. Пока хрупкое спокойствие по кирпичикам восстанавливалось, к Робину подошел приятель и стал обеспо-

коенно жаловаться, как его утомила неизвестность, как бесит выполнять всю эту грязную работу, как он нигде не может найти пару человек (Игоря и еще кого-то)... Робин раздраженно покосился на него и послал довольно далеко – чтоб не мешал наблюдать за превосходным пламенем.

Когда паника наконец утихла, выяснилось, что причиной ей послужил чокнутый Вентедель, внезапно решивший кого-нибудь зарезать. Минут двадцать все спорили, казнить виновника или нет. Пытались связаться с начальством, но радиации передавали только помехи. В конце концов, его и всех остальных идентифицированных Венте-делей (некоторые предусмотрительно переоделись в наряды, снятые с мертвой прислуги, и успешно притворялись мирной публикой) было решено оглушить прикладом и доставить Сказочнику.

Дружелюбный человек с автоматом должен был дожждаться сообщения об окончании операции и разрешения покинуть позицию, но связи не было, и он в итоге махнул рукой: «Уходим».

Широкой вереницей они направились к машинам, которых и так бы не хватило на всех... Но на импровизированной стоянке их ждало на три или четыре автомобиля меньше, чем они там оставляли.

Брюзгливый престарелый Вентедель в одежде бармена поморщился, вспоминая, как усвистал его собственный бэнтли у него из-под носа, и мысленно фыркнул: «Удивительно, что

у вас хоть какие-то машины остались».

Он поспешил, оступаясь, к ближайшему фургону, но расторопность явно не была его чертой...

Заводя разящий бензином внедорожник, дружелюбный человек с автоматом крикнул толпе на прощанье:

– Ждите здесь, мы пришлем за вами вертолеты!

И разметая комья грязи, вслед за своими компаньонами исчез среди деревьев.

Робин с неопределенным беспокойством взглянул на испуганных, запачканных землей людей, оставшихся на поляне, но быстро прогнал смутную тревогу и вернулся к созерцанию величественного Огня...

Проклятье | 16

I

– Как он? – прозвучал взволнованный голос с переднего сиденья, и я краем глаза увидела, как Игорь, отвлекаясь от дороги, перегибается через край спинки, чтобы кинуть взгляд на нас с Джеком.

Что мне ему отвечать, черт возьми!

Голова Джека подпрыгивала на моих коленях на каждой кочке. Он так и норовил сползти куда-то под сиденье, и я обнимала его за корпус, то и дело подтягивая вверх. Утомительное занятие, между прочим! Не знаю, сколько он весит, но когда он поправится – ей богу, посажу его на диету!

Я глубоко и часто дышала, пытаюсь не позволить себе за-

плакать.

Черт возьми, больше всего сейчас хотелось бросить всё это, свернуться где-нибудь в уголке и разреветься! Это чересчур для меня! Я так устала, я просто хочу побыть одна!

Глубокий вдох – прижаться к мокрому горячему телу Джека, резко сесть, затаскивая его обратно на колени.

Почему после всего, что я только что пережила, я должна ехать в этой душной, вонючей машине, где все сидят почти что друг на друге?! Мне не вдохнуть в такой тесноте!

Нас подбросило на особенно высокой кочке, Джек вырвался из моих рук, ударился о спинку переднего сиденья, свалился вниз. Я, чертыхаясь, стала затягивать его обратно – он повис шеей на моем колене, голова свешивается в пустоту, болтается, как у игрушки-болванчика, глаза полураскрыты и светят белками, рот весь в голубоватой слизи, так и ползущей из него, толстые вены бьются на лбу...

Я судорожно всхлипнула, укладывая его голову себе на бедра. Слезы накатили волной и сорвались с век, побежали по лицу, и я трянула волосами, прячась за них, потому что свободных рук, чтобы утереться, не было.

Все вокруг благоразумно молчали.

Через неопределенное время мы выехали на нормальную дорогу, и Джек почти перестал сползать с меня. Придерживая его, я закрыла глаза и прислонилась лбом к холодному стеклу. Слезы, черт бы их побрал, не переставали.

Наверное, я задремала, потому что когда я в следующий

раз открыла глаза, Джека на мне не было – он, всё еще без сознания, полусидел рядом, голова откинута назад, и Зимин периодически поправлял его положение.

Я чувствовала себя свежее, происходящее вокруг больше не казалось однозначным адом – как-никак мы выбрались! И это многого стоит, черт возьми!

Я осмотрелась по сторонам. За окном уже сгущались сумерки, облака обещали порцию декабрьского дождя. За рулем был Игорь, рядом с ним Хоньев. На заднем сидении мы с Джеком и Зиминим. Лени и подозрительный незнакомец в одежде официанта, столкнувшийся с нами в замке и назвавшийся другом Джека, должны были сидеть в просторном багажнике – я смутно помнила, как они туда забирались. Я обернулась и увидела две макушки – похоже, они действительно теснятся там. А я тут страдала от того, в каких условиях сама еду... принцесса, как всегда.

Мы плутали по узким улочкам Штаман-Рейна. Начался дождь. Я вернулась к своей обязанности придерживать Джека.

– Некий «медицинский центр В. Карински», – озвучил Игорь, паркуясь. – Первое подобие больницы, которое мы тут встречаем. Давайте, на выход.

Зимин и Хоньев достали Джека, Игорь открыл багажник, и оттуда вылезли, кряхтя, Лени и загадочный официант. Оба выглядели более чем недовольными.

Все критически осмотрели здание «медицинского цен-

тра». Оно выглядело дорогим и заброшенным.

– Мы хоть одного врача-то здесь найдем? – усомнился, разминая шею, незнакомец.

Он был немногим выше меня, потрепанный, но на удивление самоуверенный. Это мало кому понравилось.

– Ты кто вообще такой, парень? – прикрикнул на него Игорь. – Не нравится – добро пожаловать обратно в багажник.

– Ты его знаешь? – настороженно обратился ко мне Зимин, придерживая перекинутую через плечо руку Джека.

Я покачала головой.

– Это еще ничего не значит, – заявил незнакомец.

Игорь недобро вскинул брови:

– Вот именно. Ты вполне можешь быть Вентеделем.

Незнакомец поперхнулся и засмеялся удивленно:

– Хех, ну я, конечно, польщен, но блин, я уже хотя бы по внешности не прохожу.

– А при чём здесь внешность?

– Ну, блин, посмотрите на них – все утонченные брюнеты, – он кивнул на меня, на Джека и пошевелил рукой свою короткую соломенную прическу. – Я явно не подхожу. Я его старый знакомый. Правда! – его явно удивляло и раздражало всеобщее недоверие. – Можете звать меня Якобс.

– Как кофе?

Он закатил глаза:

– Может, мы всё-таки занесем его в эту лечебницу и хотя

бы положим на нормальную кровать?

– Да уж, – тихо согласилась с ним я, но каким-то странным образом это услышали все – и кончили впустую препираться.

Без труда взломав замок, мы забрались в больницу, нашли первую попавшуюся палату и разместили в ней Джека. И хотя от его вида и состояния всё еще бросало в дрожь, во мне почему-то зародилась уверенность, что он справится и выздоровеет.

Мы поужинали чем-то невразумительным, почти молча, потому что все были измотаны. Я всё ждала, что со мной заговорит Лени, спросит, как я, попытается ободрить и поддержать – но он не отрывал угрюмого взгляд от консервов, а дов – отправился «пройтись». Посидев еще некоторое время среди наевшихся релаксирующих мужчин, я пожелала всем спокойной ночи, и, заглянув на несколько минут к Джеку, пошла спать в соседнюю палату. И хотя не было еще и восьми вечера, после всех треволнений этого дня я отключилась моментально.

II

«Смотри-ка, это не тво?..» Леон судорожно нажал паузу на панели видеокамеры. Он знал, что дальше будет, и не желал видеть это еще раз.

Мучительно зевнув (время шло к четвертому часу ночи), он перемотал на несколько записей назад и прослушал другой диалог, делая пометки в блокноте. Интервьюер из него, конечно, жалкий (ну что это за эканье, что за глупые вопро-

сы!), но это в любом случае совершенно эксклюзивный материал.

Протерев глаза, Леон отложил видеокамеру и взялся за фотоаппарат. Вот здесь были действительно взрывные кадры. Один взгляд на них наполнял его гордостью и уверенностью в собственном профессионализме.

Он бы давно пошел спать, но стоило ему оторваться от работы, как в голову лезли всякие докучливые мысли – и он всё равно не мог уснуть. В итоге он спал урывками, в сумме по три-четыре часа в сутки, и так продолжалось уже несколько дней – с тех пор как они поселились в этой заброшенной больнице. То время, когда он не спал и не хандрил, Леон либо отсматривал имеющийся материал, размышляя, как его лучше использовать, либо снимал новый, бродя по улицам пустынного города или в стенах их печального пристанища.

Самые жуткие и странные кадры, на свой взгляд, он снял позавчера в больнице – впрочем, вряд ли они могут быть где-то опубликованы. Эта небольшая фотоистория начиналась с группы людей, столпившихся вокруг кровати больного и снятых со спины. Дальше шло несколько лиц крупным планом – в них перемешались отвращение, жалость и обеспокоенность. Затем идет сам больной...

Леон хорошо помнил, как замер над телом Джека в какой-то мысленной судороге. Единственным выходом из ступора было продолжать снимать, но все уже смотрели на него с возмущением: его объектив казался им инструментом ци-

ничного надругательства. Пересилив себя, Леон вышел из палаты. Но вид этого человека произвел на него тяжелое впечатление.

Он, этот больной, Дриммор «Джек» Вентедель, был тем, кого Леон по мере своих душевных сил привык ненавидеть. Не яростно и буйно, как это делала Вренна (по ее словам), а тихо и отстраненно. Просто если заходила речь о каких-то прославленных мерзавцах, о бессмысленном зле или неоправданной жестокости, Леон обыкновенно с горечью и этой самой тихой ненавистью вспоминал его, Джека.

И вот, он лежит перед ним. На больничной койке, беспомощный, коматозный, терзаемый какой-то невиданной заразой. И это – тот злодей, тот ненавистный враг и убийца, которого Леон помнил четыре года?

Сама абсурдность такого несоответствия затмила Леону глаза, и он не мог понять даже, насколько внешность этого «несчастливого» соотносится с внешностью того «чудовища». И уж подавно он не мог понять, что думать по этому поводу и как ко всему этому относиться. Единственное было несомненно: увиденный образ лишил его покоя, и его терзали самые противоречивые чувства – включая вину, злорадство и туманное безразличие.

Тем же вечером, когда палата Джека временно освободилась от наблюдателей, Леон отправился туда и тщательно отснял его состояние. Теперь, медленно просматривая эти кадры и путано размышляя о них и не только, Леон уснул в крес-

ле с камерой в руках.

III

– Джек! Ты очнулся?

Я обвел взглядом потолок, но никого не увидел. Надо было сесть, но я не мог себя заставить. В поле зрения появился Игорь и улыбнулся. Нужно было как-то поздороваться с ним, но разговаривать не хотелось, и я лениво подмигнул.

– Как ты? Ты давно очнулся?

Да, наверно давно, – подумал я. Уже несколько часов созерцаю потолок и не могу заставить себя пошевелиться. Нет, я прекрасно ощущаю все конечности, просто мне чертовски лень. И есть такое впечатление, что попытка встать отнимет у меня столько же сил, сколько у здорового человека – марафонский забег.

Но, видимо, разговаривать всё же придется.

– Нормально, – сказал я и почти не услышал собственного голоса. Осознание собственной слабости вдруг стало остро раздражающим.

За те несколько часов, что я тут провалялся, будучи уже в сознании, я достаточно хорошо вспомнил всё, что мог, и у меня накопились вопросы.

– Как прошло? – пробормотал я.

Игорь сел на кровать.

– Можно сказать... успешно. Правда, Вренна предупредила Мморока, и почти все Вентедели успели выбраться, а это не входило в планы Сказочника, но... а для тебя и это,

наверно, хорошая новость, да? – он рассмеялся.

– Почему? – просипел я, имея в виду что-то вроде «почему Сказочнику надо было сжечь Вентеделей? Разве он крутой борец со злом?»

Но Игорь вскинул брови:

– Ну они же типа твои родственники.

Я закатил глаза. Игорь и это истолковал по-своему.

– Ну как знаешь. В общем, почти все они живы и где-то скрываются. Из персонала тоже многие спаслись. В общем, получился на удивление безобидный взрыв. Ни одного кораблиста в зоне Морской Короны с тех пор не замечено. Через несколько часов после Морской Короны подорвали и все остальные Замки.

Я с ужасом уставился на него.

– Все?

– Ну да.

Вот ублюдки, – подумал я, судорожно вспоминая всё, что можно было бы забрать из моего Замка – но уже поздно.

– Всё это было изначально твоей идеей, – задумчиво заметил Игорь, будто в насмешку над моими мыслями. – Похоже, твой план удался.

Я хотел было что-то съязвить в ответ на это, но, во-первых, мне не хватило бы воздуха на длинную фразу, а во-вторых, Игорь смотрел на меня почему-то предельно серьезно, почти печально. Я попытался прочувствовать эти слова – «твой план удался», – но ничего кроме горькой усмешки они

не вызывали.

Я словно дал пинка своей больной бешеной собаке, и она побежала по городу, кусая детишек направо и налево. Часть детишек померло, зато всем остальным сделали прививки, и бешенства они больше не боятся. А собака вернулась ко мне домой и издохла у порога, даже не поскулив мне на прощанье. И теперь ко мне приходит социальный работник и говорит: «Наш город больше не боится бешенства, и все благодаря тебе, дружище». А главное, каким-то подсознательным чутьем я-то знаю, что вакцина временная и бесполезная, но молчу, чтоб ни в чём не обвиняли.

– Ладно, – опомнился вдруг Игорь. – Ты наверно голоден, да? Я сейчас чего-нибудь принесу.

Он вышел из комнаты, а я прислушался к ощущениям. Может, я и был голоден, но класть что-то в рот, жевать и глотать точно не хотел. А вот от воды я бы не отказался. Стоило о ней подумать, и я понял, что меня мучает жуткая жажда.

Игорь вернулся с бутылкой воды, парой банок консервов, пластмассовыми приборами, пачкой чипсов, пачкой сигарет и зажигалкой. Курить хотелось тоже, это точно.

Я понял, что пора садиться, но это не помогло. Я продолжал лежать. Игорь тоже понял, что мне пора садиться, и, пока он подтягивал меня выше по кровати, усаживал и облакачивал на подушку, я проклянул мирозданье.

Закончив, он встретил мой взгляд и засмеялся.

– Скажи спасибо, что Вренну не зову – она б тебе еще и

колыбельную спела.

«Если бы Вренна суетилась вокруг меня, это по крайней мере можно было бы понять не только как признак моей немощности», – фыркнул я, но сам тут же усомнился в этой мысли.

Игорь дал мне бутылку, и я, достав наконец руки из-под одеяла, принялся жадно пить. У воды был странноватый вкус, и с каждым глотком мне хотелось пить всё больше и больше. Пока внезапно пищевод не воспротивился и не сжался, останавливая последний глоток под самым горлом. Я поперхнулся, судорожно отдал бутылку Игорю и наклонил голову вниз, чувствуя наступающую волну. Меня вырвало свежесваренной водой, постель мгновенно стала мокрой, а на подушке, не проникая в ткань, остались медленно таять несколько лоскутков голубой слизи.

Я выругался. Получилось даже довольно громко.

– Что это за хрень?

– Тебя всё время, как ты вывалился из Кристалла, этой штукой тошнит, – виновато объяснил Игорь. – Оно... по ходу, залезло в тебя, пока ты залез в него.

– Что за порнография?

– Хе-хе. Из тебя вылилось уже литров десять, мне кажется. Теперь это уже так, остатки.

Я попытался всё это представить, и меня едва не вывернуло опять, теперь уже от отвращения.

Липкая холодная простыня заставила меня собраться с

силами, и я вылез из постели – постоял пару секунд, борясь с головокружением, и сел на пол возле кровати.

– Давай поищу полотенце, – вздохнул Игорь и вышел из комнаты.

Я посмотрел на сухой паек, разложившийся на прикроватном столике, испытал секундный приступ аппетита, тут же понял, что меня вывернет от любого вещества в пищеводе – и закурил. Волны никотина сладко заливали изголодавшийся по сигарете организм.

Вскоре вернулся Игорь с полотенцем, а затем, не прошло и получаса, как в палату набилась целая толпа посетителей, пришедших поглазеть на меня внезапно подвижного и говорящего. Я пытался отвечать им и отшучиваться, но от галдежа и духоты, которую они принесли с собой, меня начало мутить, и я с трудом воспринимал смысл их слов. А потом как-то неожиданно стало тихо, и рядом со мной осталась только Вренна.

Я представил себя со стороны – лежу бледный, тощий на полу возле кровати, бормочу что-то, медленно перевожу мутный взгляд туда-сюда – вот она и разогнала всех. Меня снова свело от отвращения к собственной беспомощности.

Вренна меняла постель.

Мне чертовски захотелось остановить ее и прогнать, но это бы только ухудшило мое положение – мало того, что сам о себе позаботиться не могу, так еще и капризничаю.

Она закончила и обернулась ко мне, ожидая, наверно,

увидеть, что я без сознания. Наткнулась на мой взгляд, тихий и безумный, и отвела свой.

Всё это было до боли неловко. Мы оба, должно быть, то и дело вспоминали, как я в прошлый раз так валялся, при смерти, а она стояла надо мной, безрадостная и безучастная, точно зная, как именно яд убьет меня. Сейчас я валяюсь если не при смерти, то полуобморочный, и она без понятия, как мне помочь, бегаёт и суетится вокруг меня, чуть ли не слюнки подтирает, а стоит мне посмотреть на нее – и она притворяется враждебной и безучастной. И самое тупое, что, черт возьми, будь она на моем месте, а я – на ее – так вел бы себя точно так же – точно так же бегал бы вокруг нее и точно так же отводил глаза. Да что же за отношения у нас, нелепые и болезненные! Почему мы не можем обходиться друг с другом как нормальные люди?

– «Как ты себя чувствуешь?» – насмешливо спросил я сам себя и сам себе ответил: – «Гораздо лучше» «Я рада, что ты пришел в себя».

Она зажмурилась и беззвучно рассмеялась. Обернулась ко мне с усмешкой:

– Конечно, давай будем говорить бессмысленные фразы, это же так весело и занимательно.

Я улыбнулся. Она присела рядом и в ответ на мои вопросы стала неспешно рассказывать свою версию произошедшего в Замке.

На протяжении двух следующих дней мне становилось хуже. Я не мог ни есть, ни пить и физически чувствовал, как час от часу мои силы иссякают. При этом я довольно много бодрствовал, не разрешая себе уснуть, и в голове моей крутились самые мрачные мысли. Я думал, что пришло время мне заплатить за все мои ошибки, что я должен был умереть еще на балу, захлебнуться в кристалле, но мне удалось вывернуться из лап смерти и убежать – но всего на несколько дней, а теперь костлявая вернулась за своей добычей. Я вспоминал все ситуации, когда моей жизни грозила опасность (а их оказалось удивительно много), и говорил себе, что выжил в них только потому, что моя роль в этом мире еще не была сыграна до конца. А теперь, когда я расторг Договор – моя задача выполнена, и я могу и должен умереть.

Всё это время рядом со мной кто-то дежурил, пытался помочь мне – и чаще всего это была Вренна. Иногда я почти не замечал ее, иногда начинал с тихим жаром пересказывать свои мысли, и она пугалась и злилась на мой фатализм, но утешить меня не могла.

Потом я надолго отключился, а когда пришел в себя, то увидел над собой незнакомого человека в очках с непроницаемым выражением лица.

– Лежите, – требовательно сказал он, когда я начал шевелиться. – Я поставил вам капельницы – не двигайте руками. Как ваше самочувствие?

Самочувствие было на удивление приличное.

А не прошло и часа, как начались всяческие врачебные экзекуции, которые сводят на нет любой фатализм и любую философию.

Как вскоре выяснилось, этими экзекуциями, как, собственно, и спасением, я был обязан Якобсу. Впрочем, косвенно.

Мое состояние казалось безнадежным не только мне, но и окружающим. Маясь безысходностью, Якобс позвонил Артуру. Не чтобы поделиться горем – скорее, наоборот: притвориться, что всё в порядке... но разговор мгновенно вышел из-под контроля:

– Господи, да я вам с Джеком тысячу раз звонил! Где вы? Что с вами? Почему вы две недели не брали трубки? Мекс всё твердит, что у нее видения, и вы в беде!

Якобс опешил, замялся. Было бы издевательством сказать, что мы были в Морской Короне за десять минут до взрыва, но всё хорошо, мы успели сбежать, вот только Джек прямо сейчас умирает.

– Да что ты молчишь? Аллю!

– Да, я... мы в Штаман-Рейне. Джек болен.

– Чем? Что с ним?

– Не знаю. Никто не знает. Что-то странное.

– Что значит «что-то странное»? Какие симптомы?

И Якобс рассказал всё по порядку, начиная еще со своего проигранного спора с наемниками Мморoka. Когда он дошел наконец до симптомов, Артур потребовал, чтобы он повто-

рил их все Мекс, и передал ей трубку. Мекс сосредоточенно выслушала – и разозлилась:

– Что, и это всё? Да я и двух курсов в меде не закончила – и знаю, что тут делать! У вас что, интернета нет? Нельзя прогуглить? У него просто обезвоживание и голод. Нужно ввести глюкозу и раствор соли. У вас там есть врачи?

Покатавшись по городу, в который постепенно возвращалось население, Игорь с подручными раздобыли врача, и то ли наняли, то ли похитили его, чтобы он меня лечил. С помощью элементарной капельницы он за считанные часы поставил меня на ноги, а затем всякими изощренными методами, которых и названия-то вспоминать не хочется, стал постепенно выводить из моего организма остатки кристалла.

Через неделю этот врач заявил, что сделал всё, что в его силах, и безучастным тоном дал мне сотню рекомендаций, кардинально не соответствующих моему образу жизни. И, взяв оплату мелкими купюрами, радостно уехал. Может, мы его пугали, а может, лечить Вентеделя казалось ему чем-то недостойным.

Я всё еще чувствовал себя довольно слабым и боялся съесть лишний кусок мяса, но опасений мое состояние больше не вызывало. Тем временем из нашего убежища приехал Артур, из ревнивой предосторожности оставив Мекс дома, и мы подолгу трепались втроем: я, он и Якобс. Правда, выяснилось, что с ноутбук с моим «летчиком» безвозвратно сгнил, и на минутку мне снова захотелось впасть в депрессив-

ный авитаминоз – но вскоре я решил, что таки отделался малой кровью.

По мере выздоровления, чем больше я убеждался в своей безопасности, тем сильнее меня волновал один странный вопрос. Что происходило с голубой слизью, после того как она расставалась с моим телом? Нет, это не зависимость и не умопомешательство. Это вполне закономерный вопрос. Но я осознавал его нелепость и задавал только тем, кто мог знать, и очень осторожно. Большинство не понимало, о чём я, и я закрывал тему. Потом я спросил Вренну, и она пожала плечами:

– Она уползла. Я видела, как она перебиралась через стенку тазика, как медуза. Ну, это же часть кристалла – она что-то себе думает, хочет.

Я уставился на нее:

– Ты понимаешь?

Вренна встретила мой изумленный взгляд с легким недоумением.

– Не знаю. По-моему, это всё мерзко, и надо забыть.

Я покачал головой.

– Слушай, можешь позвать Артура? Я хотел вам обоим одну вещь рассказать.

Я бы пригласил и Якобса, но не мог избавиться от осторожного недоверия к нему.

Вренна взглянула на меня устало.

– А можно не сейчас, Джек? У меня есть дело.

Я удивился. Неприятно удивился. Что-то в ней изменилось, что-то стало не так после того, как я вернулся из небытия. Уж не разочарована ли она?..

И тут я вспомнил что-то. Перед глазами на секунду всплыло изображение светловолосого человека, стоящего рядом с нею, потом сидящего напротив меня, с ледяными глазами, с раздутыми от бессильного протеста ноздрями. Я крупно видел его лицо – он наклонялся надо мной? И мы, кажется, даже говорили тогда. Я бормотал что-то бессвязное, слышал чей-то голос в ответ. Всё это было приветом из прошлого, всё это что-то значило. Я силился нащупать свои воспоминания внутри воспоминаний, поймать те ощущения – но лицо... я уже вспомнил его. Сейчас, на трезвую голову, я понял и вспомнил достаточно.

– Лени?..

Она раздраженно молчала.

Воспоминания разбивались о мой разум, как волны, накатывая одно за другим, и я не мог укрыться от них. Они шли попеременно – то старые, с Лени-мальчишкой, над которым я потешался, проверяя свои постановочные способности, то свежие, туманные и болезненные, в которых человек с тем же лицом почему-то лет на десять старше и вызывает уже мой страх.

Была поздняя беспросветная ночь, может даже утро – раннее декабрьское утро, часов пять. Вренна вышла из палаты на несколько минут, измученная, с глазами, тонущими в

огромных темных омутах вокруг них, и вернулась с ним, с незнакомцем, как мне показалось. Я был наполовину в сознании – всё видел и слышал, но плохо связывал события между собой и едва ли мог логически мыслить.

Теперь я припоминаю, что Вренна попросила этого «незнакомца» посидеть со мной, потому что она почти сутки не спала и валится с ног, а он... и возразить не успел. Потому что она и не просила толком, а просто сообщила ему, поставила в известность, что идет спать на несколько часов, а он остается тут, на ее месте.

Она вышла, «незнакомец» подошел, встал надо мной, и мы долго молча буравили друг друга взглядами. Если бы это был поединок взглядов, то он бы, несомненно, победил. Потому что меня его вид наполнял ужасом. Я ясно видел, как он достает откуда-нибудь мокрую тряпку, накрывает мне нос и рот – и вот, я беззвучно и беспомощно задыхаюсь, как какой-нибудь недоношенный котенок. Я мог выдумать множество способов тихого и безапелляционного убийства, и взгляд этого человека, неотрывный, безжалостный, не давал мне думать ни о чём другом.

Но хуже всего было, что даже ничего не делая, он может наслаждаться моим ничтожеством и унижением. Меня накрывали, затягивали на секунды бездонные пропасти воспоминаний, я приходил в себя, видел его сидящим напротив, ловил себя на том, что брежу вслух, проклинал всё, снова отключался. А потом его место занял Якобс, и я с облегче-

нием и неосознанной благодарностью уснул.

Теперь я сидел на кровати, и в ушах стояли шаги Вренны и щелчок, с которым за нею закрылась дверь. «Он всё еще здесь? – напряженно думал я, – если он всё еще здесь...» Мысль об этом человеке вызывала во мне злость – обнаженное, раскаленное чувство соперничества, мстительность и ревность. Всё, что было с ним связано, выводило меня из себя. И зачем я тогда оставил его в живых?

Люди | 17

I

С отменным щелчком Леон откупорил четвертую бутылку пива и разлил его по граненым стаканам.

По мере того, как город неохотно оживал, здесь заново открывались бакалеи, и становилось возможно употреблять что-то кроме больничных запасов. Впрочем, Леон не был уверен, что пиво и прилагающиеся к нему разносолы были результатом покупки, а не мародерства.

Легкий хмель пустил свои побеги у него в голове, и теперь разговор клеился легче.

– Слушай, конечно, я не буду говорить, мол, какого черта он поправляется. Он твой друг – да и вообще, это не по-человечески, – Леон отхлебнул из стакана. – Но просто я не понимаю, что она в нем нашла!.. Вот сколько можно вокруг него бегать?

Артур, его пивной собутыльник на этот вечер, усмехнулся

и промолчал, посчитав этот вопрос риторическим.

– Она ведь даже – представляешь? – заставляла меня с ним сидеть! Господи... Да я в страшном сне представить такой злой иронии не мог. Я даже не знаю, что было ужасней – подтирать за ним (черт возьми!) или выслушивать его бредни о великой жертве или еще более величайшем предназначении.

– Только после трех стаканов дешевого пива человек может сначала вспомнить, что говорит о твоём друге, а потом начать поливать его грязью, – философски заметил Артур.

– Грязью? По-моему, я очень сдержанно выражался. Грязью я поливаю по-другому.

– Ну, разумеется. Я вот только не очень понимаю, за что ты, собственно, так взъелся на него? Ну, помимо ревности, разумеется.

– Я думал, ты знаешь эту историю?

– Как он развел вас с Вренной? Да, разумеется. А ты бы предпочел, чтобы он действительно кого-то из вас убил?

Леона передернуло от снисходительности, сквозившей в голосе этого пижона. Он фыркнул:

– Дело же не в этом.

– А в чем же? – нелепо потягивая пивную пену с края стакана, Артур буравил его черными насмешливыми глазами.

– В том, что он заставил нас поверить в смерть друг друга, – с расстановкой раздраженно разжевал Леон. – Это ведь всё равно что он убил ее для меня, а меня – для нее, пони-

маешь? Мы абсолютно верили в то, что другого больше нет.

– Я понимаю.

– Пф, – он закатил глаза.

– Пять лет назад, – повествовательным тоном начал Артур, выжимая в осевшее пиво вялую четверть апельсина, – я во второй раз в жизни попал в клинику. Тебя кстати не напрягает общаться с психически неуравновешенным огненным магом? Так вот...

Леон, слышавший от Вренны про «огненную магию», про себя усмехнулся.

– ...Дело было в том, что мне – вернее, нам: мне, моим товарищам и моей будущей жене – прислали фотографии и видеозапись. С казнью нашего общего друга. Отвратительно долгая казнь и отвратительно подробная запись с отвратительными комментариями и разглагольствованиями. Автор записи явно наслаждался происходящим – и автор записи явно был сестрой нашего друга. Впрочем, сводной. Никто из нас не усомнился в подлинности записи, и... мы очень горевали, конечно, и винули себя...

Я в ту пору был беглым психом (ничего не изменилось). А поскольку матушка моей невесты считала, что я свел ее дочь с пути истинного, и поскольку она обладала неплохими связями – охотились за мной довольно усердно. Поэтому стоило мне отвлечься на оплакивание друга, как сосредоточенность моя пала, и им удалось меня отловить.

Собственно, я не знаю, зачем рассказываю про психушку,

невесту, тещу и прочих – суть, конечно, в той видеозаписи. В общем-то, я выбрался из клиники и пережил еще массу захватывающих приключений, а затем, недавно, несколько месяцев назад, я встретил того самого друга, чью смерть видел собственными глазами. И это была не галлюцинация, не призрак и даже не зомби. Живой и здоровый (ну почти) человек, который также пять лет назад получил всяческие свидетельства и доказательства моей и остальной компании смертей. Разница лишь в том, что незадолго до этого его сестра (та самая, которая сводная, она же единственная) позвонила ему и намекнула, что все фотографии нужно воспринимать как угрозу – серьезную угрозу, но не более того. Всё, что требуется от него, чтобы не допустить воплощения этих фотографий – не водиться с нами и поменьше выходить из дома – ну, может, что-то еще, я точно не знаю. Вот, а звали того нашего друга (и по сей день зовут) Джек Вентедель.

Минуту Леон молчал, переваривая.

– А тебе не приходило в голову, что он сам всё это подстроил? – наконец мрачно спросил он. – Иначе он мог бы позвонить вам, как-то дать знать, что он в порядке.

– А тебе не приходило в голову, что в вашем случае всё подстроила Вренна? – легко и с иронией парировал Артур.

– Ясно, – буркнул Леон.

– А не связался он с нами, я думаю, потому что ему вполне ясно пригрозили на этот счет.

Несколько минут они молча разглядывали стаканы, затем

Леон долил в свой остатки пива из бутылки.

– На видео и фотографиях, как я понимаю, – констатировал он, – были другие люди, так. Плюс эффект Кулешова – ты видишь лицо одного человека, потом лежащего на земле каскадера – и думаешь, что на земле лежит тот первый.

– Ну да. Кого сейчас удивишь вымыслом на экране. Спецэффекты, всё такое.

Леон кивнул.

– Спецэффекты плюс эффект любительской камеры – вот и получается иллюзия достоверности, правдоподобный логотрон.

Они оба хлебнули, и огненный маг довольно причмокнул от получившегося у него апельсинового пива.

– Я вот одного не понимаю, – продолжил Леон, – зачем якобы мучительная казнь, насмешки и комментарии?

– Ну вот этого я тебе уже не могу сказать, – пожал плечами Артур, вполне разделяя недоумение собеседника. – Может, это врожденная вентеделевская жестокость. А может, необходимое звено во всей цепочке, согласно женской логике его сестры. А может, у нее записей более гуманных убийств не было. А может, ей нужно было отчитываться перед старшими, а те давали дополнительные баллы за креативность и артистизм. Я понятия не имею, короче.

Леон невесело усмехнулся.

– И что, ты хочешь сказать, что питаешь к этой даме глубочайшее уважение и благодарность за то, что она никого из

вас не убила?

Артур удивился.

– Э, я наверно ничего к ней не питаю – я и не видел ее никогда (ты, кстати, понял, что это мать Вренны?). Я хотел сказать, что это во многом объясняет поступок Джека.

– Мать Вренны? Но она говорила о матери как о милой домашней женщине, совершенно ассимилировавшейся в нормальном мире.

– Что ж, в тихом омуте.

Журналист заковыристо выругался, а волшебник рассмеялся.

– То есть, – продолжал Леон, – ты хочешь сказать, что этот великий страдалец просто повторял за старшей сестрой?

– Посмотрел бы я на тебя, если б тебя засунули в кристалл, – устало, но беззлобно фыркнул Артур.

– Посмотрел бы я на него, если б его потащили на чертову кухню и едва не разделали, – отрезал Леон с открытым раздражением.

– Уж ты бы посмотрел, не сомневаюсь, – Артур осушил стакан. – Я могу рассказать тебе свою версию его мотивов.

– Расскажи.

Артур вздохнул, предчувствуя споры.

– В основе три чувства: ревность, азарт и милосердие.

Он тут же продолжил со свежей энергией, не дав возмущенному Леону себя перебить:

– Ну, можно сказать, «страх мук совести». Вообще, лю-

бой порядочный поступок человека можно объяснить как «он боялся чувства вины». «Он вовсе не герой – он трус! Он спасал котят из огня из страха перед муками совести».

Леон рассмеялся, и Артур улыбнулся ему со снисходительной благосклонностью, но тут же спрятал это выражение за своей обычной философской улыбкой.

– Так вот. Скажем, ревность, азарт и совесть. С ревностью всё понятно, азарт тоже в основном уже обговорили – Джеку хотелось испытать свои способности к драматическим постановкам. А еще обойти сестру: ей удался обман за глаза, он же – провел вас напрямую, без помощи объектива. Совесть? С ней всё, в общем-то, тоже довольно просто: он не хотел быть виновным в смерти парня, в которого влюбилась его подопечная. Вот, в общем-то, и всё. Остаются разве что априорные факторы. Априори Вренна не должна была вступать с тобой в отношения, а Джек априори должен был за ней следить и контролировать это. Почему так – нужно спрашивать не у них, и уж тем более не у меня – а вообще непонятно у кого. Меня всегда поражала абсурдность и бестолковость их Правил. Но то, что они пытались их соблюдать – это понятно, это привычка и воспитание. Тут уж, знаешь... скажи спасибо, что Вренна тебя при первой встрече не убила.

Артур выдохнул, с сожалением посмотрел в пустой стакан и облизал пересохшие губы. Леон вызвался сходить еще за парой бутылок, но, едва выйдя в коридор и пройдя несколько метров, он остановился в задумчивости. В голове звучали

обрывки фраз. Такой плотный поток важной, но субъективной информации выбил его из колеи. «И почему я не включил диктофон?» – сокрушенно думал он.

Собравшись с силами, он продолжил паломничество за пивом. Мать Вренны – садистка, вдохновлявшая Джека? Что же за грязь в голову лезет, фу. А ведь у нее маленькие дети... Как там Вренна говорила? Он припомнил имена и возраст ребятишек. И тут же перед ним всплыла рожица другого карапуза, а вместе с ним и женщины, баюкающей его на руках. Лени вновь застыл посреди коридора, невольно ежась от обуявшего его острого одиночества. Как давно он не видел их! А ведь она звонит ему, постоянно, а он!..

Он сел на подоконник и с горечью уставился в телефон.

Шесть пропущенных от жены, и это только за сегодня. Он звонил ей два дня назад, наплел что-то неправдоподобное и быстро повесил трубку. Так он делал последние недели. А она, по ту сторону связи – такая покорная, такая грустная, такая доверчивая...

Он смотрел на номер жены, на ее фотографию, и уже который раз почти нажимал кнопку вызова – но в последний момент останавливался, не зная, что сказать.

Мимо прошли двое человек из этой банды террористов-освободителей, подорвавших Замок, и перекинулись парой слов с ним. Леон усмехнулся им вслед. Из них получатся яркие типажи для заметки... Вообще, он попал в обстоятельства, необыкновенно удачные для журналиста. Риск

окупился сполна. Это и нужно говорить жене – но если он так скажет, она будет корить его за безрассудство и безответственность и всё так же обижаться из-за его долгого отъезда. Что удивительно, за всё время его отношений с Вренной, она ни разу не заподозрила измену. Это вроде и радовало, и многократно всё упрощало, но вместе с тем заставляло его всё чаще чувствовать себя подлым обманщиком и терзаться по этому поводу.

Он должен вернуться к семье. Он должен уберечь иллюзии жены о его благоверности. Тем более что Вренна... в его голове мелькнуло несколько разрозненных, будоражающих кровь образов – «тем более что Вренна тоже замужем», – закончил мысленную фразу он.

«Нужно поговорить с ней. Прямо сейчас – пойти и...» Леон поник на подоконнике. Воображаемая Вренна хитро и маняще улыбнулась ему и опустила маленький подбородок на сложенные кисти. Он не хотел отступаться от нее. Он не мог полностью разобраться в своих чувствах, не мог понять, что именно привязывает его к этой девушке. Но необходимость отказаться от нее, уступить ее – приводила его в отчаянье.

Может, это просто ущемленная гордость, злая ревнивая горечь. Может, он и без паршивца-Джека оборвал бы эту связь через месяц или два – тем более что Вренна во многом оказалась не той, которую он помнил... но, черт возьми, как пустынно от этих мыслей на душе.

Но разве можно продолжать это? Она и не слышала о верности, он притворяется, что забыл таковую. Свободные отношения? Нет, это не для него.

Красочной карикатурой всплыла сцена их чертова поцелуя. Леон мучительно поморщился, потом вздохнул.

Может, в этом есть и плюс... Ему не придется бросать ее, одинокую и преданную, и страдать, вспоминая ее слезы. У нее есть *он*, и что бы за загадочные чувства их ни объединяли, сложно придумать более тесную связь...

Леон неохотно слез с подоконника. Нужно пойти к ней. Поговорить... Но сперва он должен сходить за пивом.

II

Ближе к зимним праздникам, Новому Году и Рождеству, Штаман-Рейн начал возрождаться. Сюда постепенно возвращались коренные семьи, привязанные к городу, в темных окнах появлялись огни, оживали некоторые магазины и муниципальные организации.

Утром 17-ого декабря меня вдруг осенило: а ведь Майя училась здесь, в Штаман-Рейне. Я не знаю, где именно располагался ее лицей... но к зиме кораблисты похищали людей уже по всему городу.

Я странно оледенела от этой мысли, медленно села в постели, взяла телефон. Почему я не вспоминала о ней ни разу с тех пор, как заново встретила Лени? Почему вспомнила сейчас?

Я покосилась на Лени. Он спал на боку, подмяв под себя

одеяло, и тихо сопел.

Просмотрев список звонков в телефоне, я обнаружила, что наш последний контакт был больше трех месяцев назад... Бездушные цифры и буквы на экране почему-то угнетали меня и вселяли уверенность, что мрачное предчувствие, внезапно меня охватившее, окажется верным.

Я не знала, как это проверить. Ну, то есть, я позвоню ей, и она не возьмет трубку. И что? Это не даст мне никаких ответов. И то же самое, если телефон будет недоступен.

Я остановила громкий вздох, боясь разбудить Лени.

Я чувствовала себя виноватой в ее гибели. Это такая черная ирония. Я, физически убившая сотни человек без каких-либо эмоций и переживаний, теперь корю себя за смерть, к которой и отношения-то не имела. Вот что я могла сделать? Даже если бы мы созванивались каждый день – я ведь и не знала тогда, что в Штаман-рейне настолько опасно. И всё же я остро чувствовала, что подвела эту странную жизнерадостную девочку, что я была в ответе за нее – по крайней мере, в том, что касается Вентеделей и кораблистов, но я проявила, что называется, преступную халатность – попросту забыла об этой своей подопечной, и вот, что из этого вышло.

Я беззвучно выскользнула из-под одеяла, накинула какую-то одежду и вышла в коридор. Без какой-либо надежды я нажала кнопку вызова. Майя ответила на втором же гудке: – О, привет! А я как раз на днях думала о тебе!

Я опешила от такого внезапного поворота событий и не сразу нашлась, что сказать. На каждое мое «Э-э...» Майя начинала безудержно тараторить, и в итоге (я сама не поняла, как так вышло) мы договорились встретиться в тот же день ранним вечером в «Сюрионе», там же, где виделись в последний раз.

Я попросила Славу подбросить меня ко входу в парк, и он охотно согласился.

– До сих пор не могу поверить, что всё благополучно закончилось, – признался он, пока мы ехали по белесым от снега улицам. – И, похоже, это ты опять всех спасла?

– Нет уж, – фыркнула я, покраснела и отвернулась. Он беззастенчиво со мной заигрывает, этот симпатичный мальчик со шрамом, сколько можно?

Зимин рассмеялся, и всю оставшуюся дорогу до «Сюриона» мы молчали, а я смотрела в окно и глупо улыбалась.

В назначенном месте под аркой покачивался в такт музыки силуэт в шубке. Я присмотрелась к ней из-за стекла автомобиля. Ровно подстриженные волосы, вылезая из-под шапки, симметрично обрамляют лицо, на руках перчатки, за спиной – маленький модный рюкзак. Что-то в ее образе неизменно вызывало умиление. Я вышла из машины, помехала Зимину и направилась к Майе, а за спиной зашуршали шины.

После бурных приветствий мы двинулись вглубь замершего, беззвучного, заснеженного парка аттракционов. В от-

вет на мои расспросы Майя рассказала, что ее лицей дважды переезжал за эту осень – всё дальше и дальше от Замка. Конечно, некоторые непоседы продолжали навещаться в город, но, после того как двое ушли и не вернулись, остальные ученики стали покладистей. Кое-кого родители забрали из интерната, но в основном жизнь и учеба внутри него мало изменились.

– Ты не представляешь, как там однообразно, как меня достали одни и те же стены, одни и те же лица!.. Я так рада была, когда ты позвонила!

Я улыбнулась. Она не знает, что такое однообразие и что значит «одни и те же стены».

– Слушай! – воскликнула Майя с новым приливом энергии. – А ты не знаешь, что там произошло? Ну, на этом вашем балу? Ты была там? А то у нас какие только слухи не ходят! Расскажи!

– Так вот зачем ты меня позвала! – рассмеялась я. – За новыми сплетнями?

– Вот еще, я вовсе не сплетница, – и мы обе расхохотались. Мы провели вместе, замерзая и смеясь, несколько часов, и если в качестве исключения что-то говорила я, а не она, то это почти наверняка были колкости и остроты – но я насмеялась по привычке, а не со зла, и Майя с ловкостью дипломата переводило всё, балансирующее на грани обидного, в сферу уморительно-смешного.

Мы разошлись вечером, как-то автоматически пообещав

друг другу «не теряться». Я решила добратся до больницы пешком, но, пока я возвращалась, с неба успела сойти последняя синева, и я долго заворожено блуждала по темным улицам, на которых лишь изредка встречались работающие фонари.

Едва я оказалась в стенах нашего текущего пристанища, как мой рот наполнился слюной от аппетитного сдобного аромата, витавшего в здании. Не раздеваясь, я отправилась в операционную, которую мы цинично переопределили в трапезную. На столе, где обычно режут и спасают, сейчас разложились картонные коробки с жирными пятнами и кусками пирога. Сидя на диване, притащенном сюда из рекреации, их жадно поглощали Лени, Хоньев, Якобс и Артур. При виде последнего я вспомнила странную просьбу Джека, и мне стало любопытно, что такого он хотел нам рассказать. Я взяла себе теплый кусочек из коробки, улыбнулась Лени и встретила его напряженный взгляд.

Он медленно поднялся с места, отложил еду, хотел что-то сказать – поперхнулся и закашлялся. Я нахмурилась. Он махнул мне рукой, и мы вместе вышли в коридор. Немного нервничая под его тяжелым взглядом, я, тем не менее, голодно жевала пирог.

– Нам надо поговорить, – серьезно произнес он.

Я вскинула брови. После встречи с Майей его угрюмая сосредоточенность казалась мне нелепой и комичной.

– Пойдем... куда-нибудь, – продолжил он.

Мы зашли в пустую палату, Лени настоял, чтобы мы сели, наступила глупая тишина. Наконец, я расправилась с пирогом, облизала губы и пальцы и вопросительно уставилась на Лени.

– Я уезжаю к жене, – констатировал он, глядя мимо меня.

– О, – вырвалось у меня. Ощущение комичности пропало. – Э... Надолго?

– Навсегда.

– О.

Я непроизвольно сжала в ладонях металлический каркас кровати, на которой сидела. Меня захлестнула обида, мигом вспомнились десятки сладких моментов, и стало непонятно, неужели они дороги только мне.

– Но ты же говорил, что не любишь ее, – беспомощно сказала я.

– А ты говорила, что не любишь Джека.

– А я и не люблю, – возмутилась я.

– Ага, оно и видно, – фыркнул Лени.

Я подняла на него взгляд и холодно повела бровью.

– В смысле?

– Пф! То-то ты не отходила от его постели, пока он изрыгал эту склизкую хрень из всех отверстий.

– Лени, он был болен! Конечно, я должна была заботиться о нем, он же не чужой мне человек, он... мой родственник. Да я всё детство прожила под его опекой!

– А говоришь, что не любишь.

Я была категорически не готова согласиться с таким определением своих чувств, но приказала себе не придирааться к словам.

– Это же совсем другое, Лени.

Пока я подбирала в уме пример, с которым сравнить ситуацию, Лени одарил меня чугунным взглядом. Он выглядел настолько рассерженным и взрывоопасным, что я потеряла мысль.

– Я видел, как вы целовались, – он раздраженно поморщился. – И, пожалуйста, не надо сейчас придумывать никаких... идиотских отговорок и оправданий – довольно! Я достаточно в это верил.

Я сдержала вскипавшие на языке протесты и опустила голову. Всё правильно – мы совершенно добровольно и совершенно не по-родственному целовались – и, как выяснилось, на глазах у Лени. Это измена, и это понятный и достаточный повод для расставания.

– Ладно, – сказала я.

– Что «ладно»?

– Ты уезжаешь к жене. Ладно.

Он уставился на меня с неуместным недоумением – будто я сказала это безо всякого повода после прекрасной ночи любви. И словно чиркнул зажигалкой: с воем и клокотанием во мне поднялась бешеная волна злости и сарказма.

– А ты думал, я буду умолять тебя остаться? – фыркнула я.

Он смутился и нахмурился, а я усмехнулась, горько и зло,

и покачала головой. Эта усмешка не сходила с моих губ почти до конца наших пререканий.

«Раз уж он озвучил свои претензии ко мне, то и я скажу всё, что наболело», – мысленно заявила я.

– Господи, Лени... Да тебе всё это только на руку. Ты... ушлый журналюга, вот и всё. Ты просто нагло воспользовался обстоятельствами, чтобы раздобыть «такой потрясающий» материал! И только не говори, что, вернувшись в Сплинт, ты спрячешь все эти чертовы интервью в ящик – и никто их никогда не увидит, – я покачала головой. – Господи, да ты даже из моей якобы смерти тогда сделал бизнес.

Все эти мысли томили меня уже не первый день, и теперь, дав им наконец свободу, я испытывала потрясающий драйв. Всё мое недовольство, все мои обиды, сознательно утопленные в бессознательном, выплескивались наружу, и я очищалась от их тяжелого и липкого давления.

– Ты знаешь, что это не я, что я этого не хотел, – тихо возразил он.

– Да, но и в тайне ты нашу историю не сохранил... – из меня вырвался прерывистый вздох, и я снова покачала головой. – А здесь? – продолжила атаку я. – Ты ведь только и занимаешься, что отсматриваешь свои видео, слушаешь диктофон и думаешь, кому бы это подороже продать.

– Вренна!..

– Да ты даже на секс оторваться не хотел! Мы ведь ни разу не переспали после чертова бала!

– Конечно, Вренна! Потому что ты всё время сидела со своим драгоценным Джеком! И испепеляла меня взглядом, стоило мне тебя хоть на секунду отвлечь!

– Он был болен! А ты даже не удосужился предложить помощь – пришлось тебя просить, когда я уже совсем падала с ног – и видел бы ты свое лицо! Хах, да ты и утешить меня ни разу не пытался – сидел, уткнувшись в свои записи. А когда я просила тебя поехать с ребятами искать врача? Нет, ты же писал статью!..

Я внезапно выдохлась. Бешеный поток слов оборвался, ярость сменилась опустошением, а мерзкая ухмылка наконец сползла с губ. На последних каплях горячего я слабо добавила:

– И скрывались мы с Джеком последние месяцы, потому что ты отдал наши фотографии своему издателю, а тот выложил их в интернет.

Без сил я понурилась на кровати. Лени смотрел на меня – на руки, колени, куда придется – с ноткой ужаса и никак не отводил взгляд.

– Прости, я не должна была всё этого говорить... – пробормотала я. – Ты... ты женат, у тебя ребенок... и ты возвращаешься в семью. Это нормально.

Я грустно тепло усмехнулась.

– И ты прости. Ты всё правильно говоришь... я и не понимал, как подло поступаю...

Весь его облик сквозил такой горечью и таким чувством

вины, что мне захотелось обнять его и утешить, но я строго себя остановила и обхватила вместо этого саму себя.

– Ничего.

Он всё равно выглядел разбитым. Я помолчала, потом добавила с усмешкой:

– Я долго плакать не стану.

Эта фраза вызвала из памяти фантомные чувства, и, преодолев их, я грустно улыбнулась:

– Я тебя давно оплакала.

■

Словно в тумане Леон вышел из комнаты, оставляя там Вренну. Мысли бесконтрольно металась по голове, но ни одна из них не успевала обратиться в слова. Ему было тоскливо, до умопомрачения, но он понимал, что это пройдет. Он много раз расставался с девушками, и все они достаточно быстро освобождали его разум. Его тревожил не факт расставания, а то, насколько надрывно оно произошло.

Он медленно побрел по коридору в свою палату – собирать немногочисленные пожитки. Если уж рвать – то всё разом. Завтра ему сложнее будет покинуть этот дом.

Он поднялся на четвертый этаж, почти достиг нужной двери, когда навстречу ему скользнул черный силуэт.

Джек шагнул из-за угла – стремительно, люто, словно кобра, прождавшая часы в засаде. Застигнутый врасплох, Леон инстинктивно отшатнулся – и врезался лопаткой в косяк.

Холодный блеск в опущенной руке соперника приковал его взгляд к себе.

На несколько мгновений они так и замерли. Леон – спиной к стене, безоружный, с расширенными в испуге глазами. Джек – взвинченный, раскаленный, точно зверь наготове к прыжку.

Преодолев первый секундный ужас, Леон попытался оценить происходящее. Во-первых, надо уяснить: это яростное немигающее существо перед ним – не более чем простой человек, притом еще недавно бывший при смерти. Во-вторых... Но лезвие в пальцах Джека грозно блеснуло, и всё, что осталось Леону – предчувствовать пронзания своей плоти и вспышки боли от колотых ран. «Я могу еще сбежать!» – промелькнуло в мозгу, но он продолжал стоять, окаменевший.

Джек между тем воображал примерно то же самое: рывок – тонкий скальпель прорывает кишечник, вспарывает брюхо!..

Он сдерживал себя. Он слишком легко может убить мальчишку – и слишком долго может потом об этом жалеть.

Мальчишку?.. Нет, перед ним был человек лет тридцати, со зрелыми чертами, и даже с клоком седых волос слева над ухом. «Да как же?» – опешил Джек. Но это он, сомнений быть не могло, он узнал его. И он жаждал разлить его крови.

С каждой секундой промедления Джека, Леон набирался мужества и здравомыслия. Почти inferнальный дух, увидевшийся ему сначала, теперь постепенно обращался в его

глазах всего лишь в несчастного безумца.

«Он не знает, что я уступил ему Вренну, – трезво сообщал рассудок, – он может успокоиться, если рассказать ему», – но Леон продолжал молчать.

Всё так же стоя у стены, он расправил плечи и ответил Джеку равным по уверенности взглядом, пытаясь надавить на него. Эта «дерзость» возымела обратный эффект – словно удар кнута, она только сильнее раззадорила Джека. Он быстро перехватил оружие, сгруппировался и почти кинулся на противника – и вдруг – отвернулся.

Страстное желание насилия, ревнивая ненависть, зависть, азарт – всё играло в нём в пользу убийства, но был и еще один аргумент – здравый смысл. Та хладнокровная часть Джека, что обычно скрывалась в тени, но изредка, в критические моменты, всё же являлась, как благословение.

– Я очень хочу прикончить его, – констатировала она, – но Вренна узнает и никогда мне не простит. И даже если она не убьет меня из мести – я не буду знать, куда себя деть. Я не могу второй раз так ее ранить.

Он снова посмотрел на Леона – теперь со сдержанной неприязнью.

– Не видел Артура? – буднично бросил он и пояснил: – С бородкой такой.

– В «столовой»... – неуверенно откликнулся Леон, не совсем еще понимая, что произошло.

Джек кивнул и быстро пошел прочь, на ходу заматывая

скальпель марлей, чтобы убрать в карман.

Вся эта сцена длилась буквально несколько секунд, и непосвященный наблюдатель увидел бы ее так: два человека столкнулись в коридоре, один из них вздрогнул от неожиданности, затем они странновато посмотрели друг на друга, обменялись бытовыми замечаниями и разошлись.

Эпилог | 18

– Итак, вы говорите, оно уползло. Я сейчас объясню, почему это важно, – усмехнулся Джек в ответ на их в высшей мере недоуменные взгляды. – Ну, меня пихали в кристалл, чтобы я восстановил Договор, так? Соответственно, мы... общались с этим существом. И какой-то договор, возможно, заключили...

– Общались? – со смешком вклинился Якобс, который в итоге тоже был допущен до «аудиенции». – Оно что, разговаривало с тобой?

– Ну, не совсем. Там не было никаких слов. Это скорее было... чтение мыслей? Просто поток картинок, звуков, эмоций, ощущений. Причем совершенно бешеный, совершенно не помещающийся в голове. Я кое-как понял, что мне нужно «кричать» хоть какую-то идею, чтобы не утонуть в этом океане информации – и стал представлять всё прежнее устройство жизни Вентеделей и думать «нет», «не так», «прекратить».

– Но ты же сказал, слова не работают, – удивилась Вренна.

– Да, дело не в словах. Но когда ты говоришь или думаешь «нет», твой мозг излучает определенные волны. Ты подразумеваешь некую логическую единицу, которая переводится на человеческий язык как «нет», «по» и так далее. Я представлял всё это со знаком минус, как бы наполнял отрицанием.

Он помолчал немного, собираясь с мыслями, и продолжил:

– В общем, как мне кажется, договор у нас вышел такой: всё это прекрасное безумие действительно прекращается: и наши обязанности, и наша власть. А кроме того, я становлюсь его «транспортом» и вытаскиваю его из Замка, который вот-вот взорвется.

– Откуда он это знал? – изумился Артур.

– Прочитал в моей памяти. Он за секунду вывернул меня наизнанку и узнал всё, что знаю я.

– Так вот почему он набился в тебя, – констатировала Вренна.

Джек кивнул.

– А теперь он наконец вылез и ушел жить своей жизнью. Но не вполне понятно, что это значит для нас. Скоро он обоснуется где-нибудь и начнет заново плодить кораблестов?

– То есть – предлагаешь его найти и добить? – с долей сарказма уточнил Артур.

– Я не знаю... не уверен. Я много что узнал из того информационного взрыва. Сейчас проходит время, те сведения постепенно укладываются в моей голове, и я начинаю брать в толк, что всё это значило. Во время первого договора ни Родерик, ни Кристалл не имели в виду того, что получилось. Но... грубо говоря, они общались на разных языках и не могли толком понять друг друга. К тому же у них было очень мало времени, потому что человек просто не в состоянии долго выдерживать такой напор информации. Может, Родерик умер прямо внутри кристалла, может – его выплюнуло, как и меня, и он скончался вскоре после... В любом случае, из мыслей, успевших промелькнуть между Родериком и Кристаллом за ту минуту, что они общались – сложилось то, что мы имели сотни лет под названием Договора.

– Да как же могло такое извращение сложиться? – покачал головой Артур.

– Ну... я примерно себе представляю. Родерик был средневековым рыцарем, так? Ему было не в диковинку убивать людей. Кроме того, будучи высокородным, он очень пекся о своем происхождении и наследниках. Корабль, в свою очередь, долго существовал на дне моря и наблюдал жестокую природу, где существа убивают и пожирают друг друга, чтобы не умереть с голода, и это нормальная часть жизненного цикла каждого из них. Родерик требовал сдаться и подразумевал под этим в некотором роде рабство – потому что это средневековые времена. Корабль требовал оставить в покое

его детей. Потом Родерик потерял сознание или умер, и, так или иначе, соглашение было заключено. Впрочем, может, изначально оно было и не совсем таким, но за первые десятилетия трансформировалось и в итоге приняло привычный нам вид.

Трое смотрели на него вопросительно. Джек перевел дух и продолжил:

– Как я понимал и раньше, а теперь убедился: кораблисты – это единый организм с коллективным разумом, как колония одноклеточных. А кристалл – это их мозг, а заодно и праотец, и божество. Он управляет тем, как развиваются зародыши, и вкладывает в них всё, что видит кругом. Именно поэтому они такие странные мутанты на вид – в них смешано всё, что существует вокруг кристалла. Поднявшись со дна, он начал затоплять их геном новой информацией – кусочками насекомых, птиц, рептилий. К щупальцам и чешуе добавились крылья, когти, панцири, шипы. В общем, всё, к чему ты привыкла, Вренна.

А после договора, когда кристаллы оказались заключены в стенах Замков, всё, с чего они могли копировать новых кораблистов – это старые кораблисты, и мы, Вентедели. Поэтому в течение всех этих сотен лет кораблисты почти не менялись, разве что стали чуть более человекообразны. И их агрессия по отношению к людям объясняется тем же самым. Она могла развиваться в первое время – и постепенно стать частью договора. Их ненависть – это только отражение нашей

ненависти. Это может звучать немного наивно и нравоучительно, но... – Джек облизнул губы, подбирая слова, – Очевидно, что они питали к нам взаимную ненависть. Просто это происходило не потому, что мы причинили вред лично кому-то из них, и они хотят отомстить – а потому что они впитывали это чувство, развиваясь. У них просто не было другого выхода, кроме как платить нам той же монетой.

А теперь, когда этот кристалл уполз и предоставлен сам себе, он, вероятно, начнет воспроизводить всё, что его окружает, и кораблисты очень изменятся. Если он обоснуется в лесу, они станут похожи на растения и лесных зверей, если в реке – на рыб, ну и так далее. В любом случае, у них не будет больше причин враждовать с людьми, по крайней мере, до тех пор, пока рядом с кристаллом снова не поселятся люди.

Он помолчал и добавил с усмешкой:

– Но, может, лучше не рисковать, и да – найти и добить его.

Вренна рассмеялась:

– Почему-то мне кажется, что это невозможно. Полкило живого желе в целом городе?

– Согласен, – улыбнулся Джек. – И к тому же, думаю, он еще не скоро очухается. Так что если кораблисты когда-нибудь и доставят кому-то неприятности – то едва ли это будем мы. Разбираться с этим придется нашим далеким потомкам.

– Вероятно, Родерик думал так же, – заметил Артур.

– Не, – отрезал Джек. – Он умер и не знал, что натворил.

Паром отходил в полночь, и машины, загушая воздух, медленно вползали на него с причала Штаман-Рейна. Вренна вышла из форда и стояла у борта корабля, меланхолично глядя на черную воду внизу. Она шевелилась и поблескивала в свете городских огней, и казалось, там внизу есть свое звездное небо, и мусор, колеблющийся на ряби – это далекие глубоководные метеориты.

Проплывут незаметно два часа на пароме, неспешно пересекаящем реку, и вновь станет неясно, куда направляться дальше. С поезда на корабль, с корабля автостопом – похоже, вот какой свободы они добились. Короли уродов сами стали шрамом – болезненным воспоминанием, от которого не терпится избавиться.

org.svejevalo.ven/politics/08-12-13/d27jf14tcytjd.html

08.12.13

Сегодня, в честь первой годовщины пресловутого Последнего Бала, я хочу поделиться с Вами некоторыми соображениями – подвести черту года, если хотите. Легко и приятно радоваться победе над «преступниками против человечества» – но, может, всё не так однозначно? Я постараюсь вкратце разложить по полочкам все изменения, произошедшие за этот год.

Безусловно, официальная пресса и телевиденье уверяют нас, что все наши беды ушли вместе с эпохой Вентеделей, а если кому-то кажется, что он несчастлив – то это не более

чем остаточный эффект. Интернет кишит документальными и поддельными фотографиями со зверствами Вентеделей, и нас уверяют, что теперь это в прошлом. Отныне не будет ни пыток, ни убийств, ни надругательств.

Вечерние новости не обходятся без сенсационной поимки очередного «врага народа», или обнаружения «неоспоримых и ужасающих» улик, или объявления смертного приговора – и так далее. Впрочем, особо дотошные зрители могли бы усомниться в словах диктора – удосужившись проверить информацию, они обнаружили бы, что больше половины казненных Вентеделей умерли своей смертью еще в прошлом веке. Бешеный ажиотаж, созданный вокруг этой «охоты на ведьм», объясняется только стремлением наших новых властей отвлечь внимание населения от настоящих проблем.

Как известно, Падение Договора повлекло за собой банкротство множества компаний, стабильно торговавших с родом Вентеделей. Наиболее продвинутые обозреватели того времени писали, что грядет тяжелейший финансовый кризис, дефицит и разорение – в первую очередь потому что огромные производства прекратят работу, и потребуются время, чтобы найти достаточное количество квалифицированного персонала для этих фабрик. К тому же эта новая рабочая сила будет требовать достойной оплаты, и себестоимость товаров взлетит до небес, что в свою очередь повлияет и на внутреннего потребителя, и на внешнюю торговлю...

Удивительно, но обозреватели ошиблись. Товары почти

ни на день не исчезали с полок, а подорожали в итоге за год едва ли в полтора раза. Многие жалуются на это, но всё обещалось быть гораздо хуже. Что же лежит в основе такого мягкого прохождения страной этого критического рубежа?

Представляю Вам ранее известного в узких кругах криминального авторитета Антона Валентиновича Сказочкина по прозвищу Сказочник. Сейчас о нём уже никто не говорит. Зато на политической арене внезапно появился олигарх Антон Мажори. Беглого взгляда на их фотографии достаточно чтобы заметить сходство.

Некоторые источники утверждают, что в последние месяцы эпохи Вентеделей Сказочник-Мажори вошел с ними в близкий деловой контакт, и впоследствии присутствовал на Балу восьмого декабря. Стоило бравым солдатам нашей армии расправиться с наполнявшими замок кораблистами, как подчиненные Мажори начали осваивать заводские подвалы замка. Не прошло и двух недель, как туда были доставлены тысячи новых работников. Раздобыть их было тогда несложно, ведь полиция не разыскивала пропавших мужей, сестер, друзей и коллег – всем было понятно, что с ними произошло.

К сожалению, у меня не сохранилось доказательств (мою несчастную камеру расстреляли, целясь не в нее), так что все мои слова в ваших глазах – не более чем очередная гипотеза. Однако, если всё же развивать ее и дальше, мы приходим к выводу, что наше государство вовсе не отказалось от экономики, основанной на рабском труде – оно просто сменило

видовую принадлежность этих рабов. А «охотой на ведьм» (и терроризированием людей, не имевших в прошлом свободы выбора) оно занимается просто для отвода глаз.

Спасибо за внимание,

Всегда ваш,

Leonid_S.